

«ПОСРЕДИ ГРОЗЫ ВОЕННОЙ СЧАСТИЕ НАЙТИ ХОТЕЛ!..»

240 лет со дня рождения генерала Д.В. Давыдова

27 (16 по ст.ст.) июля 1784 года в Москве родился Денис Васильевич Давыдов, генерал-лейтенант, партизан, герой Отечественной войны 1812 года, военный писатель и поэт.

Давыдов происходил из старинного дворянского рода. В 1801 году он был зачислен в Кавалергардский полк в Петербурге, но три года спустя за сатирические произведения, затрагивавшие императора Александра I и придворную знать, был переведён в Белорусский гусарский полк. В 1806—1812 гг., будучи адъютантом генерала П.И. Багратиона, Давыдов участвовал в войнах с Францией (1806—1807 гг.), Швецией (1808—1809 гг.) и Турцией (1809—1812 гг.).

В начале Отечественной войны Д.В. Давыдов командовал эскадронном Ахтырского гусарского полка. Незадолго до Бородинской битвы с одобрения командующего русской армией М.И. Кутузова он занялся организацией партизанского движения. Сформированный из гусар и казаков «летучий отряд» Давыдова успешно действовал в тылу французской армии в районах Вязьмы, Гжатска, под Ляховым, Красным.

Партизанскую тактику Давыдов пытался использовать и во время Заграничных походов 1813—1814 гг., но за самовольный набег на Дрезден, закончившийся пленением гарнизона, был отстранён от должности.

В 1823 году Давыдов вышел в отставку в должности начальника штаба корпуса, но в 1826 году по приглашению императора Николая I вернулся на службу, приняв участие сначала в Русско-персидской войне 1826—1827 гг., а затем в подавлении Польского восстания 1830—1831 гг. В 1832 году он окончательно ушёл со службы.

В 1820-е годы Д.В. Давыдов общался с декабристами генерал-майором М.Ф. Орловым, поэтом Ф.Н. Глинкой, писателем А.А. Бестужевым, литератором А.И. Якубовичем, а также сблизился с поэтами А.С. Пушкиным и П.А. Вяземским. В тот период он также посещал московские литературные кружки, куда входили писатель и дипломат А.С. Грибоедов, писатели А.А. Бестужев, Н.А. Полевой, поэты Е.А. Баратынский, Н.М. Языков.

Портрет Дениса Васильевича Давыдова
Художник Дж. Доу
Военная галерея Зимнего дворца,
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

Сам Давыдов стал создателем так называемого жанра гусарской лирики — своеобразного лирического дневника русского офицера-патриота, свободомыслящего воина и поэта, что наиболее ярко отражено в его произведениях «Гусарский пир», «Бородинское поле». Перу бывшего партизана принадлежат также яркие характеристики известных русских полководцев — А.В. Суворова, М.И. Кутузова, П.И. Багратиона. В его военно-исторических работах («Дневник партизанских действий 1812», «Опыт теории партизанского действия») впервые была подвергнута критике версия морозов как причины поражения Наполеона в России. Денис Васильевич Давыдов скончался 4 мая 1839 года в деревне Верхняя Маза Симбирской губернии. Его прах был перевезён в Москву и похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря. Денис Васильевич, романтик по природе, посвятил всю свою жизнь ратному делу на благо Отечества. В

одном из своих стихотворений он характеризовал себя так: «И в безумстве упоенный чадом славы бранных дел, посреди грозы военной счастье найти хотел!..»

Благодарные потомки чтят его память и по сей день. Улицы имени Дениса Давыдова есть в российских городах Москве, Владивостоке, Казани, Можайске, Новосибирске, Орле, Перми, Подольске, в белорусском городе Бельниччи. В ряде городов и сёл нашей страны установлены его памятники и бюсты. В Советском Союзе и Российской Федерации выпущены почтовые марки и монеты с изображением нашего выдающегося соотечественника. 18 сентября 1986 года в честь Дениса Васильевича астероиду, открытому 8 октября 1969 года в Крымской астрофизической обсерватории, было присвоено наименование 3126 Davydov. В XX веке три судна с его именем на борту бороздили моря и реки. В 2013 году состав Военно-морского флота России пополнил десантный катер «Денис Давыдов» проекта 21820, а российский «Аэрофлот» присвоил его имя одному из своих авиалайнеров.

Публикация Н.Л. Крыловой

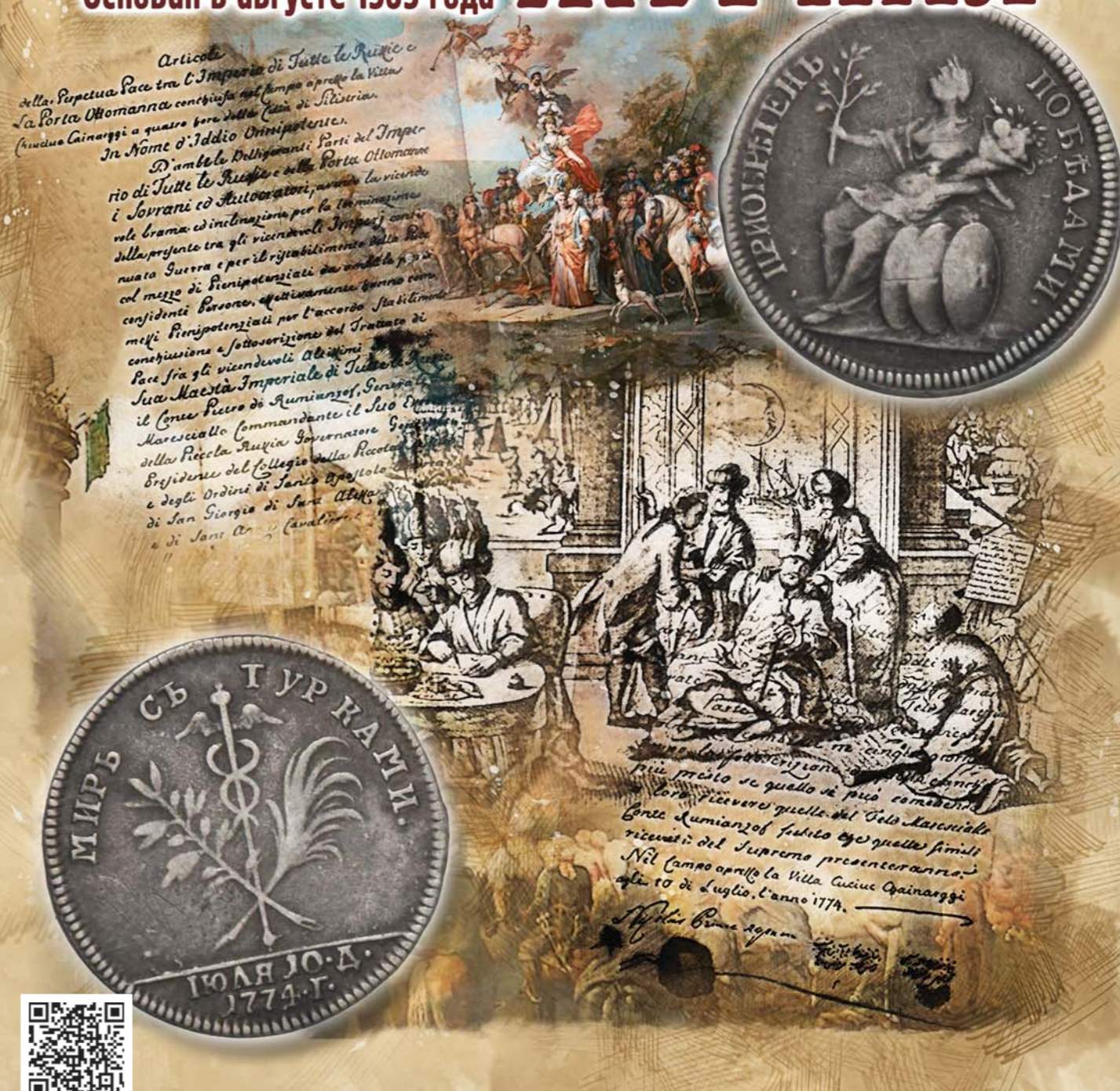
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

Военно-исторический журнал 7 июля 2024

«ВЕЧНОГО МИРА ВЫШЕПИСАННЫЕ ПУНКТЫ В ДВАДЦАТИ ОСЬМИ АРТИКУЛАХ...»

К 250-летию подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора

21 (10 по ст.ст.) июля 1774 года в болгарской деревне Кючук-Кайнарджи, что на берегу Дуная, в ставке главнокомандующего российской армией генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева был подписан мирный договор, который закрепил победы, одержанные русской армией под его руководством в ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг., за что он был удостоен титула Задунайский.

Как и в других войнах с Османской империей, Россия в той войне вела борьбу за выход к Чёрному морю и стремилась закрепить за собой Причерноморье и Кавказ. Турция в свою очередь пыталась расширить за счёт этих территорий собственные владения, а также выступала против усиления русского влияния в Польше, где в 1764 году на престол был возведён ставленник России Станислав Август Понятовский.

Поводом к началу боевых действий послужило отклонение Россией турецкого ультиматума о выводе русских войск из Речи Посполитой, которые отстаивали интересы польского короля в борьбе с Барской конфедерацией.

6 октября 1768 года Турция, поддерживавшаяся Францией и Австрией, объявила России войну.

Война велась в Бессарабии, Молдавии и на Кавказе. Разгром турецких войск при Ларге и Кагуле, турецкого флота в Чесменском бою, захват Крыма заставили Турцию начать мирные переговоры. Но попытки заключить мир в Фокшанах, а затем в Бухаресте оказались безрезультатными. 1(12) ноября 1772 года Россия подписала договор с крымским ханом Сахиб-Гиреем, взяв под своё покровительство Крым. Возобновившиеся летом 1773 года военные действия также оказались более удачными для русской армии (победы А.В. Суворова у Козлуджи, И.П. Салтыкова у Туртукая, переход А.И. Заборовского через Балканы).

В сложившихся условиях турецкое правительство было вынуждено пойти на переговоры и подписать мирный договор.

Со стороны России договор подписал генерал-поручик князь Н.В. Репнин, со стороны Османской империи — нишанджи (хранитель султанского вензеля, один из высших придворных чинов) Ахмед Ресми-эфенди и реис-эфенди (министр иностранных дел) Ибрагим Мюниб.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор состоял из вступления, 28 статей («Сии вечного мира вышеписанные пункты в двадцати восьми артикулах...») и одного секретного приложения. Согласно договору Крым и сопредельные татарские области были признаны «вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти», к России были присоединены Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн с землями между Днепром и Бугом; русские торговые суда получили право беспрепятственно ходить по Чёрному морю и проливам, России было предоставлено наибольшее благоприятствование в вопросах торговли, пошлин, капитуляционного режима и консульской службы; установлен русский протекторат над Молдавией и Валахией — право «говорить в пользу сих двух княжеств»; Россия получила право построить церковь в Константинополе и делать представления в пользу этой церкви и её служителей. Порты же обязывались обеспечить «твёрдую защиту христианскому закону и церквам оного», выплатить 7,5 млн пиастров (4,5 млн руб.) военной контрибуции России (секретное приложение). Другие статьи предусматривали амнистию по воинским преступлениям, взаимную выдачу преступников и перебежчиков, аннулирование прежних договоров, признание за российской императрицей титула «падишах», установление ранга и старшинства русских дипломатических представителей при Порте и пр.

Публикация Н.Л. Крыловой

Сцена подписания Кючук-Кайнарджийского мира
Неизвестный художник
Вторая половина XVIII в.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: mil_hist_magazin@mail.ru или ric_vig_1@mail.ru.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

- 1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
- 2) аннотацию на русском и английском языках (100–150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы. В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- 3) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов);
- 4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспонатов, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
- 5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
- 6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил:
поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см;
межстрочный интервал — полуторный;
абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами);
перенос слов — отключён;
инициалы между собой пробелами не отделяются;
при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-);
кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:
1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
- 3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисовочные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mail.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:
• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;

• Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогами агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru, www.akc.ru, www.pressa-rr.ru;

• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 18.05.2024
Подписано к печати 20.06.2024
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 2337-2024
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
123007, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@kornet.ru
Отпечатано в АО «Красная Звезда»
117342, Москва, Севастопольский проспект, 56/40 С1
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2024

Отдел распространения периодической печати — 8(495) 941-39-52
E-mail: kr_zvezda@mail.ru,
Web-сервер: <http://www.redstarprint.ru>
Секретариат — 8(495) 191-15-51

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный журналист РФ,
полковник запаса

**Заместитель
главного редактора**
КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАРАН,
полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;
Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат

исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,
полковник в отставке,
кандидат философских
наук, старший научный
сотрудник;

А.Л. КУРСОВА;
С.В. МАНЮКОВ,
полковник в отставке;
А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;
А.В. ПЕТРОЧИНИ;
А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

**Ответственный
секретарь**

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель
ответственного секретаря);
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник в отставке

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

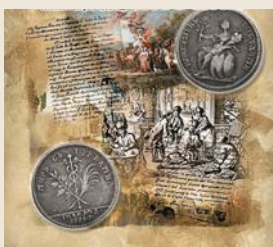
Компьютерная вёрстка

Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ

капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использованы: картина С. Торелли "Победа Екатерины II над турками"; гравюра "Сцена подписания Кучук-Кайнарджийского мира"; жетон "В память заключения мира с Турцией. 1774 г."

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИЮЛЬ

№ 7 (771)

2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

N.M. BARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — референт заместителя министра обороны Российской Федерации, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Assistant to the Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Major-General, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 2-я стр. обл.** «Вечного мира вышеписанные пункты в двадцати восьми артикулах...». К 250-летию подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора (*Публикация Н.Л. Крыловой*)

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- 4** **А.А. КОРЯКОВЦЕВ, С.Л. ТАШЛЫКОВ** — «В результате крупной... ошибки в послевоенной судостроительной программе у нас нет авианосцев». На пути к созданию первого авианесущего корабля для советского ВМФ (1941—1969 гг.)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

- 14** **В.С. МИЛЬБАХ, В.А. ЧЕРНУХИН** — «...На километр фронта порой приходилось по 200 и более стволов». Артиллерия Красной армии в Белорусской стратегической наступательной операции (23 июня — 29 августа 1944 г.)
- 26** **С.В. БОРОДИНА** — «...Насколько быстро справятся со своим делом эти “танковые лекари”, зависит время вступления нашего танка в бой». Восстановление бронетанковой техники ремонтниками Воронежского фронта в Курской битве

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

- 36** **М.Э. МОРОЗОВ** — «Время, потерянное при развитии этого быстрорастущего рода сил флота, вполне вероятно, уже нельзя будет наверстать». Подводные силы Германии в начале её агрессии против СССР

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

- 44** **И.В. КАРТАШЕВ** — «...Врачи, медицинские сёстры, санитары сутками не отходили от операционных столов и коек тяжелораненых, творя настоящие чудеса». Местные эвакуационные пункты на Северном Кавказе (1941—1945 гг.)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

- 54** **М.И. ЯКУШЕВ** — «Генерал Кутузов был принят с большими почестями и большей любезностью...». Посещение послом М.И. Кутузовым Святой Софии в 1793 году (в описании Г.К. фон Реймерса и Г.С. Сергеева)

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

- 70** **Н.В. БЕЛОУСОВА, А.А. МИХАЙЛОВ** — «Требования просителей удовлетворяются по возможности немедленно...». Особая канцелярия для приема просителей и разбора просьб на имя военного министра в 1864—1917 гг.

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

- 82** **А.В. ТОЛОЧКО** — «Сдвиг-3» — уникальный эксперимент. О проведении в СССР испытания агрегатов БЖРК на стойкость к воздействию ядерного взрыва (27 февраля 1991 г.)

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

- 88** **Н.В. АНТОНОВА, Д.Ю. ЛИТИНСКИЙ, И.А. АНТОНОВА** — «Тут мы находим и свою семью, и свой язык, и свои законы, и свое Богослужение». Обустройство судовых (корабельных) церквей Российского Императорского флота

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

- 98** **С.С. БЛИЗНИЧЕНКО** — «Бумажные накидки не являются средством защиты десанта...». Судьба инженер-флагмана 3 ранга Н.М. Хайта

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

- 106** **Ю.М. ГОРДЕЕВ, А.Ю. КАРПИНЕЦ** — «Доставить этому отдаленному краю просвещенных чиновников». Роль П.К. Эссена и П.П. Сухтелена в становлении Оренбургского Неплюевского военного училища (1825—1834 гг.)

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

- 117** «Долг наших историков — своими работами воспитывать... глубокое уважение... к нашим славным предкам, защищавшим родную землю»

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

- 4-я стр. обл.** «Посреди грозы военной счастье найти хотел!...». 240 лет со дня рождения генерала Д.В. Давыдова (*Публикация Н.Л. Крыловой*)

CONTENTS

MEMORABLE DATES

«Eternal peace described above in twenty-eight articles...». On the 250th anniversary of the signing of the Kucuk Kainarji Treaty (*Publication by N.P. Krylova*) **p. 2 of the cover**

MILITARY CONSTRUCTION

A.A. KORYAKOVTSSEV, S.L. TASHLYKOV — «As a result of a great... mistake in the postwar shipbuilding program, we have no aircraft carriers». Towards the first aircraft carrier for the Soviet Navy (1941–1969) **4**

GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

V.S. MILBAKH, V.A. CHERNUKHIN — «...There were sometimes 200 or more barrels per kilometer of front». Red Army artillery in the Belarusian strategic offensive operation (from June 23 to August 29, 1944) **14**

S.V. BORODINA — «...How quickly these tank healers will finish their work depends on the time of our tank's entry into the battle». Restoration of armored vehicles by repairers of the Voronezh front at the Battle of Kursk **26**

SECOND WORLD WAR

M.E. MOROZOV — «The time lost in the development of this rapidly growing branch of naval power may not be recovered». Germany's submarine force at the beginning of its aggression against the USSR **36**

HISTORY OF MILITARY MEDICINE

I.V. KARTASHEV — «Doctors, nurses, and orderlies stayed at the operating tables and beds of the seriously wounded for twenty-four hours and performed real miracles». Local evacuation centers in the Northern Caucasus (1941–1945) **44**

FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS

M.I. YAKUSHEV — «General Kutuzov was received with great honors and greater courtesy...». Ambassador M.I. Kutuzov's visit to the Church of the Holy Wisdom in 1793 (as described by H. von Reimers and G.S. Sergeyev) **54**

ARMY AND SOCIETY

N.V. BELOUSOVA, A.A. MIKHAYLOV — «The demands of the petitioners will be met as soon as possible...». Special Office for receiving petitioners and sorting out requests to the secretary of war, 1864–1917 **70**

FROM THE HISTORY OF ARMAMENTS AND EQUIPMENT

A.V. TOLOCHKO — Shift-3 is a unique experiment. Testing missile train parts for resistance to nuclear explosions in the USSR (February 27, 1991) **82**

MILITARY CHRONICLE OF FATHERLAND

N.V. ANTONOVA, D.Yu. LITINSKY, I.A. ANTONOVA — «Here we find our own family, our own language, our own laws, and our own worship». Arrangement of ship churches of the Russian Imperial Navy **88**

FORGOTTEN NAME

S.S. BLIZNICHENKO — «Paper capes are not a means of defending troops...». The fate of the engineer flagship 3rd rank N.M. Khayt **98**

MILITARY TRAINING AND EDUCATION

Yu.M. GORDEEV, A.Yu. KARPINETS — «Deliver to this distant land enlightened officials». The role of P.K. Essen and P.P. Sukhtelen in the formation of the Orenburg Nelyuev Military School (1825–1834) **106**

MILITARY HISTORIAN'S BOOKSHELF

«It is the duty of our historians to foster through their work... a deep respect... for our glorious ancestors who defended their native land» **117**

MILITARY LEADERS AND COMMANDERS

«In the midst of the military storm I wanted to find happiness!..» In honor of the 240th anniversary of the birth of General D.V. Davydov (*Publication by N.L. Krylova*) **p. 4 of the cover**

«В РЕЗУЛЬТАТЕ КРУПНОЙ.. ОШИБКИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ У НАС НЕТ АВИАНОСЦЕВ»

На пути к созданию первого авианесущего корабля для советского ВМФ
(1941—1969 гг.)

Сведения об авторах. Коряковцев Алексей Анатольевич — профессор кафедры строительства и применения ВМФ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, доктор исторических наук (Москва. E-mail: rtm6711989@yandex.ru);

Ташлыков Сергей Леонидович — профессор кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, доктор исторических наук (Москва. E-mail: stashlykov@yandex.ru).

Аннотация. В статье изложена краткая история создания первых советских авианесущих кораблей после окончания Второй мировой войны. Нарком советского ВМФ Н.Г. Кузнецов осознавал возрастающую роль авианосцев в вооружённой борьбе на море и настаивал на включении их в судостроительную программу, однако военно-политическое руководство страны препятствовало реализации этих планов. Борьбу за создание авианесущих кораблей продолжил главком ВМФ С.Г. Горшков. В результате в 1960-х годах был создан первый советский корабль-вертолётносец. В статью вошли материалы из фондов Российского государственного архива экономики, Государственного архива Российской Федерации, сборников документов и научных работ отечественных и зарубежных авторов.

Ключевые слова: авианосец; план военного судостроения; проект корабля; оперативно-тактическое задание; Военно-морское министерство; Министерство судостроения; вертолётносец.

В предыдущей нашей статье, опубликованной в «Военно-историческом журнале» в 2023 году, рассматривался вопрос создания первых отечественных авианесущих кораблей для российского и советского ВМФ в 1909—1941 гг.¹ В межвоенный период взгляды на строительство и применение

военно-морских сил основывались на опыте Первой мировой войны и не учитывали объективных факторов, обусловивших изменение характера вооружённой борьбы на море. Общим заблуждением для всех крупнейших морских держав являлось отведение главной роли в будущей войне на мор-

ских и океанских театрах военных действий крупным артиллерийским кораблям при явной недооценке авианесущих кораблей. На 31 августа 1939 года в состав ВМС Великобритании, США, Франции и Японии входили 19 авианосцев и более 120 линейных кораблей и тяжёлых крейсеров². Уже в первые годы Второй мировой войны успешные действия палубной авиации по уничтожению судов противников коренным образом изменили взгляды на роль авианосцев, которые станови-

лись основным классом кораблей, заявившим о себе как о перспективном средстве ведения войны на море. Это повлекло за собой внесение изменений в содержание кораблестроительных программ США, Великобритании и Японии. Особенно интенсивно строительство авианосцев велось в Соединённых Штатах, где за период с 1942 по 1945 год были спущены на воду и введены в строй 17 тяжёлых (эскадренных), 9 лёгких и 77 эскортных авианосцев³.

Руководство советского флота также обратило внимание на возросшую роль авианосцев. По указанию наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова в годы Великой Отечественной войны 4-е и 17-е Центральные конструкторские бюро (ЦКБ) и 45-й Центральный научно-исследовательский институт продолжали заниматься проектированием авианосцев, которое начали в 1930-х годах. Эти учреждения приобрели определённый опыт в разработке проектов лёгких авианосцев. Вместе с тем с 1942 года на смену авианосцам довоенной постройки в ВМС США уже стали поступать тяжёлые — типа «Эссекс», которые впоследствии будут признаны лучшими кораблями Второй мировой войны в своём классе.

Однако у советских конструкторов для начала столь сложной работы по проектированию тяжёлых авианосцев было крайне мало исходных данных. Главный штаб ВМФ, несмотря на неоднократные запросы конструкторских бюро, не смог сформулировать концепцию создания кораблей этого класса. Отечественная судостроительная

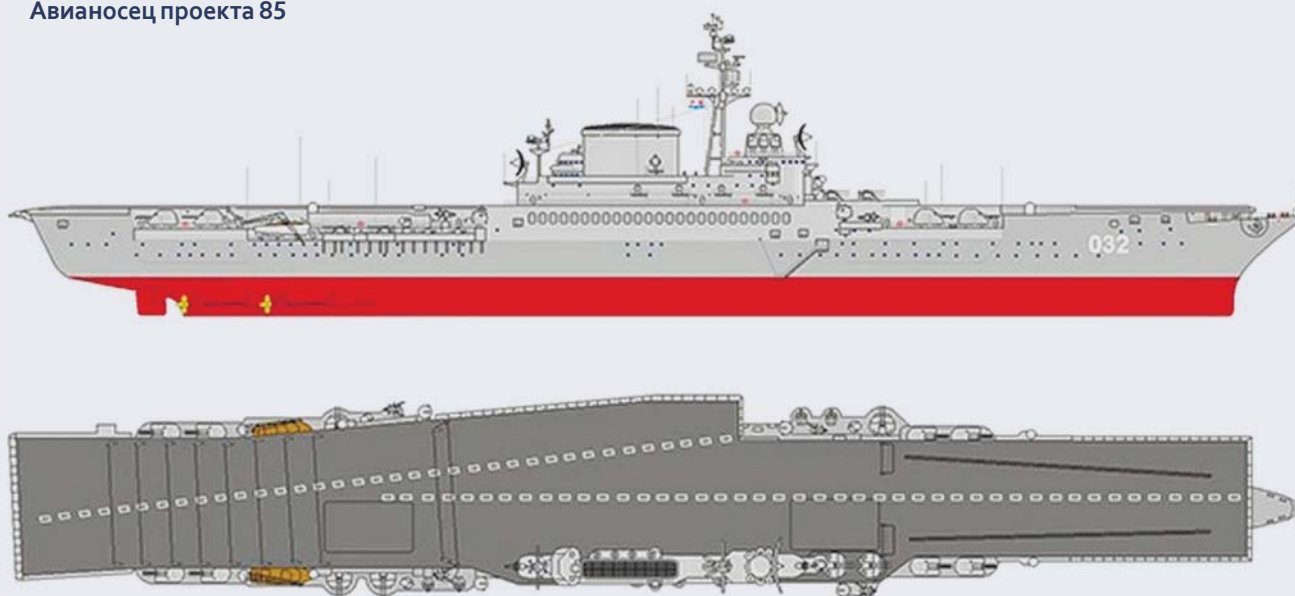
промышленность не располагала какими-либо данными по американскому опыту проектирования и строительства тяжёлых авианосцев. Советская разведка не смогла предоставить необходимые сведения, а союзники не собирались делиться своими секретами.

Тем не менее согласно предварительному оперативно-техническому заданию (ОТЗ), утверждённому начальником Главного морского штаба адмиралом В.А. Алафузовым в январе 1943 года, совместными усилиями ЦКБ-4 и ЦКБ-17 к ноябрю 1944 года был подготовлен предэскизный проект авианосца (проект 72), авиавооружение которого включало 30 самолётов, катапульты и аэрофинишеры. Как видно из основных тактико-технических данных, спроектированный корабль, так же как и его предшественники, являлся лёгким авианосцем, поэтому представители флота, которых не удовлетворяло малое количество самолётов при большом водоизмещении корабля (28 тыс. т), дали отрицательное заключение по проекту 72. В результате работа в этом направлении была прекращена⁴.

Как бы то ни было, война подходила к завершению, и следовало подумать о подготовке проекта планов военного судостроения мирного времени. Первым шагом к решению этой проблемы стала разработка Главным морским штабом оперативно-стратегических обоснований послевоенного состава советских флотов. В их основу были положены оценка международной обстановки, определение наиболее важных морских направлений, на которых было необходимо сосредоточить основные усилия по обеспечению военной безопасности СССР. Кроме того, была проведена оценка возможностей судостроительной промышленности, которая показала, что в то время на судостроительных предприятиях находилось большое количество кораблей, заложенных в предвоенный период. В этой связи был сделан вывод, что для выполнения планов по обновлению состава флота дальнейшее строительство кораблей по устаревшей довоенной программе необходимо прекратить, а их места на стапелях должны занять новые (перспективные) корабли.

Ответственность за разработку предложений по буду-

Авианосец проекта 85

щей программе военного судостроения была возложена на заместителя наркома ВМФ по судостроению и вооружению адмирала Л.М. Галлера. При этом конкретных указаний органам судостроения и Главному морскому штабу Н.Г. Кузнецов не отдавал, чтобы не сковывать инициативу разработчиков. По откровенному признанию наркома ВМФ, он и сам ещё смутно представлял себе, корабли каких классов следовало в ту пору строить. Тем не менее наиболее ясным для него был вопрос со строительством авианосцев, которые Н.Г. Кузнецов считал необходимым включить в программу. Именно в авианосцах, по убеждению наркома ВМФ, больше всего нуждались Дальневосточный и Северный морские театры, имевшие выход в океан. Что же касается линкоров, строительство которых началось накануне Великой Отечественной войны, то Н.Г. Кузнецов считал их уже ушедшими «в отставку»⁵.

В январе 1945 года для завершения разработки предложений в послевоенный план военного судостроения

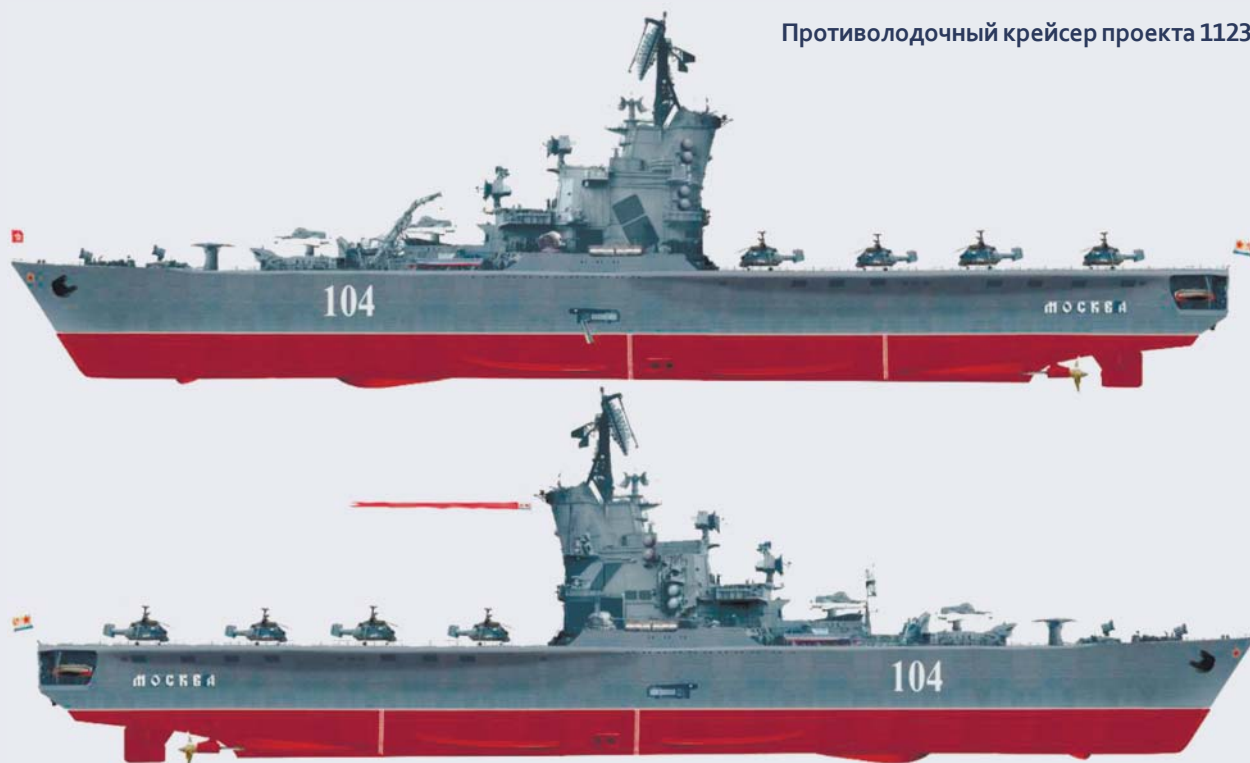
была образована комиссия в составе ряда подкомиссий, задачей которых было определение типажа и ключевых характеристик перспективных кораблей основных классов. По результатам работы подкомиссии по авианосцам были сделаны выводы о необходимости строительства авианосцев двух типов: большого (60 самолётов) и малого (30 самолётов)⁶, что стало обоснованием для включения в проект первого послевоенного плана военного судостроения шести эскадренных и шести малых авианосцев. Воплощение планов по созданию этих кораблей зависело от решения военно-политического руководства страны.

Вместе с тем исторический опыт развития отечественного флота показывал, что на этот процесс в большой степени влияли субъективные факторы, обусловленные авторитарным стилем руководства. От положительного или отрицательного мнения глав государства и правительства, руководителей ключевых министерств (наркоматов), зачастую не обладавших не-

обходимыми компетенциями или отстаивавших интересы своих ведомств, зависела судьба отдельных проектов кораблей и кораблестроительных программ и планов, как это случилось с первым послевоенным планом военного судостроения.

Предложения наркома ВМФ адмирала флота Н.Г. Кузнецова по плану военного судостроения на 1946—1956 гг. рассматривались на совещании под руководством И.В. Сталина 27 сентября 1945 года. Его результатом стало отклонение предложений, представленных ВМФ. В то же время был принят десятилетний план, разработанный Наркоматом судостроительной промышленности, фактически возобновлявший реализацию предвоенной судостроительной программы, в которой места для новых кораблей, в том числе авианосцев, не нашлось⁷. На возражения Н.Г. Кузнецова по поводу исключения авианосцев из плана глава государства сказал: «На данном этапе мы можем обойтись без них, так как на Чёрном море и Балтике они не нужны, а на Дальнем

Противолодочный крейсер проекта 1123-1

Востоке мы теперь имеем Курильские острова и Сахалин»⁸.

Несмотря на это, Наркомат ВМФ и Главный морской штаб продолжали заниматься вопросами создания авианесущих кораблей. В декабре 1945 года нарком ВМФ утвердил ОТЗ на проектирование экспериментального авианосца для противовоздушной и противолодочной обороны корабельного объединения. Обсуждались так-

же целесообразность достройки в качестве авианосца тяжёлого крейсера «Кронштадт» и возможность достройки трофейного германского авианосца «Граф Цеппелин», имевшего высокую степень технической готовности. Однако руководство Наркомата судостроительной промышленности отказалось рассматривать эти предложения. Последующие изменения организационной структуры

Вооружённых сил и системы стратегического управления существенно ограничили возможность руководства флота по отстаиванию своих интересов в вопросах строительства ВМФ.

В 1946 году было образовано Министерство Вооружённых сил СССР. В результате проведённых реформ флот утратил статус самостоятельного вида и был переименован в Военно-морские силы, Наркомат ВМФ перестал быть государственным органом исполнительной власти, а командующий ВМС адмирал флота Н.Г. Кузнецов уже не мог напрямую обращаться к главе государства и председателю правительства. Тем не менее он продолжал отстаивать интересы флота, требуя пересмотра существовавшей системы проектирования перспективных кораблей, повышения качества их строительства, неоднократно обращался к заместителю председателя Совета министров СССР Н.А. Вознесенскому с предложениями по устранению разногласий между ВМС

На возражения Н.Г. Кузнецова по поводу исключения авианосцев из плана глава государства сказал: «На данном этапе мы можем обойтись без них, так как на Чёрном море и Балтике они не нужны, а на Дальнем Востоке мы теперь имеем Курильские острова и Сахалин»

Противолодочный крейсер «Москва»

и Минсудпромом. Главком ВМС всё более проявлял независимость и стремление иметь своё мнение по отдельным вопросам.

Так, он выступил против принятого И.В. Сталиным решения о разделении Балтийского флота на два самостоятельных — 4-го и 8-го. В июне 1947 года на заседании Высшего военного совета, которое вёл сам И.В. Сталин, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков был снят с должности главкома Сухопутных войск. При этом единственным человеком, который не выступил против маршала, был Н.Г. Кузнецов, но вскоре эта участь постигла и его. В начале января 1947 года на заседании Главного военного совета флота И.В. Сталин неожиданно для собравшихся предложил освободить Н.Г. Кузнецова от должности главкома ВМС. Возразить вождю никто не решился.

На целых четыре с лишним года Н.Г. Кузнецов был отстранён от руководства военно-морским ведомством. Образованное в 1950 году Военно-морское

министерство возглавил адмирал И.С. Юмашев. Однако его деятельность не удовлетворяла военно-политическое руководство страны. В этой связи 13 и 16 июля 1951 года состоялось специальное заседание Главного военно-морского совета с повесткой о недостатках в руководстве Военно-морских сил. Объяснения начальника Морского генерального штаба адмирала А.Г. Головки и невнятная позиция И.С. Юмашева вызвали крайнее недовольство И.В. Сталина, который принял решение отстранить последнего от должности и поручить Н.Г. Кузнецову вновь возглавить морское ведомство.

На посту военно-морского министра Н.Г. Кузнецов планировал реализовать свои планы по строительству сбалансированного флота, рассчитывая на поддержку И.В. Сталина как главы правительства. Однако к тому времени в работе центральных органов власти произошли радикальные изменения. И.В. Сталин заметно снизил

свою активность и фактически отошёл от руководства военным строительством. Рассмотрение вопросов по созданию новых кораблей, образцов вооружения и техники проходило на заседаниях Бюро по военно-промышленным и военным вопросам при Совете министров СССР (с октября 1952 г. — Постоянная комиссия по вопросам обороны при Президиуме ЦК КПСС) под руководством 1-го заместителя председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина, который, по выражению Н.Г. Кузнецова, «избрал худший путь — не отказывался от нас, но и ничего не решал... не желая разбираться в сложных проблемах флота, старался... задвинуть их на задний план или решать в пользу Минсудпрома»⁹.

Примером тому может служить процесс рассмотрения докладной записки, направленной военно-морским министром И.В. Сталину 23 мая 1952 года. В ней содержались убедительные доказательства того, что в удалённых морских районах, где не-

Противолодочный крейсер «Ленинград»
1971 г.

возможно применение истребителей берегового базирования, воздушноекрытие кораблей может обеспечить только палубная авиация. В заключительной

части записки Н.Г. Кузнецов писал: «Учитывая неотложную необходимость иметь в составе Военно-морских сил лёгкие авианосцы (авианосцы противо-

воздушной обороны), прошу Вашего решения теперь же начать проектирование этих кораблей с расчётом закончить его в 1953 г. и приступить к строительству их не позднее 1954 г.»¹⁰. К докладу прилагался комплект документов по проектированию авианосца.

Однако И.В. Сталин какого-либо решения по обращению Н.Г. Кузнецова не принял, а перенаправил представленные документы Н.А. Булганину, который в свою очередь поручил рассмотреть предложения Военно-морского министерства министру судостроительной промышленности В.А. Малышеву.

Ответ последнего был предсказуем. Ссылаясь на отсутствие в составе Минсудпрома конструкторов, работавших в области строительства авианосцев, а также какого-либо

Ссылаясь на отсутствие в составе Минсудпрома конструкторов, работавших в области строительства авианосцев, а также какого-либо отечественного опыта по проектированию кораблей данного класса, В.А. Малышев докладывал, что министерство не может в настоящее время заниматься вопросами создания авианосцев

Первый взлёт Ка-25 с корабля

отечественного опыта по проектированию кораблей данного класса, В.А. Малышев докладывал, что министерство не может в настоящее время заниматься вопросами создания авианосцев. По заявлению министра, строительство авианосцев будет возможно производить лишь за счёт исключения из плана тяжёлых крейсеров проекта 82¹¹, с чем И.В. Сталин никак не мог согласиться.

Официального ответа на своё обращение Н.Г. Кузнецов так и не получил, но и прямого запрета на продолжение проектирования авианосцев не было. Поэтому по указанию военноморского министра Центральный научно-исследовательский институт вооружения и кораблестроения (ЦНИИВК) начал разработку предэскизного проекта авианосца. После смерти

И.В. Сталина в стране и Вооружённых силах вновь произошли кардинальные изменения, которые напрямую отразились на дальнейшей судьбе Н.Г. Кузнецова и его планах по созданию авианесущих кораблей.

После упразднения Военноморского министерства центральный орган управления флотом вошёл в образованное Министерство обороны СССР на правах Главкомата. Адмирал Флота Советского Союза¹² Н.Г. Кузнецов был назначен первым заместителем министра обороны — главнокомандующим ВМС. В результате он оказался в прямом подчинении назначенного на пост министра обороны Н.А. Булганина, который по-прежнему не желал вникать в сложные вопросы строительства флота. Поэтому представленный министру обо-

роны в августе 1953 года доклад, в котором Н.Г. Кузнецов вновь пытался обратить внимание на необходимость строительства авианосцев, остался без ответа. К весне 1954 года подготовленный ЦНИИВК комплект документов, в том числе проект тактико-технического задания, был передан в 16-е Центральное конструкторское бюро, которое начало разработку эскизного проекта лёгкого авианосца (проект 85)¹³.

К тому времени Главкоматом и Главным штабом ВМС под руководством Н.Г. Кузнецова была подготовлена программа военного кораблестроения на второе послевоенное десятилетие, предусматривавшая строительство девяти авианосцев, однако её рассмотрение в правительстве постоянно откладывалось.

Ка-25пл на палубе противолодочного крейсера «Москва»

После избрания Н.С. Хрущёва первым секретарём Президиума ЦК КПСС центр принятия решений по важнейшим вопросам военного строительства сместился в высший политический орган власти. В апреле 1954 года на заседании Президиума ЦК главному ВМС предстояло отстаивать свои взгляды на дальнейшее развитие флота. Однако последняя для него «битва за авианосцы» была заведомо проигрышной, поскольку Н.С. Хрущёв, являясь ярким противником авианосцев, был против программы кораблестроения, предложенной главнокомандующим ВМС. Попытки Н.Г. Кузнецова выступить в защиту своей точки зрения были расценены Хрущёвым, не терпевшим возражений, как посягательство на его права и авторитет как лидера партии¹⁴. Именно это и стало подлинной причиной снятия Н.Г. Кузнецова с должности, очередного снижения его в воинском звании и увольнения из Вооружённых сил¹⁵. Начатая ЦКБ-16 разработка эскизного проекта 85 в декабре 1955 года была прекращена.

Адмирал С.Г. Горшков, сменивший Н.Г. Кузнецова, разделял взгляды своего бывшего начальника на развитие флота. В январе 1956 года на совещании в Президиуме ЦК КПСС при обсуждении основных направлений строительства флота С.Г. Горшков неосторожно заявил: «В результате крупной, на мой взгляд, ошибки в послевоенной судостроительной программе у нас нет авианосцев»¹⁶. Далее он попытался обосновать необходимость включения их в состав соединений надводных кораблей, однако Н.С. Хрущёв его оборвал и в довольно резкой форме предложил подумать.

Главком ВМФ понимал, что конфликт с лидером партии для него может закончиться так же, как для его предшественника, поэтому в последующих выступлениях он почти дословно повторял слова Н.С. Хрущёва, что «крупные корабли вроде крейсеров или авианосцев устарели как средство ведения войны на

море и являются лишь хорошей мишенью для современных ракет»¹⁷.

В тот период у С.Г. Горшкова не было иного выбора, как согласовывать свои взгляды и планы строительства флота с политическими и военно-техническими установками некомпетентного руководства. В то же время главнокомандующий ВМФ делал всё от него зависящее, чтобы флот стал по-настоящему универсальным видом Вооружённых сил с включением в его состав авианесущих кораблей. По его указанию в ЦНИИВК была выполнена научно-исследовательская работа по военно-техническому обоснованию облика авианосца. В 1959—1960 гг. ЦКБ-17 выполнило проектную проработку авианесущего корабля, который в целях конспирации назвали «плавучей базой истребительной авиации». В ответ на постройку в США авианосца «Форрестал» были проведены проектные проработки ударных авианосцев на 60 и 100 летательных аппаратов корабельного базирования. Следует признать, что эти исследования не учитывали реальных возможностей технологической базы отечественной промышленности. Вместе с тем они были необходимы и полезны, т.к. позволили сохранить преемственность и сформировать коллективы конструкторов, которые в будущем были востребованы¹⁸.

Главной особенностью производственного С.Г. Горшковым «национального пути» строительства сбалансированного ВМФ стала узкая специализация кораблей, вводившихся в строй. По существу, все они предназначались для решения какой-либо одной из главных задач флота в период глобальной войны между коалициями, возглавлявшимися ядерными державами. Так, основным предназначением торпедных подводных лодок было уничтожение кораблей и судов из состава конвоев и десантных отрядов вероятного противника. Атомные подводные лодки с крылатыми ракетами и над-

водные корабли с ракетным вооружением стали основным компонентом противовоздушных сил.

С конца 1950-х годов в состав ВМС США начали поступать атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) типа «Джордж Вашингтон». Размещение ПЛАРБ 16-й эскадры в передовом пункте базирования Рота в Испании позволяло им осуществлять боевое патрулирование в районах Средиземного моря¹⁹. Тем самым возникла угроза нанесения внезапных ядерных ударов по территории СССР, а перед советским ВМФ встала задача по ликвидации или снижению этой угрозы. Сложность решения этой задачи состояла в том, что наши противолодочные корабли могли применяться для обнаружения, слежения и, в случае начала военных действий, уничтожения только дизельных подводных лодок вероятного противника, поскольку эффективность их действий против атомных подводных лодок была близка к нулю. В то же время проведённые расчёты показали, что групповое применение вертолётов в сочетании с гидроакустическим вооружением корабля обеспечит резкое увеличение противолодочных возможностей. В этой связи командованием ВМФ было принято решение о создании первого советского корабля-вертолётносца, чему военно-политическое руководство уже не могло препятствовать.

Оперативно-тактическое задание на проектирование нового корабля было утверждено главнокомандующим ВМФ в январе 1959 года. Разработку проекта 1123, получившего наименование «Кондор», осуществляло ЦКБ-17. Из-за отсутствия опыта постройки и эксплуатации авианосцев коллективу конструкторов во главе с А.С. Савичевым почти всё приходилось начинать с нуля. О сложности работы говорит тот факт, что были проработаны 24 варианта тактико-технического задания

на проектирование, и только последний из них был утверждён совместным решением ВМФ и Минсудпрома 18 августа 1959 года. Технический проект после внесения в него ряда изменений и дополнений был утверждён 25 января 1962 года.

15 декабря 1962 года на стапеле Черноморского завода в Николаеве был заложен головной корабль проекта 1123, получивший имя «Москва». В январе

1965 года крейсер был спущен на воду и 25 декабря 1967 года вошёл в состав Черноморского флота, став на долгие годы его флагманом. Второй корабль — «Ленинград», заложенный 15 января 1965 года, вступил в строй 2 июня 1969 года.

Таким образом, в состав советского ВМФ впервые вошли авианесущие корабли. Это стало возможным в первую очередь в результате влияния объек-

тивного фактора — необходимости снижения угрозы с морских направлений от действий подводных лодок — носителей баллистических ракет. Путь к созданию первых авианесущих кораблей был долог и тернист. Однако первый шаг был уже сделан. Впереди была сложная и многогранная деятельность руководства ВМФ, инженеров-судостроителей, что является темой другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Коряковцев А.А., Ташлыков С.Л.* «Качества аэропланов позволяют думать о возможности применения их к морскому делу». Создание первых авианесущих кораблей для российского и советского ВМФ (1909—1941 гг.) // Военно-исторический журнал. 2023. № 7. С. 16—25.

² В том числе: Великобритания — 7, США — 5, Япония — 6, Франция — 1 (*Полмар Н.* Авианосцы в 2 т. / Пер. с англ. Т. 1. М., 2001. С. 103).

³ *Дашьян А.* Все корабли Второй мировой. Первая полная энциклопедия. М., 2013. С. 267—276.

⁴ История отечественного судостроения в 5 т. Т. 4: Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925—1945 гг. СПб., 1996. С. 462, 463.

⁵ *Кузнецов Н.Г.* Размышления (в самолёте) о новой судостроительной программе. (Архив семьи Н.Г. Кузнецова) // Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: сборник документов и материалов. М., 2000, С. 250, 251.

⁶ История отечественного судостроения. Т. 4. С. 464.

⁷ Подробнее см.: *Коряковцев А.А., Ташлыков С.Л.* От флота прибрежного действия до океанского ракетно-ядерного. Этапы строительства советского ВМФ (1945—1991 гг.) // Военно-исторический журнал. 2016. № 7. С. 3—10.

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8899. Оп. 1. Ед. хр. 1485. Л. 1—7; Ед. хр. 186. Л. 11—12.

⁹ *Кузнецов Н.Г.* Крутые повороты. М., 1995. С. 36, 38, 39.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 67. Л. 33—34.

¹¹ Там же. Л. 28—29.

¹² 11 мая 1953 г. Н.Г. Кузнецов был восстановлен в прежнем воинском звании «адмирал флота», а 3 марта того же года была внесена поправка в высшее воинское звание ВМФ — оно стало называться «Адмирал Флота Советского Союза».

¹³ Основные характеристики проектируемого авианосца: стандартное водоизмещение 23—24 тыс. т, скорость полного хода 32 узла и дальность плавания не менее 5000 миль. Вооружение: 40 истребителей, два вертолёта, 8 двухствольных 100-мм артиллерийских автоматов, 6 четырёхствольных 57-мм автоматов

(История отечественного судостроения в 5 т. Т. 5: Судостроение в послевоенный период (1946—1991 гг.). СПб., 1996. С. 40, 41).

¹⁴ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца... С. 312.

¹⁵ 8 декабря 1955 г. Н.Г. Кузнецов был снят с должности Главкома. 15 февраля 1956 г. он был вызван к министру обороны Г.К. Жукову, который в грубой форме объявил о решении снизить его в воинском звании и уволить из Вооружённых сил.

¹⁶ *Кузин В.П., Никольский В.И.* Военно-морской флот СССР 1945—1991. СПб., 1996. С. 16.

¹⁷ Цит. по: *Кокошин А.А.* Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918—1991 годы. М., 1995. С. 44—46.

¹⁸ *Родионов Б.И., Монаков М.С.* Авианосцы: история и перспективы. М., 2004. С. 114.

¹⁹ *Ташлыков С.Л.* Военно-морские силы США в национальной военной стратегии после Второй мировой войны. М., 2004. С. 228.

A.A. Koryakovtsev, S.L. Tashlykov

«AS A RESULT OF A GREAT... MISTAKE IN THE POSTWAR SHIPBUILDING PROGRAM, WE HAVE NO AIRCRAFT CARRIERS»

Towards the first aircraft carrier for the Soviet Navy (1941—1969)

Information about authors. *Aleksey Koryakovtsev* — professor at the department of construction and use of the Navy, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Captain 1st Rank, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: rtm6711989@yandex.ru);

Sergey Tashlykov — professor at the department of war history and military art, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Captain 1st rank, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: stashlykov@yandex.ru).

Summary. The paper presents a brief history of the creation of the first Soviet aircraft carriers after the end of World War II. The People's Commissar of the Soviet Navy N.G. Kuznetsov realized the growing role of aircraft carriers in the armed struggle at sea and insisted on their inclusion in the shipbuilding program, but the military and political leadership of the country prevented the implementation of these plans. The struggle to create aircraft carriers was continued by Navy Chief S.G. Gorshkov. As a result, the first Soviet helicopter carrier was created in the 1960s. The paper includes materials from the funds of the Russian State Archive of Economics, the State Archive of the Russian Federation, collections of documents and scientific works of domestic and foreign authors.

Keywords: aircraft carrier; military shipbuilding plan; ship design; operational requirement; Ministry of Navy; Ministry of Shipbuilding; helicopter carrier.

«...НА КИЛОМЕТР ФРОНТА ПОРОЙ ПРИХОДИЛОСЬ ПО 200 И БОЛЕЕ СТВОЛОВ»

Артиллерия Красной армии в Белорусской стратегической наступательной операции (23 июня — 29 августа 1944 г.)

Сведения об авторах. Мильбах Владимир Спартакович — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: v.milbach@yandex.ru);

Чернухин Виктор Андреевич — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: kid62@mail.ru).

Аннотация. Операция «Багратион», получившая кодовое наименование по имени выдающегося российского полководца П.И. Багратиона, была пятой в серии десяти крупнейших стратегических наступательных операций 1944 года. По смелости замысла, тщательности подготовки, размаху и военно-политическим итогам эта операция была наиболее выдающейся стратегической наступательной операцией всего 1944 года. Успех операции «Багратион» создавал благоприятные условия для перехода советских войск в наступление в Прибалтике, на Западной Украине, в Молдавии и Чехословакии, оказывал содействие войскам союзников в успешном завершении Нормандской десантной операции 1944 года. Операция характерна и поучительна в плане дальнейших поисков командующих и штабов в разрешении проблемных вопросов развития форм и способов огневого поражения противника. Впервые в Великой Отечественной войне для артиллерийской поддержки атаки был применён метод двойного огневого вала в сочетании с последовательным сосредоточением огня.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; Белорусская операция; артиллерийское наступление; огневое поражение; манёвр и массирование; группировка артиллерии; политико-воспитательная работа; Г.С. Надысев; Н.Д. Яковлев; М.Н. Чистяков; Р.Б. Брагинский; В.И. Казаков.

В ходе зимне-весенней кампании 1944 года войска Красной армии сокрушили оборону противника в полосе от Балтийского до Чёрного морей, продвинулись в западном направлении до 450 км и вышли к государственной границе с Польшей и Чехословакией, вступили в Румынию. Противник потерял свыше миллиона солдат и офицеров. Велики были и потери Красной армии.

К лету 1944 года советские фронты заняли выгодное положение для проведения новых наступательных операций. Высадка союзных войск на севере Франции способствовала

отвлечению части сил с восточного фронта на западное направление. Германское командование рассчитывало упорной обороной сдержать наступление Красной армии, нанести ей серьёзные потери в личном составе и технике, затянуть войну, создать условия для выгодных переговоров с англо-американцами, выступить вместе с ними против Советского Союза. При благоприятной обстановке, используя новинки военной техники, германский генштаб не терял надежд на сокрушение западного фронта, повторение успехов, имевших место в 1940 году.

К началу операции «Багратион», получившей кодовое наименование по имени выдающегося российского полководца П.И. Багратиона,

перед войсками четырёх советских фронтов действовала крупная вражеская группировка. Главная роль в удержании «белорусского балкона» отво-

дилась группе армий «Центр» (3-я танковая, 2, 4 и 9-я армии) под командованием генерал-фельдмаршала Э. Буша. Она вместе с правофланговыми со-

единениями 16-й армии группы армий «Север» и левофланговыми частями 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» насчитывала 1,2 млн человек, 9500 орудий и миномётов, 900 танков и штурмовых орудий, 1350 самолётов¹. Противник занимал заранее подготовленную, глубокоэшелонированную (250—270 км) оборону, которая опиралась на развитую систему полевых укреплений и естественные рубежи.

Главная оборонительная полоса состояла из системы траншей полного профиля, нескольких рядов проволочных заграждений в два-три кола, дзотов и блиндажей, искусно укрытых на переднем крае и в ближайшей глубине пулемётов, которые короткими очередями, видимо, из своих маневренных броневых точек, вели пристрелку по расположению советских войск. Минные поля сочетались с противотанковыми рвами.

Артиллерийские разведчики впервые обнаружили новинку, которую применил противник на переднем крае и в ближайшей глубине обороны. Это были подвижные броневые точки, вооружённые пулемётами и перевозившиеся тягачами. Они врывались так глубоко в землю, что лишь с близкого расстояния можно было разглядеть верхний колпак обтекаемой формы. Эти бронированные доты были хорошо замаскированы и, видимо, не должны были открывать огня до начала нашей атаки.

Задача войск группы армий «Центр» состояла в том, чтобы прочно удерживать белорусский выступ, через который проходили кратчайшие пути к границам Германии². Слабым местом в немецкой обороне являлось отсутствие достаточного количества резервов в группе армий «Центр» и в армиях, входивших в её состав. Большинство из 11 находившихся в резерве дивизий

были втянуты в борьбу с партизанами. Кроме того, незадолго до начала операции «Багратион» Гитлер приказал перебросить часть танковых соединений во Францию, что в немалой степени ослабило оборону германских войск на восточном фронте³.

Важной частью подготовки операции «Багратион» являлось сохранение в тайне намерений Ставки Верховного Главнокомандования (Ставки ВГК). Были своевременно организованы и проведены мероприятия по дезинформации противника, чтобы германское командование утвердилось в правильности своего (как оказалось, ошибочного) предположения, что крупное советское наступление начнётся на севере Украины.

Введение противника в заблуждение и сокрытие места и времени нанесения главного удара дополнялись возросшей мощью советских Вооружённых сил, что позволяло создать

БЕЛОРУССКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 23 июня—29 августа 1944 г.

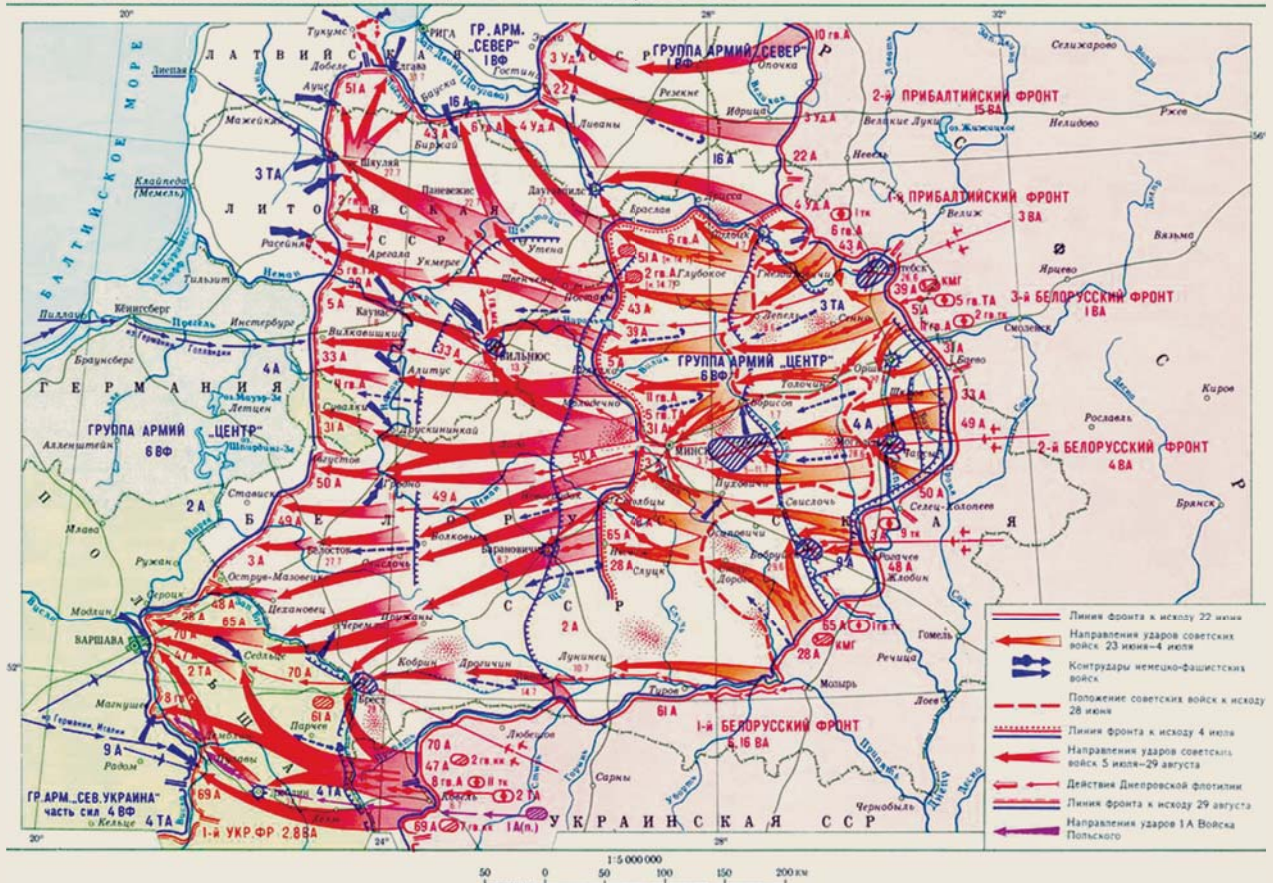

Схема Белорусской операции 1944 г.

значительный перевес в живой силе и технике.

В составе четырёх фронтов имелось 2,4 млн человек, 36 400 орудий наземной и зенитной артиллерии, миномётов, боевых машин реактивной артиллерии (РА), 5200 танков и САУ, 5300 боевых самолётов. Тем самым советским командованием было достигнуто превосходство над противником по личному составу (2 : 1), по артиллерии (3,8 : 1), по танкам и САУ (5,8 : 1), по авиации (3,9 : 1)⁴.

Произошли существенные изменения в вооружении и развитии организации артиллерии, что способствовало расширению влияния общевойсковых командиров на ход боевых действий, совершенствованию форм и способов управления артиллерией в бою и операции, проводившихся в высоких темпах. Модернизировались материальная часть, боеприпасы и приборное оснащение, что в итоге повышало боевые возможности орудий,

упрощалось их производство, повышались огневые и манёвренные возможности артиллерийских частей и соединений.

С января 1944 года в войсках появилась мощная и высокоманёвренная 152-мм корпусная гаубица обр. 1943 года (Д-1). Летом того же года артиллеристы получили 100-мм пушку обр. 1944 года (БС-3), которая отличалась оригинальностью конструкции узлов и их компоновки, имела дальность стрельбы 21 км и бронепробиваемость до 162 мм⁵.

Миномётное вооружение пополнилось 160-мм миномётом обр. 1943 года, обладавшим дальностью стрельбы свыше 5 км и миной массой более 40 кг. Конструкторами зенитных орудий была разработана новая, более мощная 85-мм пушка обр. 1944 года (КС-1), которая обеспечивала борьбу с воздушными целями, шедшими на высоте до 12 км. Одновременно велись работы по созданию 57-мм автоматической и 100-мм зенитных

пушек, которые поступили в войска уже после окончания войны.

Подразделения и части самоходной артиллерии оснащались более совершенными установками СУ-100 обр. 1944 года (100-мм пушка на шасси танка Т-34) и ИСУ-122С (122-мм пушка обр. 1943 года на шасси тяжёлого танка ИС), которые благодаря мощному вооружению и бронированию могли успешно вести борьбу с тяжёлыми танками и самоходными орудиями противника, разрушать его долговременные и деревоземляные огневые сооружения огнём прямой наводкой.

Получила развитие и реактивная артиллерия. В 1944 году была разработана и получила боевое крещение боевая машина БМ-31-12, что позволило успешно решить проблему манёвра огнём и колёсами для частей и подразделений тяжёлой реактивной артиллерии. Установленная на автомобильном

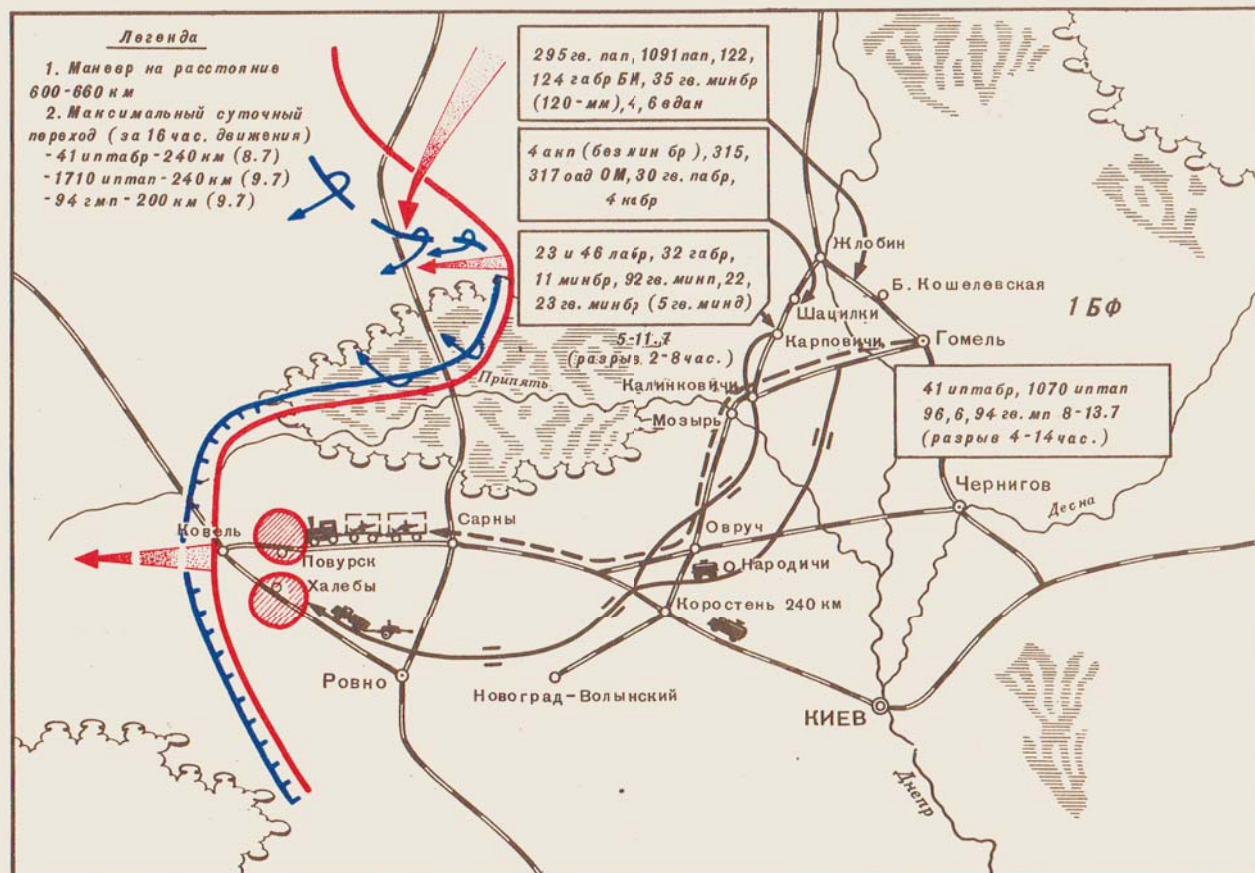

Схема манёвра артиллерией с правого на левое крыло 1-го Белорусского фронта Июль 1944 г.

шасси повышенной проходимости боевая машина по своим огневым возможностям значительно превосходила прежние рамные пусковые станки М-30, при этом время на подготовку залпа сократилось с 1,5–2 ч до 10–15 мин.

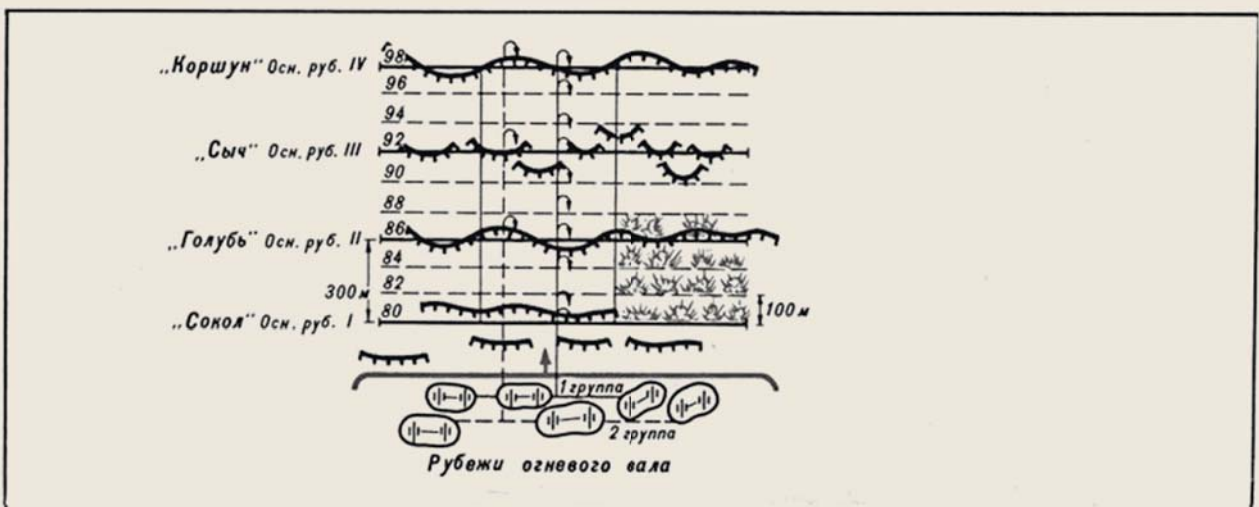
Заметные изменения произошли в повышении огневой мощи боеприпасов для артиллерии, что было связано с поступлением в войска снарядов улучшенной кучности⁶.

Дальнейшее развитие получили организационные формы

артиллерии. С начала 1944 года отдельные артиллерийские истребительно-противотанковые дивизионы стрелковых дивизий перевооружались 76-мм пушками вместо устаревших орудий калибра 45 мм. Также в состав дивизии вводился отдельный самоходно-артиллерийский дивизион трёхбатарейного состава (13 самоходных установок СУ-76). Значительно была усилена корпусная артиллерия. В стрелковые корпуса вводилась артиллерийская бригада, сначала в составе трёх огневых и

разведывательного дивизионов, а затем — двух полков пятибатарейного состава каждый. Эти полки имели на вооружении 100-мм, 122-мм пушки и 152-мм гаубицы. Происходила замена противотанковых полков (дивизионов) полками самоходной артиллерии (СУ-76 и СУ-85).

В армейской артиллерии шёл процесс укрупнения организационных форм. Надёжным средством успешного ведения контрбатарейной борьбы на главном направлении общевойсковой армии стала армейская пушеч-

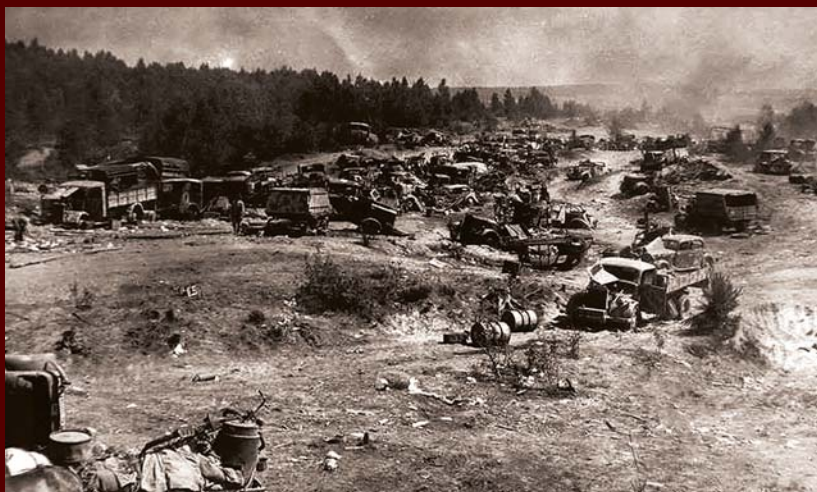
Положение пехоты и танков	Сигналы управления		Артиллерия 1-й группы			Артиллерия 2-й группы				
	Радио-телефон	Световые	Действия группы	Расход снарядов на 1 орудие			Действия группы	Расход снарядов на 1 орудие		
				76	122	152		76	122	152
1 Атакуют передний край	„Сокол“	Серия белых ракет	До сигнала переноса ведёт огонь по рубежу „Сокол“	6	3	2	Ведёт огонь по 2-му основному рубежу „Голубь“ до подхода огневого вала 1-й группы к последнему промежуточному рубежу	5	3	1
2 Подходят под разрывы огневого вала	„Голубь“	Серия желтых ракет	Ведёт огонь по 1-му промежуточному рубежу 1 минуту	6	3	1				
3 Продвигаются за огневым валом	Перенос огня по времени без сигнала на промежуточные рубежи		Ведёт огонь по 2-му промежуточному рубежу 1 минуту	6	3	2				
4 Продвигаются за огневым валом	Перенос огня по времени на рубеж „Голубь“		Ведёт огонь по рубежу „Голубь“ до сигнала переноса	6	3	1	Переносит огонь и ставит огневой вал на 3-м основном рубеже „Сыч“	4	2	1
5 Подходят под разрывы огневого вала	„Сыч“	Серия красных ракет	Ведёт огонь по 1-му промежуточному рубежу 1 минуту	6	3	2				
6 Продвигаются за огневым валом	Перенос огня по времени на промежуточные рубежи и т. д.		Ведёт огонь по 2-му промежуточному рубежу 1 минуту	6	3	1				
Примечание. Все расчеты производились исходя из темпа движения пехоты 1 км в 20 минут								5	2	1

Схема организации двойного огневого вала артиллерии в полосе наступления 65-й армии 1-го Белорусского фронта в Бобруйской операции 24 июня 1944 г.

Командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковник В.И. Казаков с заместителем — начальником штаба артиллерии фронта генерал-майором Г.С. Надысевым

Разбитая советской артиллерией вражеская бронетехника
Белоруссия, 1944 г.

Переправа артиллерийского орудия через водную преграду на плоту

ная артиллерийская бригада в составе трёх артиллерийских (36 122-мм пушек или 152-мм пушек-гаубиц) дивизионов. Эти бригады по-прежнему не исключались из состава артиллерии резерва Верховного Главнокомандования (АРВГК). Одновременно сокращалось количество армейских миномётных, зенитных, а также противотанковых полков.

В 1944 году произошли важные изменения, направленные на повышение ответственности органов управления артиллерией за организацию и руководство боевым применением рода войск. В соответствии с приказом народного комиссара обороны СССР № 024 от 10 января 1944 года командующие артиллерией фронтов и армий были введены в состав соответствующих военных советов. При этом им были предоставлены большие права. В последующем были введены должности заместителя командующего артиллерией Красной армии по гвардейским миномётным частям и соответствующих заместителей командующих артиллерией фронтов и армий⁷.

При организации и подготовке артиллерии к операции командующие и штабы особое внимание уделяли решению таких проблем, как её оперативное сосредоточение и перегруппировка, выработка и внедрение в боевую практику более эффективных форм и способов огневого поражения, работа службы артиллерийского снабжения по обеспечению частей и соединений боеприпасами. Поскольку предстояло прорвать сильно укреплённую, глубокую неприятельскую оборону и достичь высоких темпов наступления, войска фронтов дополнительно усиливались АРВГК. На белорусское направление были переброшены два артиллерийских корпуса прорыва, отдельные соединения, а всего более 33 артиллерийских и зенитных артиллерийских дивизий⁸.

Сосредоточение прибывшей из резерва Ставки ВГК артил-

лери было сопряжено со значительными трудностями, но эту задачу успешно решили в сжатые сроки (8—10 суток). Лишь на оршанском направлении вследствие нарушений маскировочной дисциплины некоторыми артиллерийскими частями и соединениями разведорганам противника удалось обнаружить сосредоточение артиллерии.

Анализируя решение советского Верховного Главнокомандования по распределению фронтам артиллерийских средств, нельзя не заметить, что оно исходило из общего замысла операции, предложений военных советов фронтов, важности операционных направлений. Немаловажным являлся и характер вражеской обороны. Как следствие, наибольшее количество артиллерии РВГК получили на усиление 1-й и 3-й Белорусские фронты, прорывавшие оборону на витебском и бобруйском направлениях. Командующие и штабы фронтов строго соблюдали принцип массирования артиллерии на участках прорыва. На главных направлениях они составляли 11—20 проц. от общей ширины полосы наступления, однако на них сосредотачивалось 80—90 проц. всей имевшейся во фронте (армии) артиллерии. Поучительным примером в этом плане служит 65-я армия 1-го Белорусского фронта (командующий генерал-лейтенант П.И. Батов). В её 24-километровой полосе были сосредоточены около 2150 орудий, миномётов и боевых машин РА, т. е. плотность составляла порядка 90 единиц на 1 км, при этом на участке прорыва шириной 8 км этот показатель составлял 185, а общая тактическая плотность была ещё выше и достигала 230 орудий, миномётов и боевых машин РА на 1 км. На участке прорыва 1-го Прибалтийского фронта плотность артиллерии была доведена до 160 единиц на 1 км⁹.

Такие плотности на направлениях главных ударов обес-

Р.В. Брагинский

печивали 5—19-кратное превосходство над артиллерией противника с началом операции и удержание его в ходе наступления.

Для ведения боевых действий в Белорусской операции, исходя из характера решавшихся задач, предусматривалось из штатной и приданной артиллерии создавать следующие артиллерийские группы: в армиях — дальнего действия (ДД), в стрелковых корпусах — группы разрушения (АР), в стрелковых дивизиях — группы поддержки пехоты (ПП). В большинстве армий имелись группы реактивной артиллерии, состав которых колебался от одного полка до двух бригад; в ряде армий кроме группы ДД создавались армейские группы прорыва или разрушения, а в стрелковых корпусах — группы реактивной артиллерии и т. д. Характерно, что командование и штабы во всех звеньях стремились иметь артиллерийские противотанковые резервы. При этом общим стремлением при подготовке операции было дать сильные артиллерийские средства общевойсковым командирам для непосредственного влияния на ход боя. Однако по-прежнему ещё не были решены

вопросы количества и продолжительности существования создававшихся артиллерийских групп, их качественного состава. Разрешению этой проблемы во второй половине 1944 года способствовали указания командующего артиллерией Красной армии.

Основой для планирования огня и манёвра артиллерии на всех направлениях были данные всех видов разведки, главным образом артиллерийской. Планирование огневого поражения осуществлялось в соответствии со специальными указаниями штабов артиллерии фронтов, благодаря чему достигалось единство в понимании вопросов боевого применения артиллерии. Однако при этом не исключались специфические особенности в планах штабов артиллерии армий и соединений.

Продолжительность артиллерийской подготовки атаки предусматривалась в пределах от 2 ч до 2 ч 20 мин. Значительный процент времени отводился методическому огню на разрушение, что объяснялось характером обороны противника, насыщенной оборонительными сооружениями, которые необходимо было разрушить до начала атаки. Большое внимание уделялось подавлению артиллерийских и миномётных батарей.

Артиллерийская поддержка атаки чаще планировалась одинарным огневым валом либо в его сочетании с последовательным сосредоточением огня (ПСО). На 1-м Белорусском фронте впервые в Великой Отечественной войне артиллерийскую поддержку атаки предполагалось осуществить методом двойного огневого вала в сочетании с ПСО. Его организовывал штаб артиллерии фронта. С этой целью создавались две группы артиллерии. Огонь первой группы планировался, как при одинарном огневом вале, а второй — только по основным рубежам, начиная со второго. Обе группы вели огонь одновре-

менно. Предусматривалось, что в случае запаздывания пехоты с броском в атаку огонь артиллерии должен быть задержан на переднем крае обороны противника¹⁰.

Находившийся на 1-м Белорусском фронте командующий артиллерией Красной армии главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов идею артиллеристов по внедрению в боевую практику более эффективных методов огневого поражения одобрил. Своё мнение на этот счёт уже в послевоенное время высказал В.И. Казаков — выдающийся военачальник Великой Отечественной войны, награждённый тремя полководческими орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й степени: «...Если смотреть шире, то в разрешении идеи двойного огневого вала принимали участие многие тысячи людей. Ведь такой метод поддержки атаки стал возможным лишь при большой насыщенности войск артиллерией и при значительном недостатке боеприпасов. Даже под Сталинградом идея двойного огневого вала не могла осуществиться, если бы она и пришла кому-нибудь в голову. Весь тыл, развитие промышлен-

ности обеспечили появление и реализацию этого метода...»¹¹.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии военных наук, доктор военных наук, профессор, почётный профессор Михайловской военной артиллерийской академии участник Белорусской операции Р.Б. Брагинский (1920—2000 гг.) вспоминал: «Действительно, приоритет в решении проблемы двойного огневого вала принадлежал артиллеристам 1-го Белорусского фронта. Однако и на других фронтах, в том числе и на нашем (2-м Белорусском), в котором я занимал должность заместителя начальника штаба артиллерии 48-й армии, шли творческие поиски, как лучше и с большим эффектом использовать огневые возможности артиллерии в периоды артиллерийской подготовки, поддержки атаки, сопровождения пехоты и танков при бое в глубине и т. д. Тщательно были продуманы вопросы построения артиллерийской подготовки атаки, незаметного для противника перехода к артиллерийской поддержке, особенности планирования артиллерийского

сопровождения в глубине. Со всем командным составом и штабами детально отработывалась организация управления артиллерией в динамике боя, её взаимодействие с наступающими пехотой и танками. Особое внимание в штабе артиллерии уделялось поддержанию тесного взаимодействия с общевойсковыми командирами. За успешное выполнение заданий командования многие офицеры штаба артиллерии армии были отмечены наградами»¹².

В подготовительный к операции период по линии артиллерийского снабжения войска советских фронтов были пополнены значительным количеством вооружения. Так, в мае—июне 1944 года им были поданы около 6,5 тыс. орудий и миномётов, а запасы артиллерийских боеприпасов составили от 2 до 10 боекомплектов. В результате обеспеченность войск по многим видам вооружения превосходила штатно-табельную потребность.

Особое внимание уделялось политико-воспитательной и агитационно-пропагандистской работе в артиллерийских частях и подразделениях. Военнослужащим всех категорий раз-

Разбитая артиллерийским огнём колонна вражеской техники

яснялись важнейшие документы советского правительства, в которых характеризовались успехи нашего народа в тылу и Вооружённых сил на фронте, материалы 11-й сессии Верховного Совета СССР, военно-политические итоги трёх лет войны Советского Союза против фашистской Германии и её сообщников, приказы, в которых перед Красной армией ставились задачи по завершению освобождения всей советской земли и перенесению военных действий за пределы СССР.

В агитационно-пропагандистской работе применялись различные формы и методы: семинары, информации, красноармейские собрания и митинги, лекции и доклады, групповые и индивидуальные беседы, самодеятельность, коллективные читки газет, журналов, памяток, выпуск боевых листков, а также встречи артиллеристов с представителями других родов войск. Особое внимание военные советы фронтов (армий), политические органы частей и соединений уделяли повышению эффективности политико-воспитательной работы. Её главным содержанием было разъяснение в подразделениях и частях артиллерии воинского долга в боях за освобождение Белоруссии, конкретных задач каждого специалиста, воспитание личного состава в духе дружбы народов СССР, славных боевых традиций артиллерии¹³.

Ставка ВГК осуществляла контроль за ходом подготовки операции, помощь фронтам, а затем и координацию их действий через своих представителей — Маршалов Советского Союза Г.К. Жукова и А.М. Василевского. Одновременно большую помощь артиллерийским начальникам и их штабам оказывали на местах специально прибывшие по указанию командующего артиллерией Красной армии оперативные группы, возглавлявшиеся маршалом артиллерии Н.Д. Яковлевым и генерал-полковником артиллерии М.Н. Чистяковым.

Белорусская стратегическая наступательная операция по характеру боевых действий и очередности выполнения поставленных Ставкой ВГК боевых задач делится на два этапа. На первом — с 23 июня по 4 июля 1944 года — были проведены четыре фронтовые операции, в ходе которых разгромлены витебско-оршанская, могилёвская, бобруйская и полоцкая группировки противника, а также была успешно решена задача по окружению минской группировки в пятой операции. На втором этапе — с 5 июля по 29 августа — советские фронты завершили уничтожение окружённой восточнее Минска группировки противника, освободили Белоруссию, часть Литвы и Латвии, вступили на территорию Польши и подошли вплотную к границам Восточной Пруссии, проведя ещё пять фронтовых операций.

В день начала операции «Багратион» была проведена разведка боем, которой предшествовала короткая артиллерийская и авиационная подготовка. Внезапность огневого удара, умелые действия пехоты и танков, поддержанных огнём артиллерии, обеспечили успех прорыва разведывательными подразделениями вражеской обороны. Обрушившийся на неё удар «бога войны», как образно называли в войсках артиллерию, возвестил о начале одной из крупнейших операций не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны в целом.

Корреспондент фронтовой газеты «Красноармейская правда» капитан В. Мелентьев так описал начало артиллерийской подготовки: «...На участках под Оршей и Витебском на километр фронта порой приходилось по 200 и более стволов. Это не считая “катюш”! Когда они “заговорили”, звук срывал листья с вошедших в силу деревьев, а в пятистах метрах от противника на наблюдательных пунктах расползались брёвна накатов — так нервно и мелко тряслась земля... Звук уже ни-

кто не слышал — был только рвущий барабанные перепонки рёв...»¹⁴. Мощные огневые налёты в сочетании с длительными периодами разрушения вполне обеспечивали подавление противника и уничтожение оборонительных сооружений. В ряде случаев последний огневой налёт вёлся с нарастающим темпом. Это способствовало большей надёжности огневого поражения, незаметному переходу от артиллерийской подготовки к артиллерийской поддержке атаки.

Свидетельство высокой эффективности огня артиллерии в период артиллерийской подготовки — переход в атаку отдельных соединений 39, 5, 65-й и других армий ещё до его окончания. В захваченных опорных пунктах было обнаружено множество трупов вражеских солдат, на огневых позициях артиллерии — разбитые орудия. Захваченные в плен в полосе действий войск 1-го Белорусского фронта гитлеровцы свидетельствовали, что уже после первого огневого налёта немецкая артиллерия была подавлена. Поэтому в период разрушения советская артиллерия выполняла задачи, не подвергаясь огневому воздействию со стороны противника¹⁵.

После окончания артиллерийской подготовки пехота и танки перешли в атаку. Особенно эффективной оказалась артиллерийская поддержка атаки двойным огнём валом на 1-м Белорусском фронте. Так, в полосе наступления 18-го стрелкового корпуса 65-й армии артиллерия начала поддержку атаки 24 июня в 6.50. В центре на участке 4 км и на глубину до 1800 м атака поддерживалась двойным огнём валом, а на флангах — методом ПСО, поскольку местность на флангах прорыва не позволяла наблюдать результаты поражения противника. Глубина поддержки двойным огнём валом определялась глубиной обороны батальонов первого эшелона.

Реактивная система залпового огня БМ-31-12

152-мм корпусная гаубица обр. 1944 года Д-1

160-мм миномёт обр. 1943 года

Опыт 1-го Белорусского фронта по планированию и проведению двойного огневого вала был обобщён Штабом артиллерии Красной армии, и через несколько дней в войска была направлена «Инструкция по организации и проведению огневого вала», утверждённая в июле 1944 года командующим артиллерией РККА главным маршалом артиллерии Н.Н. Вороновым¹⁶.

Успешные действия войск в первый день позволили 24 июня в полосе наступления 5-й армии 3-го Белорусского фронта при поддержке артиллерии ввести в прорыв конно-механизированную группу. В то же время противник продолжал упорно удерживать узел сопротивления Богусевск, стремясь стеснить манёвр наших войск. Пехота и танки 72-го стрелкового корпуса нуждались в сильной огневой поддержке. Тогда в район Богусевска были быстро подтянуты и развернуты части 3-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва генерал-майора артиллерии Н.М. Рожановича. Массированным огнём артиллерии в сочетании с ударами 270 самолётов противник был подавлен, понёс потери и, атакованный соединениями 72-го стрелкового корпуса, оставил Богусевск¹⁷.

На 1-м Прибалтийском фронте особой задачей с развитием достигнутого успеха была организация боевого применения артиллерии при форсировании Западной Двины передовыми отрядами с ходу, захвате и удержании плацдарма на её левом берегу. Артиллерия 6-й гвардейской и 43-й армий, не ожидая табельных средств, переправилась на подручных средствах вместе с передовыми подразделениями пехоты. Миномёты, батальонная, полковая, часть дивизионной и истребительно-противотанковой артиллерии 24—25 июня переправлялись через реку на самодельных плотках и вместе с пехотой успешно отражали контратаки противника на западном берегу.

Воины-артиллеристы в этих боях проявляли мужество и героизм. На подступах к Западной Двине в районе Шумилино отличился командир орудия 619-го артиллерийского полка сержант Н.И. Филоненко. Его орудие находилось в боевых порядках стрелковой роты. Артиллерийский расчёт нёс потери. Наступил момент, когда у орудия остался один сержант Филоненко, но отважный артиллерист продолжал вести огонь, помогая пехотинцам отражать контратаки гитлеровцев. Когда орудие было подбито вражеским снарядом, оглушённый воин взял в руки винтовку и в рукопашной схватке отбивался от наседавших фашистов. Подошедшее подкрепление отбросило гитлеровцев. Сержант Н.И. Филоненко не покинул поля боя, после оказания ему медицинской помощи продолжал выполнять вместе с пехотинцами боевую задачу. За этот подвиг при форсировании Западной Двины сержанту Николаю Ивановичу Филоненко было присвоено звание Героя Советского Союза¹⁸.

Развивая наступление, советские войска к 27 июня завершили окружение противника в районах Витебска и Бобруйска. В районе Витебска в окружении оказались пять дивизий. Они пытались вырваться из «котла», но были быстро рассечены, прекратив через два дня сопротивление. Противник потерял здесь 20 тыс. убитыми и более 10 тыс. пленёнными, много оружия и боевой техники.

«Щит Прибалтики» — так фашисты называли Витебск — был выбит из рук врага. В районе Бобруйска были окружены шесть пехотных дивизий общей численностью до 40 тыс. человек. Командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К.К. Рокоссовский поднял в воздух более 500 бомбардировщиков, которые совместно с артиллерией нанесли мощные огневые удары по противнику, вынудив его сложить оружие¹⁹.

В годы войны стало славной традицией в приказах Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина отмечать героические действия советских воинов в боях за свободу и независимость Отечества. Так, в приказе № 118 от 25 июня 1944 года говорилось: «Войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление из района юго-западнее города Жлобин, прорвали при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации сильно укреплённую оборону немцев, прикрывавшую Бобруйское направление... В боях при прорыве обороны отличились артиллеристы генерал-полковника артиллерии Казакова, генерал-майора артиллерии Бескина, генерал-майора артиллерии Тимотиевича, генерал-лейтенанта артиллерии Петропавловского, генерал-майора артиллерии Игнатова... За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам»²⁰.

29 июня 1944 года Бобруйск встречал своих освободителей.

Войска Красной армии устремились на запад, сжимая кольцо окружения фашистских войск, находившихся к востоку от Минска. Артиллерия во взаимодействии с авиацией решала задачу по вводу в сражение подвижных групп фронтов и армий (5-я танковая армия, конно-механизированные группы, отдельные танковые корпуса). Вводившиеся в сражение объединения и соединения усиливались артиллерией на период их действий в глубине обороны противника. Так, конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского (3-й Белорусский фронт) кроме штатной артиллерии имела в своём составе сводную противотанковую бригаду, два самоходных артиллерийских полка, пять батарей РА и два зенитных артиллерийских полка. На период действий 1-го гвардейского танкового корпуса (подвижной группы 65-й армии) в глубине вражеской обороны ему пере-

подчинялась 3-я гвардейская истребительно-противотанковая артиллерийская бригада.

Высокая оценка действиям Красной армии по разгрому немецко-фашистских войск летом 1944 года в Белоруссии была дана в средствах массовой информации многих государств, в том числе союзников по антигитлеровской коалиции. В частности, по словам обозревателя газеты «Вашингтон пост» Б. Новера, было высказано изумление по поводу исключительной быстроты наступления советских армий. По мнению выходившей в Канзас-сити газеты «Стар», «стратегически Германия находится теперь в худшем положении, чем в любой период Первой мировой войны»²¹.

С выходом советских войск в оперативную глубину неприятельской обороны перед артиллерией были поставлены следующие задачи: поддержка стремительного преследования отходившего противника; отражение контрударов его резервов; обеспечение быстрого форсирования водных преград, таких как р. Березина, и удержание захваченных плацдармов до подхода главных сил.

Сломив сопротивление противника на рубеже водной преграды, 3 июля части 2-го гвардейского Тацинского и 1-го гвардейского Донского танковых корпусов ворвались в Минск и завязали уличные бои. Одновременно советские войска совершили оперативное окружение восточной города основных сил немецкой 4-й полевой армии. Группе армий «Центр» было нанесено тяжёлое поражение. Восточнее Минска образовался гигантский «котёл», в котором оказались соединения пяти корпусов противника общей численностью 105 тыс. человек. Вырваться из «котла» им не удалось²².

На полях сражений проявляли героизм не только отдельные артиллеристы, но также артиллерийские части и соединения. Примером является 1-я отдельная истребительно-противотан-

ковая артиллерийская бригада (командир полковник И.М. Вахромеев), которая вместе с механическими конно-механизированной группой генерал-лейтенанта И.А. Плиева совершила рейд по тылам противника и вышла на государственную границу в районе городов Высокое и Брест²³. За освобождение г. Слуцка бригада получила почётное наименование Слуцкая.

Итоги первого этапа Белорусской стратегической наступательной операции: прорыв подготовленной обороны противника и разгром группировки его войск на всём протяжении между Западной Двиной и Припятью, срыв попыток немецкого командования закрепиться на Березине.

4 июля Ставка ВГК уточнила задачи командующим фронтами, которые, используя образовавшуюся в обороне противника брешь, главными силами развивали наступление в направлении западных границ СССР. К 11 июля соединения 49-й и 5-й армий 2-го Белорусского фронта завершили разгром окружённой восточнее Минска 100-тысячной группировки врага, основу которой составляла 4-я армия. Наступление советских войск осложнялось действиями отдельных групп противника, предпринимавших попытки вырваться из окружения.

В то же время войска 3-го Белорусского фронта вышли к р. Неман 7 июля 1944 года, а 13 июля овладели Вильнюсом — важным узлом обороны противника на пути в Восточную Пруссию.

Сломив сопротивление противника на западном берегу реки Западный Буг, главная группировка войск 1-го Белорусского фронта 21 июля начала развивать наступление в общем направлении на столицу Польши Варшаву. 8-я гвардейская и 69-я армии в тесном взаимодействии со 2-й танковой армией в конце июля форсировали р. Вислу и овладели плацдармами на её западном берегу в районе

Магнушева и Пулав. Успешное форсирование Вислы во многом предопределялось стремительностью действий наступавших войск. В немалой степени этому способствовало и то, что ещё до выхода передовых частей к водной преграде были предусмотрены и проведены мероприятия по обеспечению быстрого выдвижения артиллерии к участку предполагаемого форсирования и своевременного подвоза туда артиллерийских боеприпасов. Например, 8-я гвардейская армия, выйдя в конце июля к г. Гарволину (южнее Варшавы), повернула на запад и 1 августа внезапно форсировала Вислу в районе Магнушева.

За день до этого артиллерия армии подтягивалась и занимала боевые порядки. Подразделения артиллерийской разведки развернулись на правом берегу реки и проводили рекогносцировку местности. Было решено в период артиллерийской подготовки форсирования подавить противника в местах вероятного нахождения его живой силы и огневых средств. В случае упорного сопротивления гитлеровцев в армии и корпусах были составлены планы артиллерийского наступления, предусматривавшие осуществление манёвра артиллерийскими подразделениями и непрерывную поддержку пехоты огнём на левом берегу реки. К утру 1 августа количество боеприпасов было доведено до 1,5 боекомплекта. Для обеспечения форсирования удалось создать плотности артиллерии в полосе наступления соединений до 40—90 орудий на 1 км фронта.

1 августа 1944 года артиллерийская подготовка атаки началась мощным огнём налётом всей артиллерии. 10 минут противник подавлялся на левом берегу реки на участке 18 км и в ближайшей от берега глубине. Затем последовало 20-минутное подавление целей методичным огнём. С началом форсирования реки артиллерия продолжала стрельбу по «ожившим» огневым средствам

врага и его живой силе. К исходу дня на захваченном плацдарме шириной 7 км и глубиной до 2 км были сосредоточены более 350 орудий и миномётов, что позволило отразить вражеские контратаки, а стрелковым батальонам выполнить поставленные боевые задачи.

В июле—августе 1944 года ожесточённые бои развернулись в Прибалтике, где войска 1-го Прибалтийского фронта проводили Шауляйскую операцию с целью разгрома группировки противника в районе г. Шауляй (Шавли), отрезав ей пути отхода в Восточную Пруссию. Мощный удар четырёх танковых дивизий противника (до 750 танков и бронетранспортёров) пришлось отражать артиллеристам 2-й гвардейской армии. Искусно маневрируя огнём и колёсами, артиллеристы проявили исключительную стойкость и героизм и не допустили захвата города, уничтожив при этом более 500 танков, штурмовых орудий и бронетранспортёров.

Несмотря на трудности, которые пришлось преодолеть артиллерии на втором этапе операции, она успешно справилась с поставленными задачами, оказала эффективную огневую поддержку наступавшим войскам. Успех, достигнутый на данном этапе стратегической операции, был использован соседними фронтами, войска которых по указанию Ставки ВГК последовательно переходили в наступление на новых направлениях: в Прибалтике, на Западной Украине, в Польше.

В ходе операции «Багратион» советские войска, развернув наступление в полосе шириной до 1100 км и на глубину до 600 км, полностью освободили Белоруссию, значительные территории Литвы и Латвии, а также восточной части Польши. Войска четырёх фронтов разгромили одну из наиболее сильных вражеских группировок — группу армий «Центр», 18 дивизий которой были почти полностью уничтожены, а 50

потеряли более половины своего состава; число убитых, раненых и пленных достигло 500 тыс. человек. Для стабилизации линии фронта немецкое командование было вынуждено перебросить в Белоруссию с других участков советско-германского фронта и с запада 46 дивизий и 4 бригады, что значительно облегчило англо-американским войскам ведение боевых действий во Франции²⁴.

Весомую роль в достижении успешного исхода Белорусской стратегической наступатель-

ной операции на всех этапах её проведения играла артиллерия. Приобретённый командирами и штабами опыт боевого применения артиллерии, несмотря на изменившиеся условия ведения современных войн и вооружённых конфликтов, не утрачивает своего значения, ибо он добыт дорогой ценой в ожесточённой борьбе с сильным и коварным противником. В полной мере это относится и к специальной военной операции Вооружённых сил Российской Федерации по защите Донецкой и Луганской

народных республик, Херсонской и Запорожской областей. Примеры героических подвигов отдельных артиллеристов и артиллерийских частей при освобождении Белоруссии, Литвы и Латвии могут быть использованы и в подготовке современных кадров, напоминая им о славном героическом прошлом советских артиллеристов, которые с честью и достоинством сражались за Отечество, оставались верны боевым традициям мощного, всепогодного рода войск, каковым является артиллерия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Освобождение Беларуси, 1943—1944 / Абатуров В.В., Литвин А.М., Азяский Н.Ф. и др. Минск: Издательский дом «Беларуская навука», 2014. С. 93. EDN: UGOESH.

² Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 4. М.: Кучково поле. 2013. С. 350.

³ Попов Г.Г. Танковый погром нацистской Германии на Западном фронте в свете некоторых архивных документов // Вестник ВГУ. 2017. № 2. С. 92.

⁴ Великая Отечественная война 1941—1945 годов. С. 350.

⁵ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 58. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

⁶ Волкотрубенко И.И. ГРАУ и служба ракетно-артиллерийского вооружения за 50 лет. Монография. М.; Пенза, 1968. С. 89.

⁷ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 36. Оп. 12559. Д. 206. Л. 36, 39.

⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 2317. Д. 23. Л. 261, 262.

⁹ Освобождение Беларуси, 1943—1944... С. 103.

¹⁰ Надысев Г.С. На службе штабной. Рига: Издательство «Лиесма», 1972. С. 180.

¹¹ Маршал артиллерии Казаков Василий Иванович. Фотоальбом / Автор-составитель Т.В. Казакова. СПб.: Институт социологии, 2005. С. 55.

¹² История ГАУ (ГРАУ). Краткий очерк. М.: Издание ГРАУ. 1977. С. 69.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2317. Д. 5. Л. 28.

¹⁴ Освобождение Беларуси, 1943—1944... С. 108.

¹⁵ Отечественная артиллерия 600 лет / Под ред. Маршала артиллерии Г.Е. Передельского. Военно-теоретический труд. М.: Воениздат, 1988. С. 261.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2597. Д. 9. Л. 27—32.

¹⁷ Там же. Д. 145. Л. 16—18.

¹⁸ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь в 2 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1988. С. 655.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 250.

²⁰ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник. М.: Воениздат, 1975. С. 157—159.

²¹ «Правда». 3 июля 1944 г. С. 1.

²² Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году, в 2 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1959. С. 217.

²³ Гланц Д., Хаус Д. Когда схлестнулись титаны: как Красная армия остановила Гитлера. Издательство Университета Канзаса, 2015. С. 286.

²⁴ Россия и СССР в войнах 20 века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. С. 323.

V.S. Milbakh, V.A. Chernukhin

«...THERE WERE SOMETIMES 200 OR MORE BARRELS PER KILOMETER OF FRONT»

Red Army artillery in the Belarusian strategic offensive operation (from June 23 to August 29, 1944)

Information about authors. Vladimir Milbakh — professor at the Department of humanities and socio-economic disciplines, Mikhailovskaya Military Artillery Academy, D. Sc. (Hist.), professor (St. Petersburg. E-mail: v.milbakh@yandex.ru);

Viktor Chernukhin — professor at the Department of humanities and socio-economic disciplines, Mikhailovskaya Military Artillery Academy, D. Sc. (Hist.), professor (St. Petersburg. E-mail: kid62@mail.ru).

Summary. Operation Bagration, named after the Russian commander P.I. Bagration, was the fifth of ten major strategic offensive operations in 1944. It was the most outstanding strategic offensive operation of the entire year in terms of boldness of concept, thoroughness of preparation, scope, and military and political results. The success of the Bagration operation created favorable conditions for the Soviet troops to go on the offensive in the Baltics, Western Ukraine, Moldavia and Czechoslovakia, and helped the Allied forces in the successful completion of the Normandy landings in 1944. The operation is characteristic and instructive in terms of further searches of commanders and staffs in solving problematic issues of development of forms and methods of fire defeat of the enemy. For the first time in the Great Patriotic War, the parallel barrage method combined with successive concentrations of fire was used for artillery support of an attack.

Keywords: Great Patriotic War 1941—1945; Belorussian operation; artillery offensive; fire defeat; maneuvers and massing; artillery grouping; political and educational work; G.S. Nadysev; N.D. Yakovlev; M.N. Chistyakov; R.B. Braginsky; V.I. Kazakov.

«...НАСКОЛЬКО БЫСТРО СПРАВЯТСЯ СО СВОИМ ДЕЛОМ ЭТИ “ТАНКОВЫЕ ЛЕКАРИ”, ЗАВИСИТ ВРЕМЯ ВСТУПЛЕНИЯ НАШЕГО ТАНКА В БОЙ»

Восстановление бронетанковой техники ремонтниками Воронежского фронта в Курской битве

Сведения об авторе. Бородина Светлана Васильевна — заведующая научно-исследовательским отделом Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле» (пгт. Прохоровка Белгородской обл. E-mail: nauka@prohpole.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы ремонта бронетанковой техники в сложных прифронтовых условиях, в частности в ходе танкового сражения под Прохоровкой. Показаны трудовой героизм и самоотверженность отдельных мастеров, техников, а также восстановительных бригад и эвакуационных подразделений, что, несомненно, стало достойным вкладом ремонтников в разгром фашистов на Курской дуге летом 1943 года. К сожалению, их подвиг в публикациях, посвящённых этому сражению, представлен фрагментарно, где зачастую не в полной мере раскрывается его значимость. В данной работе на основе архивных документов прослеживаются ключевые моменты в организации ремонта бронетехники накануне, во время и после танкового сражения под Прохоровкой. В ходе поисковой работы установлены имена и новые факты совершённых ремонтниками трудовых и боевых подвигов.

Ключевые слова: Курская битва; танковое сражение под Прохоровкой; бронетехника; марш; танк; потери танков; Т-34; ремонт; восстановление танков; эвакуация бронетехники; ремонтники; «танковые лекари»; подвиг.

Восстановление танков в ходе Великой Отечественной войны зачастую имело решающее значение, и выполнению этой задачи уделялось огромное внимание. Достаточно сказать, что за годы войны было отремонтировано 430 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок (САУ). В среднем за годы войны каждый вы-

пущенный промышленностью танк и САУ прошёл через руки ремонтников более четырёх раз. Из каждых десяти повреждённых противником танков девять снова возвращались в строй войсковыми ремонтными подразделениями и частями, стационарными и подвижными ремонтными формированиями.

Опыт операций, предшествовавших Курской битве 1943 года, показал, что успех боевых действий во многом зависел от чёткой организации технического обеспечения войск, которая включала в себя совокупность организационных и технических мероприятий по обслуживанию и профилактике техники и вооружения, их эвакуации с поля боя, восстановлению повреждённой

и вышедшей из строя по эксплуатационным причинам материальной части. Понятно, что наскоком, сиюминутным волевым решением задачи по материально-техническому довольствию войск не решить. Как правило, сражениям, оборонительным и наступательным действиям предшествует кропотливая и порой весьма напряжённая работа тыловых и транспортных органов обеспечения.

Таким образом, задолго до начала Курской битвы во всех частях и соединениях Центрального, Воронежского, Брянского фронтов и Степного округа (Степной военный округ, образован 13 апреля 1943 г. на базе Резервного фронта. Включал территории Воронежской, Курской, Тамбовской и Ростовской областей. 9 июля 1943 г. преобразован в Степной фронт) развернулась планомерная подготовка техники и вооружения

к предстоявшим боям. Особенно пристальное внимание уделялось обучению личного состава работе с механизмами, укомплектованию частей и подразделений службами технического обеспечения, обновлению ремонтной базы.

Более того, в 1943 году была создана целая сеть стационарных ремонтных баз, способных быстро возвращать в строй повреждённую бронетанковую технику. В состав танковых армий вошли отдельные и армейские ремонтно-восстановительные батальоны (ОРВБ и АРВБ), а также одна-две эвакуационные роты и сборный пункт аварийных машин (СПАМ). Этот пункт представлял собой подразделение, предназначенное для приёма танков от частей и отправки их на заводы для капитального ремонта. В танковых корпусах вошли в штат также подвижные ремонтные базы (ПРБ). Штат рот технического обеспечения возрос со 101 человека до 123, кроме того, было введено большое количество специальных машин и оборудования. Теперь ремонтники имели достаточные манёвренные производственные мощности, что позволяло до минимума сократить время нахождения машин в ремонте¹.

Надо отметить, что к 1943 году накопился достаточный опыт эксплуатации бронетанковой техники в боевых условиях. Согласно установленному в войсках регламенту технического содержания бронетехники экипажи под руководством офицеров готовили к боям не только вооружение танков. В частности, практиковались тренировки по обслуживанию и элементарному ремонту ходовой части подручным инструментом. Особое внимание уделялось и общей технической подготовке личного состава. С экипажами танков и самоходных установок, прибывшими на доукомплектование частей, проводились практические занятия в поле на штатных машинах. Механики-водители тренировались в

вождении, закрепляли навыки в регулировании агрегатов и приводов управления, устраняли мелкие неисправности. Экипажи усваивали способы подготовки повреждённых и застрявших машин к эвакуации, выполняли техническое обслуживание (ТО) и работы, положенные при замене расходных материалов и жидкостей.

Готовились к предстоявшим боям и непосредственно ремонтно-эвакуационные подразделения: обслуживали, ремонтировали материальную часть, укомплектовывали мастерские необходимым оборудованием, приспособлениями, инструментом. Завершалось формирование ремонтно-восстановительных батальонов, шло обучение молодых ремонтников.

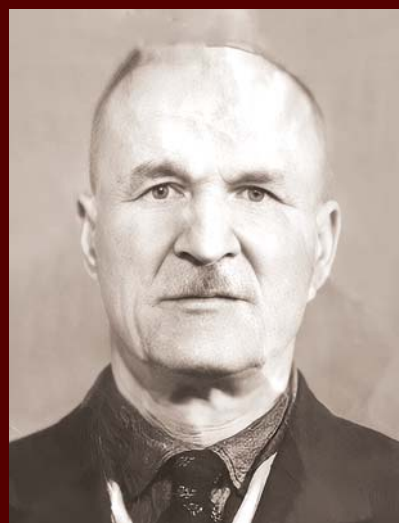
В танковых армиях и корпусах издавались технические бюллетени, инструкции, памятки, где раскрывались особенности эксплуатации танков в условиях длительных маршей по полевым дорогам, пересечённой местности, напоминались обязанности каждого члена экипажа по подготовке машины к бою, её обслуживанию, эвакуации и ремонту². Особая тема — овладение навыками маскировки от воздушного противника, борьба с возгораниями, а в зимне-осеннее время — освоение приёмов предохранения механизмов от промерзания.

В целом к началу Курской битвы ремонтные подразделения фронта были в полной мере оснащены ремсредствами и подготовленным техническим персоналом, который уже имел немалый опыт ремонта боевых машин в условиях боя. Более того, некоторые из этих подразделений частично были укомплектованы квалифицированными кадрами рабочих с заводов танковой промышленности Сталинграда, Харькова³.

Этому факту можно найти подтверждение в наградных документах. Так, в 99-й танковой бригаде (тбр) 2-го танкового корпуса (тк) отличился слесарь-монтажник сержант Д.Н. Ан-

Б.Г. Павлов

Г.Т. Базилевский

С.А. Заболотнов

Г.С. Мисюра

А.Е. Пальчиков

Л.М. Машбиц

тонов, призванный в августе 1942 года Тракторозаводским РВК Сталинградской области. 11 июля во время обстрела в районе с. Михайловка он восстановил танк Т-70 под непрерывными налётами немецкой авиации. Из представления к медали «За боевые заслуги» узнаём о том, что Антонов за несколько дней восстановил не только один Т-70, но и 5 танков Т-34⁴.

В той же танковой бригаде отличился механик-регулировщик агрегатов боевых машин сержант Н.Н. Живнов, призванный в августе 1942 года Тракторозаводским РВК г. Сталинграда. Из представления к награждению медалью «За боевые заслуги» следует: «Через его руки прошло более двух десятков боевых машин с тяжёлыми дефектами, которые он сумел восстановить»⁵. Всё вышесказанное относится и к старшему сержанту Г.А. Зотову — механику-регулировщику агрегатов боевых машин той же бригады. Вот фрагмент записи из представления к медали «За боевые заслуги»: «14.07.43, получив приказ отремонтировать два танка Т-34, которые стояли в обороне как огневые точки и имели тяжёлые дефекты, требующие серьёзного ремонта, сумел в кратчайший срок, несмотря на интенсивный артиллерийский, миномётный обстрел и сильную бомбёжку с воздуха, отремонтировать оба танка. Проявив при этом храбрость и находчивость... Зотов пользуется большим авторитетом среди водительского состава как хороший ремонтник»⁶.

Естественно, перечень имён и фамилий ремонтников, проявивших себя умелыми и ответственными специалистами, далеко не исчерпан. Примеров, когда ремонтом бронетехники на Прохоровской земле занимались командированные на передовую работники заводов, производивших танки, можно привести очень и очень много.

Марш 5 гв. ТА из района Острогожска к Прохоровке ос-

ложнялся жёсткими сроками прибытия и необходимостью сохранить максимальную боеспособность. 29 тк был укомплектован самым большим количеством танков по сравнению с другими корпусами, и этот факт накладывал на технические службы дополнительную ответственность. Благо подготовка технических служб и управление ими на марше были организованы значительно лучше предыдущих годов. После первого 150-километрового броска из более чем 220 машин соединения вышли из строя по техническим причинам всего 12 танков и одна самоходка СУ-76⁷.

9 июля 1943 года в новом районе были сосредоточены 5-й гвардейский механизированный корпус (мехк) и 18 тк. Ещё 32 танка, оставленные 5 гв. мехк, и 26 танков, оставленные 18 тк по маршруту движения, ремонтировались армейскими и корпусными ремсредствами и прибыли в боевые порядки, когда операция уже развивалась.

Всего же по пути из г. Острогожска до ст. Прохоровка из 706 танков и САУ армии по техническим причинам вышли из строя 110 единиц, т.е. более 15,6 проц. К 12 июля была восстановлена примерно половина вышедших из строя боевых машин⁸.

В состав 2 тк на 10 июля входили 73-я и 100-я подвижные рембазы. 26 тбр располагалась у х. Грушки, где после первых боёв восстанавливали технику. Трудившаяся всю ночь бригада ремонтников смогла отремонтировать столько боевых машин, сколько их в штате целого танкового батальона, правда, это были преимущественно лёгкие Т-70. Общее же состояние материальной части корпуса было тяжёлое: во всех бригадах оставались в боеготовности лишь 35 танков Т-34 — меньше полутора батальонов⁹.

Чтобы понять нагрузку ремонтников, перечислим технику и вооружение, находившиеся в ремонте на 10 июля: два тан-

ка Т-70, семь танков Т-34, два МК-4, 31 — ДШК-39, две 76-мм пушки, 188 — ПТР, пулемётов ручных — 197 и 55 станковых, одна бронемашина.

Марш из района города Острогжска в район Прохоровки в 400 км был первым опытом для технического состава армии, корпусов и бригад (полков) в организации марша технического замыкания, ремонта боевых машин по ходу движения. Ошибки при выполнении этой боевой задачи были учтены и при организации последующих маршей не повторялись.

К недостаткам в организации движения колонн в ходе марша можно отнести:

1. В рекогносцировке маршрута не от всех частей участвовал технический состав.

2. Не по всем маршрутам движения войск армии, за исключением 29 тк, были сформированы подвижные СПАМы, что приводило к распылению сил и средств.

3. Одиночные летучки и приданные ремсредства нередко отставали от ремонтных баз, что подчас приводило к потере руководства отдельными участками по восстановлению и вводу в строй танков.

4. Слабо был продуман вопрос своевременного обеспечения запчастями на марше как отдельных частей, так и войск армии в целом, что вызывало большой простой танков в ожидании ремонта. И как следствие — нерациональное использование автотранспорта и неэффективное применение ремсредств.

5. Не до конца были решены вопросы ввода восстановленных танков в строй, не были назначены пункты их сосредоточения для организованной доставки в части.

6. Не в полном объёме обеспечивалась дозаправка танков, отставших на марше или вышедших из ремонта.

Все указанные недостатки приводили к тому, что восстановленная бронетехника индивидуально направля-

лась в боевые порядки без технического надзора, часто сбивалась с маршрута и требовала потом дополнительного ремонта или оставалась без топлива.

Нужно отметить, что совершению марша к тому времени благоприятствовали хорошая погода, сухие дороги и равнинная местность. О том, как именно проходило передвижение большой массы войск, сохранилось много воспоминаний и архивных документов. Приведём описание марша 25-й танковой бригады 29-го танкового корпуса: «...Огромные количества техники в три-четыре ряда двигались по дороге, поднимая густые тучи пыли, которая, рассеиваясь в воздухе, висела сплошным маревом над движущимися машинами и людьми, закрывая от них солнце. Колонны шли днём и ночью, и точно в срок все машины прибыли на место»¹⁰.

В подтверждение результативности работы ремонтных служб приведём фрагмент из наградного документа на инженер-майора Б.Г. Павлова: «Танки, совершившие марш

вильной организации движения сил и средств, расстановке технической поддержки можно добиться хорошего результата независимо от протяжённости маршрута»¹².

В ходе Курской битвы и особенно встречного танкового сражения под Прохоровкой 12 июля 1943 года была чётко налажена работа по ремонту и восстановлению танков. И это было весьма оправданно, поскольку уже первые дни боевых действий показали, что большие потери танковой техники будут неизбежны¹³.

Тем не менее, несмотря на ожесточённое сопротивление фашистов, нередко под шквальным огнём наши воины совершали чудеса героизма. В момент короткого затишья сержант П. Осипчук¹⁴ вызвался осмотреть две подбитые тридцатьчетвёрки, стоявшие на нейтральной полосе почти посередине между нашими и немецкими окопами, и эвакуировать их. Гитлеровцы держали танки под прицелом и время от времени давали в их направлении пулемётные очереди. Сержант ползком добрался до

Марш из района города Острогжска в район Прохоровки в 400 км был первым опытом для технического состава армии, корпусов и бригад (полков) в организации марша технического замыкания, ремонта боевых машин по ходу движения

более 200 км, прошли без единой аварии, поломок и к назначенному времени сосредоточились на исходный рубеж и вышли в бой»¹¹.

Опыт массированного перемещения большого количества войск показал, что при пра-

машин, оценил объём работ, наметил пути подхода тягача и обратный маршрут сцепа. Ночью под прикрытием артиллерийского огня Осипчук эвакуировал обе машины и вместе с товарищами принялся за ремонт.

Приведём пример самоотверженной работы во время боя техников-умельцев одной из «летучек». В результате атаки немецких самолётов оказался перебитым в нескольких местах маслопровод Т-34. Восстановлением танка занялись прибывшие ремонтники. Вот как об этом эпизоде вспоминает его участник — полковник в отставке А. Сметанин: «Через минуту-другую возле машины уже

это так основательно, так похозяйски, будто и не витала над их головами смерть¹⁵... В такой обстановке именно они, ремонтники, и являются нашими командирами, [потому] что от того, насколько быстро справятся со своим делом эти “танковые лекари”, зависит время вступления нашего танка в бой»¹⁶.

В ходе танкового сражения 12 июля 1943 года и наши, и

нашим командованием, — с наступлением темноты как можно быстрее эвакуировать и затем восстановить подбитые боевые машины¹⁸.

Организовать эвакуацию тяжёлой бронетехники с поля боя — дело непростое и очень опасное, т.к. большая часть машин находилась на территории, подконтрольной врагу, или на нейтральной полосе. Окопы обеих сторон располагались на расстоянии примерно 300—400 м друг от друга, и любое передвижение на нейтральной полосе было заметно невооружённым глазом. Лишь только появлялось подозрение, что противник пытается эвакуировать танки, открывался миномётный и пулемётный огонь¹⁹.

Четыре бригады ремонтников в ночь на 13 июля пробирались к нашим подбитым танкам. Всю ночь то в одном, то в другом месте завязывались перестрелки. Немцы тоже эвакуировали свои танки, а наши повреждённые тридцатьчетвёрки пытались подорвать или сжечь. В танках, которые не успели оттащить гвардейцы, эсэсовцы оставляли автоматчиков и снайперов²⁰. За ночь на 13 июля 31-я танковая бригада из 44 находившихся на поле боя сгоревших и подбитых танков смогла эвакуировать лишь 8 Т-34²¹.

Непросто вынести с поля боя раненого бойца. А каково

Непросто вынести с поля боя раненого бойца. А каково же 30-тонную машину? Но, бывало, с этим справлялись 2—3 смельчака. Зачастую же приходилось принимать полномасштабный бой

работали немолодые ремонтники в тёмных изодранных и промасленных комбинезонах. До сих пор помню, как спокойно и скрупулёзно занимались они своим делом. Гремела канонада. Сотни самолётов с той и другой стороны стаями проносились над головами, а трое или четверо мужчин с медными трубками и ключами в руках ремонтировали “сердце” нашей “тридцатьчетвёрки”. И делали

немецкие войска понесли большие потери в бронетехнике. Обе стороны стремились максимально использовать ночь на 13 июля для восстановления боеспособности частей и подразделений¹⁷. Особенно много подбитых и сгоревших боевых машин обеих сторон находилось в районе Андреевки, Прелестного, свх. Октябрьский, Ямок, Сторожевого. Главная задача, которая стояла перед

Таблица

Состояние материальной части и обеспечения 5 гв. ТА на 17.00 11 июля 1943 г.

В ремонте	29 тк	18 тк	2 тк	2 гв. ттк	5 гв. мехк	Армейские части	Всего
Т-34	2	5	7	—	1	5	20
Т-70	—	—	2	—	—	1	3
МК-4 «Черчилль»	—	1	—	—	—	—	1
Всего	2	6	9	—	1	6	24

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3744. Л. 15—16; Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 г.): к 75-летию подвига советских солдат и труженников тыла / Под ред. И.И. Басика, Н.И. Овчаровой [и др.]. СПб.: ГАЛАРТ+, 2018. С. 143, 144.

же 30-тонную машину? Но, бывало, с этим справлялись 2—3 смельчака. Зачастую же приходилось принимать полномасштабный бой силами стрелковых подразделений с участием сапёров, артиллеристов, танкистов.

Вот выдержка из донесения начальника политотдела 31 тбр полковника Поволоцкого от 14 июля: «...При эвакуации танков с поля боя погиб помощник командира 278 тб по технической части инженер-капитан Сомкин, погибли 2 человека и 4 ранены в танкодесантной роте. С поля боя эвакуирован один танк Т-34 и один танк Т-70. Эвакуация продолжается, несмотря на исключительно сложные условия»²².

Бывало и так, что один и тот же человек мог отличиться и непосредственно в боевых действиях, и при выдвигении бронетехники на рубеж атаки, и при её эвакуации с поля боя. Речь идёт о помощнике командира 3-й танковой роты Т-34 по технической части 55-го гвардейского танкового полка 12-й гвардейской механизированной бригады 5 гв. мехк

гвардии технике-лейтенанте Г.Т. Базилевском: «В период марша произвёл 9 ремонтов танкам Т-34. Под огнём противника эвакуировал с поля боя 2 подбитых танка... 13.7.43 г. участвовал в отражении атаки противника. Огнём из танка уничтожил 1 пушку и до 20 солдат и офицеров»²³. Помимо этого в наградном документе отмечалось, что Григорий Тимофеевич смог произвести ремонт 4 танков непосредственно на поле боя.

Такие сообщения встречаются в документах корпусов вплоть до 17 июля. И когда наши войска под Прохоровкой, преследуя врага, перешли в общее наступление, эта работа продолжилась.

Основная нагрузка по эвакуации и транспортировке на сборные пункты аварийных машин танков и САУ легла на роты технического обеспечения бригад и личный состав танковых батальонов²⁴. Для этого применялись тракторы, а также артиллерийские тягачи. Но в основном использовались пары или одиночные танки Т-34, т.к. тракторы были маломощные,

имели большие габариты и не были защищены бронёй. Скорость эвакуации не превышала 2—3 км в час, а из-за недостаточной мощности один танк буксировали двумя-тремя тракторами²⁵.

В 5 гв. ТА эвакуацию танков осуществляли 35-я и 36-я эвакуаторы (этр). Они располагались: первая — на ст. Прохоровка, вторая — на полустанке в 12 км от станции Прохоровка. В бригадах имелись трофейные тягачи типа «Крупп», «Майбах» и др. В некоторых бригадах было один-два трактора ЧТЗ-65.

Во второй половине июля 1943 года 35 этр получила 10 новых тракторов ТД-18, которые немедленно были включены в работу по эвакуации танков с поля боя на армейские и корпусные СПАМы. Кроме того, Воронежский фронт придал армии две эвакуаторы, укомплектованные на 50 проц. материальной частью. Они работали в основном на стягивании танков, требовавших капитального ремонта, на железнодорожную станцию для отправки в тыл на танковые предприятия.

Портретная галерея героев

Государственный военно-исторический музей-заповедник
«Прохоровское поле»

Боевые действия на Прохоровском плацдарме происходили в летнее время и на равнинной местности. Эти условия благоприятствовали работе по эвакуации танков и использованию эвакуосредств²⁶.

Погодные и другие природные условия позволили также проводить и качественный капитальный ремонт. Замена двигателя, орудия, башни и т.п. теперь проводилась в подвижных ремонтных базах танковых корпусов. В каждом из них было по две рембазы численностью 70–80 человек. Для срочных работ в 3–10 км от переднего края были развёрнуты два армейских, три корпусных и девять бригадных СПАМов, между которыми были распределены все ремонтно-эвакуационные средства²⁷.

В армии наблюдалась нехватка запасных частей для ремонта, а имевшиеся склады фронтов и армий не могли осуществлять поставку достаточно быстро. Поэтому ремонтники использовали агрегаты и детали, снятые с тех танков, которые уже не подлежали вос-

становлению или нуждались в долгом капитальном ремонте. 112 танков, требовавших текущего и среднего ремонта, из 420 повреждённых²⁸ были восстановлены в первые же дни.

Высочайшее мастерство и отвагу проявил техник-лейтенант Степан Андреевич Заболотнов из 181 тбр 18 тк, награждённый орденом Красной Звезды: «Под огнём противника отремонтировал 8 танков, используя запасные части из подбитых машин. Эвакуировал с поля боя 2 подбитых танка»²⁹.

Так же поступили ремонтники подвижных рембаз 2 тк. Например, старший техник-лейтенант Г.С. Мисюра всего за два дня смог восстановить шесть танков Т-34 (средний ремонт), при этом использовал детали, которые находил на поле боя, зачастую вблизи расположения противника. Григорий Степанович осуществлял ремонт на территории Прохоровского района в Гусек-Погореловке, а затем в Правороти, где приходилось продолжать работу под обстрелом противника, в результате смог восстановить ещё пять Т-34³⁰.

Сколько же всего было отремонтировано бронетехники в период боёв под Прохоровкой? На этот вопрос даёт ответ в докладной записке за подписью заместителя командующего 5 гв. ТА по технической части гвардии инженер-полковника Галкина и и.о. начальника РЭО БТУ армии гвардии майора Рындина:

«Прохоровская операция, отремонтировано:

КВ текущим — 7, средним — 5, капитальным — 0;

Т-34 текущим — 76, средним — 43, капитальным — 0;

Т-70 текущим — 11, средним — 3, капитальным — 0;

Итого: текущим — 94, средним — 51, капитальным — 0».

К сожалению, работа наших ремонтных бригад и рот технического обслуживания в период сражения мало изучена. И подсчитать, сколько наших подбитых танков было всего эвакуировано с поля боя, отремонтировано и вступило в строй, пока не представляется возможным. Приведём лишь несколько примеров. Вот выдержка из боевого донесения

**Ремонтники восстанавливают подбитый танк.
Полевая ремонтная бригада лейтенанта Щукина**

Июль 1943 г.

18 тк от 13 июля: «За 12–13 июля эвакуировано с поля боя танков Т-34 — 25, танков Т-70 — 16»³¹. В 25 тбр 29 тк инженер-майор Б.С. Павлов лично возглавлял эвакуацию подбитых танков. В течение дня 12 июля, несмотря на сильный артиллерийский и миномётный огонь и бомбёжку авиации противника, с поля боя были эвакуированы 5 танков Т-34 и 3 танка Т-70. К концу дня 13 июля 3 танка Т-34 и 3 танка Т-70 снова вступили в строй.

Приведём ещё один достойный внимания пример находчивости ремонтников. Как и другие специалисты, И.С. Шайдулин в ходе боёв на Воронежском фронте в составе 12 оабрб³² (отдельный броневомобильный разведывательный батальон) 2 тк занимался ремонтом техники, эвакуировал и восстановил 3 танка Т-70. Интересный случай произошёл с ним 14 июля. Ему и ротному регулировщику И.Г. Вехтеву³³ было приказано эвакуировать танк Т-70, находившийся вблизи линии обороны противника в р-не совхоза «Сталинское отделение». С наступлением темноты они на своей бронемашине приблизились к подбитому танку. Услышав шум, немцы стали освещать местность ракетами и, обнаружив наших эвакуаторов, открыли по ним ураганный огонь. Несмотря на это, Шайдулин зацепил тросом подбитый танк и приказал регулировщику, севшему на место механика, вести танк, а сам развернул башню и открыл пулемётный огонь по немцам. В результате храбрецы успешно отбуксировали подбитый танк в часть³⁴.

В текущем и среднем ремонте принимали активное участие экипажи повреждённых машин. Раненые, контуженные танкисты, спасшиеся из горевших машин, придя в себя, заменяли погибших товарищей, а иногда даже проводили своими силами ремонт на поле боя³⁵.

Свидетельством тому является наградной документ на

командира 3-й роты 262-го танкового батальона 25 тбр 29 тк ст. лейтенанта А.Е. Пальчикова: «В бою артогнём противника была повреждена ходовая часть машины. Товарищ Пальчиков вышел с экипажем из танка для восстановления, где был ранен, но, заметив невдалеке пушку противника,

Лазарь Моисеевич Машбиц выведенные из строя в жарких боях автомашины без устали в кратчайший срок восстанавливал и возвращал в строй. В критический момент он непосредственно на огневых рубежах устранял неполадки в работе автотранспорта, несмотря на авианалёты про-

Шайдулин зацепил тросом подбитый танк и приказал регулировщику, севшему на место механика, вести танк, а сам развернул башню и открыл пулемётный огонь по немцам

преодолевая боль, подполз к ней с автоматом и уничтожил полностью её расчёт. Гитлеровцы яростно обстреливали танкистов, но товарищ Пальчиков долго отбивался от них огнём личного оружия и гранатами, прикрывая работу товарищей. При выполнении этой задачи товарищ Пальчиков был убит, а его экипаж восстановил танк и, несмотря на ранения, вывел его с поля боя»³⁶.

Ещё одним перспективным направлением дальнейшего проведения исследования по данной теме являются послевоенные достижения ремонтников — участников Курской битвы. Приведём один пример: старший лейтенант Л.М. Машбиц³⁷ в августе 1943 года за бои в составе одного из подразделений Воронежского фронта на Прохоровской земле был представлен к ордену Красной Звезды. Правда, тогда он был награждён медалью «За боевые заслуги», орден же получил позднее, в 1945 году. Из наградного листа к медали «За боевые заслуги»: «В совершенстве знает иностранные и отечественные марки автомашин. Ст. лейтенант

и на миномётный обстрел, не прекращал работу по ремонту»³⁸.

В мирной послевоенной жизни Л.М. Машбиц стал известным учёным. Лазарь Моисеевич запатентовал своё изобретение — дискретный полосовой фильтр, стал автором книг «Цифровая обработка сигналов в радиотелеграфной связи»³⁹ и «Компьютерная картография и зоны спутниковой связи»⁴⁰.

Исходя из анализа действий по ремонту бронетехники в 5 гв. ТА в период Курской битвы, были сформулированы основные недостатки в проведённой работе. Они представлены в документе «Обобщение опыта по техническому обеспечению, организации ремонта, эксплуатации и эвакуации танков в частях и соединениях 5 гвардейской танковой армии в Великой Отечественной войне».

Думается, целесообразно привести выдержку из этого документа:

«1. Наличное количество ремонтных средств армии недостаточно и не в состоянии обеспечить быстрый, своевременный и доброкачественный

ремонт танков и САУ в условиях боевых действий армии. Решение задачи о своевременном ремонте осуществлялось за счёт почти круглосуточной работы ремонтников с напряжением всех сил.

2. Наличное количество механического оборудования (1 станок 162-СП и настольная бор-машина) не может обеспечить реставрацию и восстановление деталей танков, потребных в период ремонта.

3. Отсутствие термического оборудования тормозило работу по изготовлению и реставрации запасных частей, что отрицательно отражалось на своевременном и качественном ремонте танков и САУ.

4. Отдалённость армейских (150—200 км) и фронтовых (200—300 км) складов БТ имущества и недостаточное количество транспортных средств в частях и соединениях армии задерживало своевременную доставку агрегатов и запасных частей на СПАМы.

5. Отсутствие в ремонтных подразделениях специальных бригад по демонтажу танков б/п (безвозвратно потерянных) приводило к отрыву от ремонта ремонтных летучек с квалифицированными ремонтниками, снижая этим самым производительность ремонта⁴¹.

6. Отсутствие в ремподразделениях приспособлений и кранов для подъёма и замены

тяжёлых агрегатов танков и САУ (башни, моторы, КПП и другое) усложняло ремонт.

После первого опыта восстановления большого числа танков и САУ в период боёв под Прохоровкой в условиях больших потерь БТУ армии поставило перед собой задачу доукомплектовать ремподразделения армии недостающими ремсредствами и механическим оборудованием, если не за счёт планового получения, то за счёт трофейного, что в последующих боях армии было частично сделано»⁴².

Своим самоотверженным трудом танкисты-ремонтники помогли сохранить боеспособность войск. Эти труженики тыла бригад, корпусов и армий не становились героями очерков фронтовых газет, они редко попадали в кадры военной фото- и кинохроники, о них не написано книг и не сложено стихов. Но танковые экипажи, командиры танковых частей и соединений знали, что без их героических усилий не было бы и побед на поле боя!

Подводя итог, хотелось бы рассказать о том, как на Прохоровском поле увековечена память о тех, кто ценой своей жизни восстанавливал бронетехнику летом 1943 года. Имена погибших навсегда останутся на плитах братских могил района и высечены на стенах храма Святых первоверховных апо-

столов Петра и Павла в посёлке Прохоровка.

12 июля 2022 года, в преддверии 80-летия Курской битвы и сражения под Прохоровкой, в Государственном военно-историческом музее-заповеднике «Прохоровское поле» был дан старт всероссийской акции «Мы помним». Её целью стал сбор данных об участниках Курской битвы. Собранные материалы — фотографии и истории героев — стали масштабной фотовыставкой, которая разместилась на территории музейного комплекса и была торжественно открыта 12 июля 2023 года⁴³.

Сотни портретов воинов, которые в годы Великой Отечественной войны героически сражались на Курской дуге и в танковой битве под Прохоровкой, разместились на музейной территории. В одном почётном ряду оказались офицеры и рядовые, лётчики, артиллеристы, танкисты, а также ремонтники, кому и посвящена данная статья.

Фото с сайтов: «Память народа» (pamyat-naroda.ru) и «Галерея памяти участников ВОВ» (1418museum.ru), а также из фондов Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле». Фотопортреты обработаны программистом Д.А. Волобуевым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доманк А.С. Тыл Огненной дуги. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1989. С. 94—96.

² Там же. С. 98, 99.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 38. Оп. 11371. Д. 178. Л. 1—39. Обобщение опыта по техническому обеспечению, организации ремонта, эксплуатации и эвакуации танков в частях и соединениях 5 гвардейской танковой армии в Великой Отечественной войне. (Цит. по: Васильева Л.Н., Желтов И.Г. В прицеле — Прохоровка в

2 т. Т. 2. М.; Белгород; Прохоровка; Константа, 2013. С. 594—596).

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1166. Л. 158.

⁵ Там же. Л. 170.

⁶ Там же. Л. 172.

⁷ Замулин В.Н. Засекреченная Курская битва. 4-е изд., исправ., доп. М.; Эксмо; Яуза, 2022.

⁸ Там же. См. также: Прохоровка — взгляд через десятилетия. Книга Памяти погибших в Прохоровском сражении в 1943 г. Ч. 2. М.: Народная Память, 2002. С. 133—135.

⁹ Прохоровка — взгляд через десятилетия... С. 232.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 3106. Оп. 1. Д. 2. Цитируется по: Берговский М.И. Танки Тульской области. Тула: Бюро-Принт, 2023. С. 86.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3744. Л. 15—16.

¹² Там же. Ф. 38. Оп. 11371. Д. 178. Л. 1—39. Обобщение опыта по техническому обеспечению, организации ремонта, эксплуатации и эвакуации танков в частях и соединениях 5 гвардейской танковой армии в Великой Отечественной войне. (Цит. по: Васильева Л.Н., Желтов И.Г. Указ. соч. С. 600, 601).

¹³ *Бородина С.В.* «Плечом к плечу» с «тридцатчетвёрками». (Применение танков Т-70 в составе 5-й гвардейской танковой армии в Прохоровском сражении 10—16 июля 1943 года). Официальный сайт Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле». URL: <https://прохоровское-поле.рф>

¹⁴ Младший сержант **Павел Артёмович Осипчук** — бригадир по ремонту боевых машин роты технического обеспечения 49 тбр. В июле 1943 г. награждён орденом Красной Звезды.

¹⁵ Подробнее см.: *Гоголев Л.Д.* Автомобили-солдаты: очерки об истории развития и военном применении автомобилей. [Б.м.]: Патриот, 1990.

¹⁶ *Доманк А.С.* Указ. соч. С. 168—170.

¹⁷ *Замулин В.Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. М.: АСТ; Хранитель, 2006. С. 517.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Егоров П.Я., Кривоборский И.В., Ивлев И.К., Рогалевич А.И.* Дорогами побед. (Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии). М.: Воениздат, 1969.

²¹ *Замулин В.Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. С. 517.

²² Там же. С. 517, 518.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1733. Л. 14.

²⁴ *Замулин В.Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. С. 518.

²⁵ Там же. С. 519.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11371. Д. 178. Л. 1—39. Обобщение опыта по техническому обеспечению, организации ремонта, эксплуатации и эвакуации танков в частях и соединениях 5 гвардейской танковой армии в Великой Отечественной войне. (Цит. по: *Васильева Л.Н., Желтов И.Г.* Указ. соч. С. 602—606).

²⁷ *Замулин В.Н.* Прохоровка — известное сражение великой войны. С. 520.

²⁸ *Замулин В.В.* Боевой и численный состав войск Воронежского фронта перед началом операции «Полководец Румянцев» и проблемы армий, включённых в его ударные группировки, с комплектованием живой силой и техникой // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4.

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 307. Л. 32.

³⁰ Подробнее см.: Наградной документ к медали «За боевые заслуги» Г.С. Мисюра // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1627. Л. 178.

³¹ Боевое донесение 18 тк от 13 июля 1943 г. // Там же. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 70. Л. 161, 161 об.

³² 12-й отдельный бронеподразделительный батальон (оабрб) сформирован на основании директивы НКО № 728955 от 20 июня 1942 г. в Гороховце. 16 июля 1942 г. убыл на фронт в состав 2 тк. С 18 июля 1942 по 19 сентября 1943 г. в составе 2 тк.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 202; И.Г. Вехтев награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

³⁴ *Бородина С.В.* Указ. соч.; И.С. Шайдулин был награждён орденом Красной Звезды. См.: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 202.

³⁵ *Глотов В.С.* Курская стратегическая оборонительная операция: Страницы истории Великой Отечественной войны (1941—1945): М.: Интербук-бизнес, 2014. С. 306.

³⁶ Старший лейтенант А.Е. Пальчиков был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени (ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1733. Л. 20). Погиб 12 июля 1943 г.

³⁷ **Машбиц Лазарь Моисеевич** — старший лейтенант, в Красной армии с 1939 г., участник Сталинградской и Курской битв. Летом 1943 г. служил в 1502-м истребительно-противотанковом артиллерийском полку 2-го танкового корпуса в должности начальника мастерской. Был ранен в мае 1942 г. под Донбассом. К завершению Великой Отечественной войны был награждён медалью «За боевые заслуги» (1943 г.), орденом Отечественной войны 2-й степени (1943 г.), медалью «За оборону Сталинграда» (1945 г.), орденом Красной Звезды (1945 г.) и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946 г.).

³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1106. Л. 156.

³⁹ *Машбиц Л.М.* Цифровая обработка сигналов в радиотелеграфной связи. М.: Связь, 1974. С. 191.

⁴⁰ Он же. Компьютерная картография и зоны спутниковой связи. М.: Радио и связь, 2000.

⁴¹ *Замулин В.Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. С. 519, 520.

⁴² ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11371. Д. 178.

Л. 1—39. Обобщение опыта по техническому обеспечению, организации ремонта, эксплуатации и эвакуации танков в частях и соединениях 5 гвардейской танковой армии в Великой Отечественной войне. (Цит. по: *Васильева Л.Н., Желтов И.Г.* Указ. соч. С. 604, 605).

⁴³ Подробнее см.: Официальный сайт Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле». На территории музея-заповедника открыта фотовыставка «Мы помним». URL: <https://прохоровское-поле.рф/novosti/1166-na-territorii-muzeya-zapovednika-otkrylas-fotovystavka-my-pomnim.html>.

S.V. Borodina

«...HOW QUICKLY THESE TANK HEALERS WILL FINISH THEIR WORK DEPENDS ON THE TIME OF OUR TANK'S ENTRY INTO THE BATTLE»

Restoration of armored vehicles by repairers of the Voronezh front at the Battle of Kursk

Information about author. Svetlana Borodina — head of the Research Department of the State Military Historical Museum-Reserve Prokhorovka Field (Prokhorovka settlement, Belgorod region, Russia. E-mail: nauka@prohpole.ru).

Summary. The paper deals with the repair of armored vehicles under difficult conditions at the front; in particular, during the tank battle at Prokhorovka. It shows the work heroism and dedication of individual foremen, technicians, as well as repair brigades and evacuation units, which was undoubtedly a worthy contribution of the repairers to the defeat of the Nazis in the Kursk Salient in the summer of 1943. Unfortunately, their heroism is presented in a fragmentary way in the publications devoted to this battle, where its significance is often not fully revealed. In the present paper, on the basis of archival documents, the key moments in the organization of repair of armored vehicles on the eve, during and after the tank battle of Prokhorovka are traced. In the course of the research the names and new facts of work and combat achievements of the repairers are established.

Keywords: Battle of Kursk; tank battle near Prokhorovka; armored vehicles; march; tank; tank losses; T-34; repair; tank recovery; evacuation of armored vehicles; repairman; «tank healer»; heroic act.

«ВРЕМЯ, ПОТЕРЯННОЕ ПРИ РАЗВИТИИ ЭТОГО БЫСТРОРАСТУЩЕГО РОДА СИЛ ФЛОТА, ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНО, УЖЕ НЕЛЬЗЯ БУДЕТ НАВЕРСТАТЬ»

Подводные силы Германии в начале её агрессии против СССР

Сведения об авторе. Морозов Мирослав Эдуардович — старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: red-sub@mail.ru).

Аннотация. В статье отражены результаты анализа состояния подводных сил германского военно-морского флота (кригсмарине, нем. Kriegsmarine), включая количество кораблей и объёмы их строительства, а также систему подготовки кадров подводников к началу Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Исследование позволило сделать выводы: подводные силы кригсмарине пережили бурный рост, но вследствие ограниченного боевого состава в 1941 году не смогли оказать сколько-нибудь заметного влияния на ход войны на море, в т.ч. против СССР, на выполнение стратегического плана нападения нацистской Германии на СССР «Барбаросса». Строительство и ввод в строй новых подлодок, а также отлаженная система подготовки их экипажей создали условия для достижения в 1942 году германскими подводными силами значительных результатов в боевых действиях на британских морских коммуникациях, против северных конвоев союзников по антигитлеровской коалиции и в Средиземноморье.

Ключевые слова: Советский Союз; гитлеровская Германия; подготовка к нападению на СССР; Великая Отечественная война; военно-морской флот (военно-морские силы) Третьего рейха (кригсмарине); подводные лодки; подготовка офицеров-подводников и экипажей субмарин.

Подводная лодка топит торговое судно

Художник К. Берген

Картина написана на борту немецкой подлодки U-53 в 1915 г.

Большинство работ об участии германских подводных сил во Второй мировой войне содержат общую оценку их состава к сентябрю 1939 года и гораздо реже — к началу агрессии против СССР. Отечественные исследователи в третьем томе 12-томного фундаментального труда «История Второй мировой войны 1939—1945» отметили, что за предвоенные годы в Германии построили 57 подлодок (ПЛ), а «с начала войны по июнь 1941 г. — 147»¹. Общее количество германских подлодок к нападению на СССР определили в 161². Основой данной оценки послужили материалы исследования военно-морских историков Л.М. Еремеева и А.П. Шергина «Подводные лодки иностранных флотов во Второй мировой войне»³. Авторы вышедшего в 2012 году второго тома 12-томника «Великая Отечественная война 1941—1945 годов»

особое внимание к строительству подводных кораблей в Третьем рейхе было обусловлено, во-первых, значительными успехами немецких подлодок в уничтожении кораблей и судов стран Антанты в годы Первой мировой войны. Они вызвали запрет для Германии строить, приобретать и содержать подлодки Версальским договором 1919 года. После отказа Германии в 1935 году от выполнения его военных статей там развернули строительство субмарин. К началу Второй мировой войны в кригсмарине входили 57 подлодок нескольких серий (типов, нем. — Тур): 30 малых II серии, 18 средних VII серии и 9 больших I и IX серий⁷.

Во-вторых, Германия, готовясь к ширококомасштабной войне на суше, не могла выделять достаточно средств и производственных мощностей на создание сильного океанского флота с одновременной постройкой подводных и крупных надво-

данных кораблей. И сделала выбор в пользу подлодок составленным в конце 1938 года так называемым «Планом Z» постройки к концу 1947 года мощного флота. А. Гитлер 1 ноября 1938 года одобрил один из трёх вариантов плана, представленных ему главнокомандующим кригсмарине генерал-адмиралом Э. Редером⁸. По нему число германских субмарин к концу 1943 года должно было вырасти до 174, к концу 1947-го — до 249⁹. Главное командование кригсмарине в то время считало: «Чтобы превратить военно-морской флот в эффективное боевое средство, надо наметить центр тяжести в деле выполнения судостроительной программы. Она планируется таким образом, что вначале предпочтение отдаётся тем военно-морским силам, которые способны самостоятельно вести военные действия в океане. С этой целью к 1943 г. должна быть полностью выполнена программа строительства подводного флота по подводным

повторили те же данные о строительстве подлодок, но их общее число к июню 1941 года уменьшили примерно на четверть — до 122⁴. В упомянутых работах нет оценки состава и состояния подводных сил кригсмарине в июне 1941 года, когда для участия в агрессии против СССР немцы выделили лишь несколько субмарин⁵. В трудах советских военно-морских историков⁶, как правило, внимание сосредоточено на составе группировок военно-морских сил противника на конкретных морских театрах военных действий (МТВД). Такой подход избавлял от необходимости анализировать состояние всего германского флота и его подводных сил. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел, представить читателям результаты анализа состояния подводных сил кригсмарине к началу Великой Отечественной войны.

крейсерам, минным заградителям и лодкам с дальним радиусом действия... Большая часть линкоров и сопровождающих их кораблей — авианосцев и разведывательных крейсеров — переходит во вторую часть судостроительной программы»¹⁰.

После начала Второй мировой войны строительство крупных кораблей, заложенных по «Плану Z», было прекращено, все мощности судостроительных заводов переключили на строительство более простых и дешёвых подлодок. «К тому времени уже никто не сомневался, — писал в своих мемуарах бывший командующий подводными силами Германии гросс-адмирал К. Дёниц, — что постройка максимально возможного числа субмарин является нашей насущной задачей, решению которой следует посвятить все наши силы и энергию»¹¹. По принятому в октябре 1939 года мобилизационному плану строительства кораблей за 2 года

планировалось ввести в строй 228 подлодок, из них 20 II серии, 146 VII, 60 IX и 2 подводных минных заградителя X серии¹².

Боевые действия в Атлантике с началом Второй мировой войны подтвердили высокую результативность подлодок стран «оси». Они за 4 месяца 1939 года потопили 147 торговых судов суммарным тоннажем 509 тыс. брутто-регистрационных тонн (брт) (в среднем ежемесячно около 37 судов, 127 тыс. брт). В 1940 году — 520 судов общим тоннажем 2463 тыс. брт (среднемесячно 43 судна, 205 тыс. брт)¹³. По данным британского историка С. Роскилла, потери Великобритании и нейтральных стран, вызванные подлодками стран «оси» (без учёта применения ими минного оружия), в 1939 году составили 51 проц. всех потопленных судов, 56 проц. потерянного тоннажа, в 1940-м, соответственно, 44 проц. и 55 проц. По результативности субмарины занимали первое место среди родов сил, участвовавших в нарушении британских морских коммуникаций¹⁴. Это привело германское военноморское командование к мысли о возможности победы над Великобританией её морской

блокадой германским флотом, в которой главную роль должны были играть подлодки.

Подготовка к войне против СССР и корректировка германской программы производства вооружений 20 сентября 1940 года незначительно повлияли на планы строительства подлодок. Число субмарин, которые намеряли ввести в состав кригсмарине с начала Второй мировой войны до 1 октября 1941 года, сократили с 228 до 200¹⁵. Это число германское командование не считало конечным. Ещё до начала войны командовавший подводными силами кригсмарине капитан цур зее (соответствует российскому званию капитана 1 ранга) К. Дёниц определил, что для морской блокады Великобритании необходимы 300 «фронтовых»¹⁶ подлодок, треть из них должна была готовиться к походам в портах, столько же — находиться в пути к районам боевых действий или обратно и 100 — действовать в этих районах¹⁷. Потребности в подлодках для будущей агрессии против СССР, для учебных формирований и прогнозы потерь требовали увеличения объёмов их строительства. Поэтому в дополнение к ПЛ, вступившим в строй к

5 октября 1940 года, германским верфям заказали строительство ещё 360 подлодок¹⁸. Затем их число продолжали наращивать. По скорректированному в очередной раз 20 декабря 1940 года плану военного судостроения для кригсмарине дополнительно заказали 52 подлодки. После его корректировки 4 марта 1941 года — ещё 78 ПЛ. По последнему до начала войны с СССР изменению от 5 июня того же года — ещё 180¹⁹. Общее количество субмарин, на строительство которых были заключены контракты с германскими верфями, достигло 604²⁰. Их основные тактико-технические элементы²¹ представлены в таблице.

Скорректированный 5 октября 1940 года германский план военного судостроения предусматривал среднемесячный ввод в строй 23 субмарин (по 17,5 VII серии и 5,5 IX серии)²². Но темпы их строительства отставали от плановых (диаграмма 1). Вплотную приблизились к ним только в четвёртом квартале 1941 года. В результате в 1940—1941 гг. были введены в строй 269 новых подлодок.

Недостаточные темпы строительства и потери долгое время не давали Германии возможности существенно увеличить число «фронтовых» подлодок и тем более довести его до 300. Через 13 месяцев после начала войны, 1 октября 1940 года, в кригсмарине было 63 ПЛ — лишь на 6 больше, чем 1 сентября 1939-го. При этом из-за необходимости перевода значительного числа субмарин в учебные для подготовки подводников число «фронтовых» ПЛ уменьшилось с 45 до 21²³. В первой половине 1941 года выросло в 2,6 раза, с 22 до 58 (диаграмма 2), но всё ещё значительно отставало от потребностей группировок кригсмарине во «фронтовых» подлодках.

Изучение научной литературы привело к заключению: представленные в ней статистические показатели общего числа подлодок не дают объективной картины возможностей

Диаграмма 1

Среднемесячный и ежеквартальный ввод в строй германских подлодок в 1940—1941 гг.

Составлена по: The U.S. National Archives and Records Administration (NARA). T-1022. PG 32011. Fr. 540; Еремеев Л.М., Шергин А.П. Подводные лодки иностранных флотов во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1962. С. 27.

выполнения боевых задач германскими подводными силами, т.к. их определяло количество не всех субмарин, а «фронтových» ПЛ. Установить их число в момент нападения Германии на СССР позволяют документы кригсмарине. По нашим подсчётам цифровых данных из архивных источников следует, что в кригсмарине 22 июня 1941 года входили 152 ПЛ, в т.ч. 48 проходивших подготовку (испытания, проверки и курс боевой подготовки экипажей перед их включением во «фронтových» и первым боевым походом), 42 учебные, 6 экспериментальных и 56 «фронтových» (37 проц.) с учётом 9 ПЛ II серии, временно переведённых во «фронтových» в связи с нападением Германии на СССР. Без этих девяти 22 июня 1941-го «фронтových» ПЛ насчитывалось 47 (31 проц.) из 152 подлодок, 1 июля того же года — 49 (32 проц.) из 154.

Непростой задачей было обеспечение германских подводных сил квалифицированными кадрами. Офицеров кригсмарине готовило военно-морское училище в Мюрвике (ныне район Фленсбурга — самого северного города Германии в земле Шлезвиг-Гольштейн), в которое принимали выпускников средних школ. До Второй мировой войны срок обучения там составлял 3 года. Его особенностью было отсутствие разделения по воинским специальностям. Значительную часть времени занимали учебные плавания на парусных и других надводных кораблях, реже — на подлодках. После первого года обучения и сдачи экзамена курсантам присваивали воинское звание «фенрих», с окончанием училища — «лейтенант». Выпускников, распределённых в подводные силы, направляли в подводную школу (Unterseebootsschule, город Нойштадт-ин-Хольштайн в земле Шлезвиг-Гольштейн). Обучение в ней занимало 14 месяцев (9 — теоретическая подготовка и 5 — обучение торпедной стрельбе). После него каждого назначали в экипаж подлодки на

должность 2-го вахтенного офицера²⁴. За успешным освоением и выполнением в нескольких походах обязанностей по этой и следовавшей за ней должности 1-го вахтенного офицера²⁵ могло последовать выдвижение на должность командира ПЛ.

Каждый офицер-подводник командных специальностей проходил курс торпедных стрельб в подводной школе, а зачисленные в кандидаты на должность командира ПЛ — дополнительный курс «командирских» торпедных стрельб при 24-й флотилии подлодок, базировавшейся в Данциге (ныне Гданьск, Польша), затем в Мемеле (ныне Клайпеда, Литва). Его завершала отработка каждым обучаемым 20—30 торпедных атак кораблей-мишеней с расходом 35—50 практических (учебных) торпед в ходе двухсуточных учений²⁶.

В июне 1940 года подводную школу развернули в 1-ю учебную дивизию подлодок (1.Unterseebootsschuldivision — 1.ULD, место базирования —

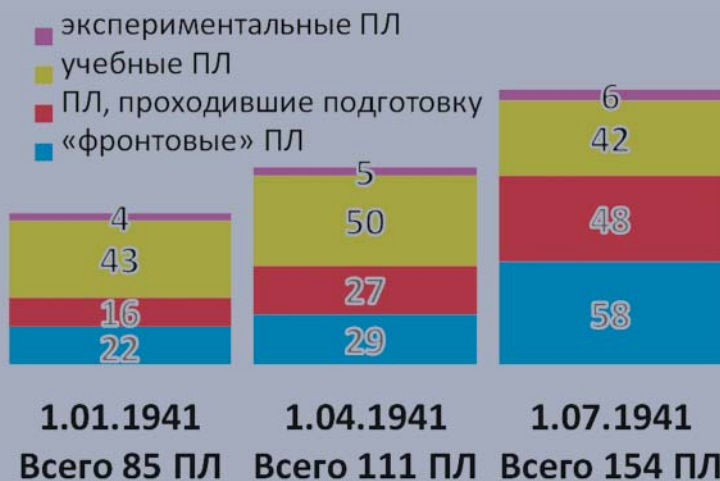
Пиллау, ныне Балтийск Калининградской обл., Россия). В неё входили два учебных батальона и учебная флотилия ПЛ. К ноябрю того же года сформировали вторую дивизию аналогичного состава в Готенхафене (ныне Гдыня, Польша)²⁷.

С началом Второй мировой войны время подготовки германских офицеров-подводников сократили. По свидетельству бывших командиров подлодок Х. Шаффера и Г. Вернера, их обучение в училище и подводной школе заняло 2,5 года²⁸.

Офицеров-инженеров для подлодок готовили отдельно от будущих вахтенных офицеров в других подразделениях подводной школы²⁹. Рядовой состав экипажей ПЛ обучали в ней 6 месяцев. Торпедисты и радисты проходили дополнительный 5-недельный курс³⁰. Унтер-офицеров подводных сил кригсмарине — штурманов, боцманов, фельдшеров, старшин мотористов и электриков готовили из рядовых подводников,

Диаграмма 2

Число подлодок кригсмарине в первой половине 1941 г.

1 июля 1941 г. из 58 «фронтových» подлодок 9 ПЛ II серии были временно переведёнными в их число из учебных в связи с нападением Германии на СССР

Составлена по: NARA. T-1022. PG 36673. Fr. 465—469, 530—536; PG 36674. Fr. 682—692; Niestle A. German U-boat losses during World War II: details of destruction. Washington, 1998. P. 192.

хорошо зарекомендовавших себя в боевых походах. В 1943 году их учёба длилась 8 недель.

Несмотря на сокращение сроков подготовки и быстрое увеличение числа учебных формирований со второй половины 1940 года³¹, подводные силы кригсмарине с весны 1941 года испытывали дефицит кадров, прежде всего командиров подлодок. Многие германские офицеры-подводники были призваны и поступили в военно-морское училище в 1936 году, окончили его в июле 1939-го, к началу 1941 года прослужили в экипажах ПЛ менее двух лет и не успели накопить опыт, необходимый для назначения командирами подлодок. Эту проблему 4 февраля 1941 года отразил подводный отдел штаба руководства войной на море (РВМ) в докладе главнокомандующему кригсмарине, сообщив, что «в 1941 г. для занятия командирских долж-

ностей офицеры, поступившие на службу в 1935 и 1936 гг., могут быть использованы только ограниченно... Командование подводными силами считает призыв 1936 г. подходящим для командных должностей только после значительного периода службы вахтенными офицерами (примерно 10 боевых походов)». Для удовлетворения квартальной потребности в укомплектовании 70 вакантных должностей командиров ПЛ не смогли подобрать офицеров призыва 1935 года и более ранних призывов. Из кандидатов только 10 были призваны в 1935 году и ранее. С 1 апреля можно было использовать ещё 20 офицеров. Для подлодок, которые предстояло ввести в строй в ноябре и декабре 1941 года, не хватало 41 командира. Лишь у 13 кандидатов призыва 1936 года был опыт походов на ПЛ³². Германское военно-морское командование восполнило дефи-

цит опытных командных кадров подводных сил переводом в них значительного числа офицеров призыва 1934 и 1935 гг. из экипажей надводных кораблей³³.

После подводной школы моряков всех категорий и специальностей направляли в так называемый подводный батальон боевой подготовки (Untersee bootsausbildungsabteilung, иной вариант перевода — образовательный отдел, или отделение подготовки подлодок) в г. Плён (земля Шлезвиг-Гольштейн). Там из них формировали экипажи строившихся ПЛ. Примерно за месяц до окончания постройки подлодки на судостроительное предприятие прибывали будущий командир ПЛ (в кригсмарине его назначали в день подписания акта о приёмке субмарины)³⁴ и инженер-механик. Они должны были контролировать завершение постройки, приёмку систем, ме-

Таблица

Тактико-технические элементы немецких подлодок, строившихся в 1941 г.

Серия	Подкласс и назначение	Водоизмещение (тонн)	Скорость (узлов)	Дальность плавания — миль, (на скорости — узлов)	Вооружение
IID	малая торпедная	314 / 364	12,7 / 7,4	3450(12) / 100(2)	3 ТА (5 торпед), АУ 1x1 20-мм
VIC	средняя торпедная	719 / 871	17,7 / 7,6	8500(10) / 130(2)	5 ТА (14 торпед), АУ 1x1 88-мм, 1x1 20-мм
IXC/40	крейсерская (большая) торпедная	999 / 1257	18,3 / 7,3	13 850(10) / 128(2)	6 ТА (22 торпеды), АУ 1x1 105-мм, 1x1 37-мм, 1x1 20-мм
XV	подводный минный заградитель	1695 / 2177	17 / 7	18 450(10) / 188(2)	2 ТА (15 торпед), 66 мин, АУ 1x1 105-мм, 1x1 37-мм, 1x1 20-мм
XIV	подлодка снабжения	1688 / 1932	14,4 / 6,2	12 350(10) / 120(2)	АУ 2x1 37-мм, 1x1 20-мм

В показателях, представленных дробями, числители — в надводном положении, знаменатели — в подводном.

ТА — торпедный аппарат. АУ — артиллерийская установка. Перед показателем калибра — количество АУ и стволов каждой. Они были одноствольными на всех ПЛ, кроме подлодки снабжения XIV серии, вооружённой наряду с 20-мм АУ спаренной 37-мм.

Составлена по: Groner E. Die deutschen Kriegsschiffe 1815—1945. 8 Bde. Bd. 3. München: Bernard & Graefe, 1985. S. 67, 72—74, 105, 106, 116, 118.

Субмарины 21-й флотилии подлодок кriegсмарине в порту Пиллау (ныне г. Балтийск Калининградской обл.). На переднем плане — подлодка U-62

ханизмов и приборов. Остальной экипаж продолжал обучение в батальоне и прибывал на завод позже. Сначала старшины мотористов и электриков, затем офицеры, унтер-офицеры и перед выходом подлодки на испытания — рядовой состав³⁵. После заводских испытаний в день подписания приёмного акта подлодку зачисляли в одну из флотилий³⁶. Она сразу после церемонии подъёма флага отправлялась к месту дислокации одной из групп подводного приёмного командования (Unterseebootsabnahme-kommando — UAK). Там в течение двух недель наряду с повторной проверкой работоспособности всех систем ПЛ сдаточный командир³⁷ проверял умение экипажа эксплуатировать приборы и механизмы субмарины³⁸. Одна из групп UAK проводила замеры уровня шумов ПЛ при движении под водой.

На следующем этапе боевой подготовки, занимавшем 25—35 суток, экипаж отрабатывал маневрирование, срочное погружение, устранение неисправностей и поломок, последствий боевых повреждений, а также погружение на максимальную глубину и двухсуточное плавание в подводном положении³⁹.

Затем субмарину временно откомандировывали в учебные соединения — 25-ю (в Данциге) или 26-ю (Пиллау) флотилии ПЛ. Там на своей подлодке экипаж 14—16 дней отрабатывал выходы в торпедные атаки из надводного и подводного положений⁴⁰.

Завершающий этап боевой подготовки на базе 27-й флотилии (Готенхафен, ныне Гдыня, Польша) продолжался 14, позже 10 дней и включал теоретическую (изучение боевого опыта подводных сил, накопленного в Атлантике, организации взаимодействия с другими силами флота и др.), а также практическую подготовку (два тактических учения в южной части Балтийского моря в условиях, максимально приближенных к боевым, с отработкой нападе-

ния группы ПЛ на конвой из 3—5 кораблей-мишеней, двух плавбаз подлодок, 4—5 эскортных кораблей, иногда с участием нескольких самолётов). Положительная оценка за финальное учение завершала курс боевой подготовки, и ПЛ зачисляли в разряд «фронтовых». А после неудачи подлодку вновь привлекали к учению, иногда до пяти раз⁴¹.

Продолжительность подготовки новых ПЛ (проверок, испытаний и курса боевой подготовки экипажа) от подписания акта приёма до зачисления во «фронтовые» составляла в конце 1940 — начале 1941 года 100—147 суток, в середине 1941 года — 72—166⁴². Эта подготовка требовала значительного количества учебных и вспомогательных кораблей и судов. Их не хватало. В упомянутом ранее докладе от 4 февраля 1941 года сказано: «Для обучения всего предусмотрено 68 подлодок (1 февраля 1941 г. в подводных силах кригсмарине было 48 учебных ПЛ. — Прим. авт.)... Из торпедоловов на данный момент есть 18 кораблей. Потребность в них составляет 35—42 корабля»⁴³.

1 июля 1941 года в германских подводных силах насчитывалось 85 надводных кораблей и вспомогательных судов. В их числе 15 плавбаз, 17 плавказарм, 7 кораблей-мишеней, 2 торпедовоза, плавучая мастерская, 3 прочих вспомогательных судна, 21 торпедолов (13 старых и трофейных миноносцев, 5 сторожевых кораблей и 3 трофейных тральщика), 19 малых моторных тральщиков, использовавшихся для морской практики рядового и унтер-офицерского составов в подводной школе⁴⁴.

6 марта 1941 года штаб РВМ направил подчинённым ему командующим директиву о задачах кригсмарине в связи с предстоявшим нападением на СССР, в которой подчёркивалось, что «главным направлением действий военно-морского флота и во время Восточной кампании однозначно остаётся Англия». Требовалось за 8 недель до нападения на СССР перевести все формирования, обеспечивавшие боевую подготовку экипажей подлодок, из Данцигской бухты в район Тронхейма (Норвегия), группы УАК — в западную часть Балтийского моря⁴⁵. 20 марта командующий подводными силами, выросший в звании до вице-адмирала, К. Дёниц предложил начальнику РВМ адмиралу О. Шнивинду перевести в Тронхейм 24, 25 и 27-ю флотилии подлодок, а подводную школу оставить в Данциге и продолжать обучение без выходов учебных подлодок в море, мотивировав это тем, что для них опасность вражеских воздушных налётов и мин в Кильской бухте была не меньшей, чем в Данцигской, а также нецелесообразностью прерывать учебный процесс. В конце документа он отметил: «Ясно обозначенная оперативным управлением штаба РВМ главная точка приложения усилий в ведении подводной войны против Англии принуждает к тому, чтобы по возможности уменьшить любую помеху в обучении, т.к. в противном случае завершёнными постройкой к лету и осени большими подлодками некому будет управлять. Время, потерянное при развитии этого быстрорастущего рода сил флота, вполне вероятно, уже нельзя будет наверстать...»⁴⁶. Предложения Дёница утвердил

главком кригсмарине, в то время уже гросс-адмирал⁴⁷ Э. Редер. Перевод упомянутых флотилий начался в конце мая и завершился ко 2 июня 1941 года⁴⁸. В сентябре того же года их вернули на восток Балтики.

Анализ архивных материалов кригсмарине и других источников привёл к следующим выводам.

Хотя от начала Второй мировой войны до нападения Германии на СССР подводные силы кригсмарине стремительно росли, они к началу Великой Отечественной войны не обладали достаточным количеством «фронтовых» подлодок для участия в военных действиях на Северном и Балтийском МТВД против группировок ВМФ СССР и решения других задач, успешной морской блокады Великобритании. Немцам пришлось временно перевести во «фронтовые» 9 учебных подлодок, оторвав их на 3—4 месяца от учебного процесса⁴⁹. Вместе с тем германскому военно-морскому командованию удалось создать систему эффективной подготовки подводников, которая обеспечила экипажами большое количество новых ПЛ и тем самым способствовала достижению в 1942 году значительных результатов боевого применения подводных сил кригсмарине на британских морских коммуникациях в Атлантике, против северных конвоев союзников по антигитлеровской коалиции и в Средиземноморье.

Иллюстрации с сайтов: ru.pinterest.com; waralbum.ru; thdreichruins.com; war-book.ru и из книги — Koehl F., Niestle A. Vom Original Zum Modell: Uboottyp VIIIС. Bonn: Bernard & Graefe Verlag, 2006. S. 49.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Второй мировой войны 1939—1945 в 12 т. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 290.

² Там же. С. 290, 325.

³ Еремеев Л.М., Шергин А.П. Подводные лодки иностранных флотов во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1962. С. 21, 27.

⁴ Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 2. М.: Кучково поле, 2012. С. 430, 467.

⁵ Подробнее см.: Морозов М.Э. «Следует пожертвовать определённым отставанием в учебном процессе ради применения подводных лодок на

Балтике...». Планирование применения германских подлодок в операции «Барбаросса» // Военно-исторический журнал. 2018. № 7. С. 22—29.

⁶ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в 3 т. М.: Воениздат,

1959—1962. Т. 1. С. 94; Т. 2. С. 5; Т. 3. С. 8, 9; Боевая летопись Военно-морского флота 1941—1942 гг. М.: Воениздат, 1992. С. 19, 115, 116, 268.

⁷ Еремеев Л.М., Шергин А.П. Указ. соч. С. 21, 22.

⁸ Редер Эрих // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (БРЭ ЭВ). URL: <https://bigenc.ru>.

⁹ Roessler E. The U-boat: The Evolution and Technical History of German Submarines. London: Cassel; New York: Sterling Pub, 2001. P. 116.

¹⁰ Цит. по: Руге Ф. Война на море 1939—1945 / Пер. с нем. М.: Воениздат, 1957. С. 59.

¹¹ Дёниц К. Десять лет и двадцать дней / Пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2007. С. 56.

¹² The U.S. National Archives and Records Administration (NARA). T-1022. PG 31795. Fr. 455.

¹³ Blair C. Hitler's U-boat war. The hunters, 1939—1942 in 2 vol. Vol. 1. New York: Modern Library, 2000. P. 771.

¹⁴ Роскилл С. Флот и война в 3 т. Т. 1 / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1967. С. 540, 541.

¹⁵ NARA. T-1022. PG 31795. Fr. 451, 455.

¹⁶ «Фронтовые» ПЛ (нем. — Frontboote), официальный термин кригсмарине в годы Второй мировой войны, подлодки с полностью подготовленными к боевым действиям экипажами в отличие от недавно вступивших в строй ПЛ, экипажи которых проходили курс боевой подготовки перед выходом в первый боевой поход (Ausbildungsboote), и учебных ПЛ (Schulboote).

¹⁷ Дёниц К. Указ. соч. С. 42, 43.

¹⁸ NARA. T-1022. PG 32115. Fr. 298—306.

¹⁹ Ibid. Fr. 392; PG 32116. Fr. 549.

²⁰ Ibid. T-1022. PG 32116. Fr. 663—680.

²¹ Тактико-технические элементы (ТТЭ) — совокупность количественных характеристик надводных кораблей и подлодок. См.: Тактико-технические данные // Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 420.

²² NARA. T-1022. PG 32115. Fr. 294.

²³ Еремеев Л.М., Шергин А.П. Указ. соч. С. 26.

²⁴ Miller D. U-Boats: History, Development and Equipment, 1914—1945. London, 2000. P. 131. В кригсмарине должность 2-го вахтенного офицера примерно соответствовала должности командира артиллерийской боевой части в ВМФ СССР.

²⁵ В кригсмарине должностные обязанности 1-го вахтенного офицера были аналогичны обязанностям помощника командира и командира минно-торпедной боевой части в ВМФ СССР.

²⁶ Muller W. Kriegsschauplatz Ostsee 1919—1945. Band 6: 1943. Unter Berücksichtigung der Schiffsverluste aller Nationen. Martenshagen, 2020. S. 78.

²⁷ См.: Lohmann W., Hildebrand H. Die deutsche Kriegsmarine 1939—1945. 3 Bde. Bad Nauheim: Podzun-Verlag, 1959. Bd. 2. S. 1, 2.

²⁸ NARA. T-1022. PG 32173. Fr. 580; Шаффер X. Легендарная подлодка U-977: воспоминания командира немецкой субмарины, 1939—1945 / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2008. С. 53—94; Вернер Г. Стальные гробы. Немецкие подводные лодки: секретные операции 1941—1945 гг. / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2001. С. 120—122.

²⁹ Muller W. Op. cit. S. 62.

³⁰ Ibid.

³¹ См.: Lohmann W., Hildebrand H. Op. cit. S. 1, 2.

³² NARA. T-1022. PG 32173. Fr. 580, 581.

³³ Например, из назначенных командирами немецких ПЛ в июне 1941 г. офицеры, призванные в 1935 г. и ранее, составили 93 проц. (14 из 15), в сентябре того же года — 100 проц. (все 15), в декабре 1941 г. 91 проц. (20 из 22). См.: Lohmann W., Hildebrand H. Die deutsche Kriegsmarine 1939—1945. 3 Bde. Bad Nauheim: Podzun-Verlag, 1959. Bd. 3. Heft 290—299; The Men of the U-boats // Uboat.net. URL: <https://uboat.net/men/commanders>.

³⁴ До подписания акта приёмки подлодки и в тот же день — назначения офи-

цера командиром ПЛ его пребывание на судостроительном предприятии считалось продолжением подготовки, т.н. строительно-учебным курсом (Baubelehrung).

³⁵ Miller D. Op. cit. P. 137.

³⁶ В августе 1941 г. две флотилии были выделены из общего состава подводных сил. В них зачисляли ПЛ на период боевой подготовки. В 4-ю флотилию — ПЛ IX серии, в 5-ю — ПЛ VII серии. См.: NARA. T-1022. PG 36674. Fr. 810.

³⁷ Сдаточный командир — назначенный УАК на время до окончательной передачи новой подлодки заказчику, ответственный за её безопасное плавание в этот период.

³⁸ Miller D. Op. cit. P. 137.

³⁹ С сентября 1941 г. для контроля этого этапа подготовки была сформирована так называемая группа технической боевой подготовки для «фронтовых» подлодок (Technische Ausbildungsgruppe für Frontunterseeboote — Agru Front). См.: Muller W. Op. cit. S. 89.

⁴⁰ Ibid. S. 84.

⁴¹ Ibid. S. 86; 27th Flotilla // Uboat.net. URL: <https://uboat.net/flotillas/27flo.htm>.

⁴² Например, приёмочный акт ПЛ U-110 подписали 21 ноября 1940 г., во «фронтовые» её зачислили 28 февраля 1941 г., U-109, соответственно, 5 декабря 1940 г. и 30 апреля 1941 г., U-374 — 21 июня и 31 августа 1941 г., U-753 — 18 июня и 30 ноября 1941 г. См.: U-109 // Uboat.net. URL: <https://uboat.net/boats/u109.htm>; U-110 // Ibid. URL: <https://uboat.net/boats/u110.htm>; U-374 // Ibid. URL: <https://uboat.net/boats/u374.htm>; U-753 // Ibid. URL: <https://uboat.net/boats/u753.htm>.

⁴³ NARA. T-1022. PG 32173. Fr. 578, 579.

⁴⁴ Ibid. PG 36674. Fr. 683—692.

⁴⁵ Ibid. PG 33397. Fr. 767, 784, 785.

⁴⁶ Ibid. Fr. 794—796.

⁴⁷ Редер Эрих // БРЭ ЭВ.

⁴⁸ Kriegstagebuch (КТВ) der Seekriegsleitung 1939—1945. Teil A. Bd. 22. Juni 1941. Bonn: Mittler, 1990. S. 11.

⁴⁹ Подробнее см.: Морозов М.Э. Указ. соч. С. 22—29.

М.Е. Morozov

«THE TIME LOST IN THE DEVELOPMENT OF THIS RAPIDLY GROWING BRANCH OF NAVAL POWER MAY NOT BE RECOVERED»

Germany's submarine force at the beginning of its aggression against the USSR

Information about author. Miroslav Morozov — senior researcher at the Center for Military History of Russia, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), (Moscow. E-mail: red-sub@mail.ru).

Summary. The paper presents an analysis of the state of the German Navy's submarine forces (Kriegsmarine) at the beginning of the Great Patriotic War (1941—1945), including the number of ships, their construction volume, and the training system for submarine personnel. The study concludes that the Kriegsmarine submarine forces experienced rapid growth, but due to limited combat strength in 1941, they could not significantly impact the course of the war at sea, including against the USSR. This includes the implementation of the strategic plan Barbarossa, which was the plan of attack of Nazi Germany on the USSR. The construction and commissioning of new submarines, as well as a well-established system for training their crews, created the conditions for significant results in combat operations by German submarine forces against British sea communications in 1942. These operations included attacks on the northern convoys of the Allies in the anti-Hitler coalition and in the Mediterranean.

Keywords: Soviet Union; Hitler's Germany; preparations for an attack on the USSR; Great Patriotic War; Third Reich Navy (Kriegsmarine); submarines; training of submarine officers and crews.

«...ВРАЧИ, МЕДИЦИНСКИЕ СЁСТРЫ, САНИТАРЫ СУТКАМИ НЕ ОТХОДИЛИ ОТ ОПЕРАЦИОННЫХ СТОЛОВ И КОЕК ТЯЖЕЛОРАНЕННЫХ, ТВОРЯ НАСТОЯЩИЕ ЧУДЕСА»

Местные эвакуационные пункты на Северном Кавказе (1941—1945 гг.)

Сведения об авторе. *Карташев Игорь Владимирович — старший научный сотрудник центра изучения истории медицины с музейным комплексом Ставропольского государственного медицинского университета, кандидат исторических наук (г. Ставрополь. E-mail: kartashev_iv@mail.ru).*

Аннотация. *В статье рассматривается деятельность местных органов Главного военно-санитарного управления (ГВСУ) Красной армии на Северном Кавказе во время Великой Отечественной войны. Основное внимание уделяется вопросам, связанным с историей развёртывания и дальнейшего функционирования местных эвакуационных пунктов (МЭП) № 11 и № 94, а также подведомственных им эвакогоспиталей (ЭГ) в период битвы за Кавказ. На основе архивных документов и справочной литературы исследуются структура эвакопунктов (ЭП), характер деятельности подчинённых госпиталей, особенности их дислокации и работы в условиях фронтовых и тыловых районов. Цель статьи — обоснование необходимости достижения высокой эффективности и целесообразности формирования на территории региона, особенно в период битвы за Кавказ, местных эвакуационных пунктов ГВСУ Красной армии. Упоминаются отличившиеся сотрудники эвакопунктов и эвакогоспиталей, отмечается их вклад в спасение жизни и здоровья раненых и больных, а также скорейшее возвращение в строй бойцов и командиров Красной армии.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; битва за Кавказ; эвакогоспитали; местные эвакуационные пункты; медицинская реабилитация раненых и больных; лечение раненых и больных; возвращение воинов в строй.*

Система мобилизационного развёртывания, снабжения, управления, медицинской реабилитации раненых и больных бойцов и командиров РККА начала формироваться в Советском Союзе ещё в период военных конфликтов 1938—1940 гг. Основывалась эта система на опыте многочисленной плеяды российских медиков, включая выдающегося полевого хирурга, анатома, естествоиспытателя и педагога, профессора, создателя первого атласа топографической анатомии Николая Ивановича Пирогова. Вклад как в отечественную, так и в мировую науку многих из этих подвижников лечебного дела неоценим. Но зачастую их

имена известны лишь специалистам, ученикам и преемникам в совершенствовании этих направлений медицины. В частности, огромный вклад в становление и дальнейшее развитие полевой хирургии внёс видный российский хирург доктор медицинских наук, профессор В.А. Оппель, ставший основоположником учения, а затем и системы поэтапного лечения раненых и специализации военно-полевых госпиталей¹.

В полной мере эта система получила развитие и проявила себя в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. И во многом благодаря её успешному функционированию Крас-

ная армия смогла одержать победу над гитлеровской Германией и её союзниками в самой страшной в истории человечества войне.

Тем не менее спустя многие десятилетия после нашествия фашистских орд, принёсших человечеству многочисленные горести и страдания, враждебные силы вновь планируют реванш

и готовятся к новой, более разрушительной битве. Это вынуждает нашу страну готовить отпор возможной агрессии. В этом важнейшем деле огромную роль по-прежнему играет медико-санитарное обеспечение Вооружённых сил России, а также всей структуры оборонного комплекса страны.

В нынешнем подходе к организации такого рода обеспечения, естественно, в немалой степени используется опыт организации медико-санитарных мероприятий в годы Великой Отечественной войны. Сегодня специалистами исследован обширный круг вопросов, связанных с санитарно-технической подготовкой и медицинским обеспечением боевых действий, однако отдельные их аспекты требуют уточнения и дополнения.

Безусловно, роль главной госпитальной базы страны в то время во многом выполнял Северный Кавказ, где в годы Великой Отечественной войны были сосредоточены основные ресурсы военного медико-санитарного обеспечения. Развёрнутые здесь эвакуационные госпитали (ЭГ), предназначавшиеся для лечения раненых и больных в составе госпитальных баз фронтового и тылового районов², находились, как отмечают специалисты, в ведении местных эвакуационных пунктов (МЭП-90, МЭП-94 и МЭП-104. Далее используются эти наименования. — **Прим. авт.**). Управления этих МЭП находились, соответственно, в городах Кисловодск, Краснодар и Сочи³. Дополним, что наряду с этим в регионе на протяжении практически всей войны действовал МЭП-11, который в ряде документов именовался полевым эвакуационным пунктом (ПЭП).

Работе МЭП-90 и МЭП-104, обслуживавших соответственно эвакогоспитали Кавминводской⁴ и Сочинской⁵ госпитальных баз, посвящено немало научных и публицистических материалов.

Так, например, в статье заслуженного профессора Северо-Кавказского федерального университета, доктора исторических наук Н.Д. Судавцова описана работа госпиталей в этом регионе, сказано немало слов поддержки титанической работы медперсонала и административных органов на местах, обеспечивавших приём раненых, лечение и возвращение в строй тысяч красноармейцев: «...По мере усиления боёв на фронтах и возрастания сопротивления советских войск врагу, поток раненых на Кавминводы многократно возрос, а работа госпиталей становилась всё напряжённее. Врачи, медицинские сёстры, санитары сутками не отходили от операционных столов и коек тяжелораненых, творя настоящие чудеса».

По свидетельству Н.Д. Судавцова, хирург МЭП-90 (в частности, видные учёные, заведовавшие кафедрами в действовавшем в Кисловодске филиале 1-го Ленинградского мединститута, профессора Т.Е. Гнилорыбов и Е.Ю. Крамаренко) провели в тот период огромное количество операций на жизненно важных органах. Так, например, Т.Е. Гнилорыбов сделал за время войны четыре успешные операции на сердце из шести аналогичных, проведённых всего в стране. За свой труд он был награждён орденом «Знак Почёта».

Из публикации Н.Д. Судавцова следует, что в процессе лечения раненых медперсонал мужественно преодолевал многочисленные трудности: «...В то же время работать приходилось при острой нехватке самого

необходимого. Медицинская сестра Л.Ф. Медведева (Осипенко) вспоминала: “Приходил наш хирург эвакогоспиталя № 2047 Гнилорыбов, говорил: “У меня сейчас на столе парень умрёт, нужна кровь”. И я шла, ложилась рядом на прямое переливание... В сорок четвёртом году мы с медсестрой Павловой первыми на Ставрополье получили удостоверения доноров союзного значения...”».

То же самое можно сказать о деятельности МЭП-11 и МЭП-94. И хотя сведений об их функционировании немного, они не всегда точны и не позволяют составить общую картину событий, тем не менее их вклад в излечение раненых и больных воинов, без сомнений, весьма значителен. Кроме того, опыт этих медучреждений интересен не только специалистам и исследователям, но и широкому кругу общественности как историческая память об участии медицинских работников в обеспечении боеспособности войск.

МЭП-11 был сформирован в июне 1941 года в Одессе, уже в июле переведён на Кубань, обслуживая 9-ю и 18-ю армии Южного фронта. В разное время входил в состав Отдельной Приморской армии, Черноморской группы войск Закавказского фронта, Северо-Кавказского фронта, Северо-Кавказского военного округа. Во многих архивных документах периода битвы за Кавказ, в частности в сопроводительном письме командиру 180-го запасного стрелкового полка от 4 июня 1943 года, эвакуационный пункт именуется полевым⁶. Что в офи-

**Военврач 3 ранга Е.А. Будилова — помощник начальника
лечебного отдела управления МЭП-11**
г. Одесса, 1959 г.

Раненые в эвакогоспитале МЭП-94 за выпуском стенной газеты
г. Ворошиловск (Ставрополь), 1942 г.

В эвакогоспитале МЭП-94
г. Ворошиловск (Ставрополь), 1942 г.

циальных документах весьма важно. В аналогичном письме от 25 сентября 1943 года и более поздних архивах наименование эвакуопункта иное — МЭП-11⁷.

Организационная структура управления МЭП-11 по состоянию на сентябрь 1944 года включала в себя лечебный отдел (начальник — майор медицинской службы И.Б. Шерман), политотдел (начальник — подполковник Ф.Д. Лучкин)⁸, отдел медицинского снабжения (начальник — майор медицинской службы А.Н. Коенман), отдел интендантского снабжения (начальник — майор медицинской службы Р.Д. Вильшанский), эвакуационный отдел (врач-эвакуатор — капитан медицинской службы А.М. Мегрелишвили), военно-врачебную комиссию (председатель ВВК — подполковник медицинской службы И.В. Буслаев), дезинфекционное отделение (начальник — лейтенант медицинской службы Н.И. Шевченко). Кроме того, в состав управления входили склад, гараж, кухня и другие службы⁹. На завершающем этапе войны в штате имелась должность помощника начальника управления по медицинской части, которую в апреле 1945 года занимал полковник медицинской службы А.С. Яицкий¹⁰.

Начальник управления МЭП-11 — военврач 1 ранга В.Л. Малицкий до назначения на эту должность в качестве помощника начальника управления распределительного эвакуопункта № 34 участвовал в медицинском обеспечении войск в боях 1941 года на южном направлении, в Калининской и Сычѳвско-Вяземской операциях. Как начальник управления МЭП-11 отвечал за эвакуацию и лечение раненых и больных во фронтовом районе в период сражений за Кавказ и Курскую битвы¹¹. Уточняя приведенную в справочной литературе информацию, отметим, что В.Л. Малицкий возглавлял управление МЭП-11 в течение длительного времени, как минимум с сентября 1942 до августа 1945 года¹².

Количество госпиталей, подведомственных управлению эвакуопункта, зависело от близости фронта. Например, в течение 1942—1943 гг. оно колебалось от 17 до 21, что было более характерно для ПЭП, чем для МЭП. В 1944 году, после передислокации управления в Ростов-на-Дону, ему подчинялись уже 54 госпиталя¹³. Как правило, это были госпитали Наркомздрава, в то время как в составе МЭП-90 и МЭП-104 значительную (хотя и не наибольшую) часть составляли госпитали ВЦСПС. При этом в числе госпиталей МЭП-11 была большая доля сортировочных эвакуогоспиталей (СЭГ), полевых подвижных госпиталей (ППГ), хирургических полевых подвижных госпиталей (ХППГ). Например, в состав эвакуопункта входили СЭГ-377, СЭГ-3201, ППГ-4321 (он же ХППГ-4321), ХППГ-3228¹⁴.

Наряду с возможностью использования управлением эвакуопункта военно-санитарных поездов (ВСП) и военно-санитарных летучек (ВСЛ) для транспортировки раненых это также подчёркивает основной характер работы этих структур. В условиях близости к линии фронта он выражался в приёме, оказании помощи, сортировке, распределении и дальнейшей отправке эвакуируемых в тыловые эвакуогоспитали.

Показательна и география размещения госпиталей МЭП-11. К примеру, ППГ-4321 с сентября 1942 года, в период оккупации врагом значительной части Северного Кавказа, дислоцировался в Сочи, с марта 1943 года — в Краснодаре. ХППГ-3228, развёрнутый в августе 1941 года в Ростове-на-Дону, во время его оккупации находился в Грозном, откуда в феврале 1943 года перебазировался в Краснодар. Находившийся с 1941 года в Краснодаре СЭГ-3201 в августе 1942 года был переведён в Гагру, откуда в марте 1943 года переехал в Сочи, а в апреле — в Краснодар. Также в Краснодаре в октябре 1943 года был развёрнут ЭГ-3219, ранее дислоцировав-

шийся в Дагестанской АССР. Эвакоприёмники, обеспечивавшие распределение и эвакуацию по назначению большого контингента пациентов, действовали в Туапсе, Сочи, Гагре¹⁵. Наконец, управление МЭП-11 в период оккупации региона фашистами дислоцировалось в Сочи, в марте 1943 года было переведено в Краснодар, а на завершающем этапе войны находилось в Ростове-на-Дону.

Таким образом, районы дислокации подразделений МЭП-11 и других действовавших на Северном Кавказе эвакуопунктов, МЭП-94 и МЭП-104, в ряде случаев совпадали. В одном населённом пункте (в частности, в Краснодаре и Сочи) в период оккупации части региона и после её окончания были развёрнуты военно-лечебные учреждения и управления различных эвакуопунктов. Их размещение осуществлялось по территориальному принципу, но с учётом складывавшейся обстановки и поставленных перед эвакуопунктами задач. Подразделения МЭП-11, действовавшего в период битвы за Кавказ преимущественно как полевой эвакуопункт, решали несколько иные по сравнению с тыловыми эвакуационными госпиталями (ЭГ) задачи, хотя и могли находиться в непосредственной близости от них. Вместе с тем размещение в одном населённом пункте управлений МЭП, отчасти вынужденное, позволяло в сложной обстановке сократить время принятия совместных решений и положительно влияло на общий результат.

Рассматривая участие управления и подразделений МЭП-11 в медицинском обеспечении боевых действий на южном фланге советско-германского фронта в 1941—1943 гг., надо особо отметить массовую самоотдачу и высокий профессионализм большей части медработников. Осенью 1941 года они действовали на Дону, спасая жизни и здоровье тысяч советских воинов. Так, 17 ноября 1941 года во время бомбёжки станции Лихая Ростовской области сотрудники

лечебного отдела управления эвакуопункта (3 врача и 6 медсестёр) во главе с военврачом 2 ранга И.Б. Шерманом в сложных условиях организовали помощь 600 раненым и их эвакуацию в госпитали.

23 февраля 1942 года при авианалёте на станцию сотрудники отдела за шесть часов помогли более 1500 раненым и отправили в госпитали управления 900 из них. Несмотря на ранения в голову и руку, военврач И.Б. Шерман не покинул рабочего места, продолжая руководить работой сотрудников отдела¹⁶.

Во время очередной бомбёжки станции Лихая 10 апреля 1942 года работниками управления эвакуопункта была организована и при их личном участии в течение трёх часов оказана медицинская помощь 600 раненым, из которых 400 были доставлены в госпитали. Схожая ситуация произошла 21 июня во время ночной бомбардировки немецкими самолётами города Красный Сулин.

По инициативе заместителя председателя ВВК управления военврача 1 ранга В.М. Гительмана была организована хирургическая группа в составе двух врачей и четырёх сестёр, которая за 4 часа оказала помощь 400 раненым, большинство из которых были доставлены в госпитали¹⁷. В.М. Гительман служил в составе МЭП-11 с 28 июня 1941 до октября 1945 года, занимал должность председателя ВВК. Неоднократно проявлял свои лучшие профессиональные и человеческие качества, организуя и лично спасая советских воинов. Был награждён многими орденами и медалями¹⁸.

22 июля 1942 года во время очередного авианалёта противника сотрудники управления МЭП-11 организовали оказание квалифицированной медицинской помощи раненым и их отправку с железнодорожной станции Новочеркасск. За 2 часа около 1000 эвакуируемых бойцов и командиров были доставлены и погружены в военно-санитарные поезда и летучки и вывезены из

Военврач 1 ранга
В.М. Гительман — заместитель
председателя военно-
врачебной комиссии
управления МЭП-11

Полковник медицинской
службы А.А. Калинин — начальник
управления МЭП-94
(1944—1945 гг.)

Военврач 1 ранга
С.Р. Кац — инспектор-хирург
управления
МЭП-11

города, который 25 июля 1942 года был оккупирован врагом. В решении этой и ряда других задач по эвакуации раненых и больных отличился инспектор-хирург управления МЭП-11 военврач 1 ранга С.Р. Кац¹⁹. Он организовывал хирургическую обработку раненых из числа военнослужащих и гражданского населения, лично проводил операции в условиях авианалётов, способствовал скорейшей эвакуации бойцов и командиров в тыловые эвакогоспитали. За самоотверженность, отличную работу и проявленное при этом мужество был отмечен наградами командования²⁰.

Во время наступления германских войск на Северном Кавказе с сентября 1942 года МЭП-11 обеспечивал медицинскую эвакуацию на Черноморском побережье от Туапсе до Гагры. Сортировку, сведённую в стационарных эвакуоприёмниках к минимуму, было решено осуществлять непосредственно в ВСП и ВСЛ, что значительно ускорило доставку раненых в госпитали. При ограниченных транспортных средствах в период с 1 октября по 16 ноября 1942 года через эвакуоприёмник МЭП-11 в Сочи

прошли 38 914 раненых и больных советских воинов. При этом эвакогоспитали, подчинявшиеся управлению эвакопункта, обеспечивали один из самых высоких показателей их возвращения в строй. По армии в среднем этот уровень составлял до 30 проц., в то время как госпитали МЭП-11 вернули в действующие войска в декабре 1942 года 42 проц., а в январе 1943 года — 33 проц. контингента.

С началом наступления советских войск на Кавказе в январе 1943 года МЭП-11 осуществлял приём раненых 18, 47 и 56-й армий Закавказского фронта. Имея в своём распоряжении всего 1 госпиталь и 9 автомашин, руководство МЭП-11 наладило выгрузку раненых с морских судов в порту Туапсе и приём их на аэродроме. Организовав дополнительный эвакуоприёмник, оно обеспечивало обработку и отправку на ВСП и ВСЛ в Сочи 1500 и более человек в день²¹.

В представлении к награде на помощника начальника лечебного отдела управления эвакопункта военврача 3 ранга Е.А. Будилову отмечено её личное участие в организации Туапсинского эвакуоприёмника,

в котором к началу марта 1943 года была оказана квалифицированная медицинская помощь более 35 тыс. раненым²². В послевоенные годы Е.А. Будилова долгое время работала главным врачом Института глазных болезней и тканевой терапии имени академика В.П. Филатова в Одессе.

Один из госпиталей эвакопункта, ЭГ-5347 (эвакуационный госпиталь), был развёрнут в Ростове-на-Дону после его освобождения в феврале 1943 года, где и находился до 1 октября 1945-го. Вплоть до августа 1944 года в Краснодаре действовал ЭГ-3219, после чего был переведён во Львов. В Краснодарском крае с 1943 года, а на территории Крыма (в то время Крымская АССР) с 1944 года дислоцировались многие другие госпитали МЭП-11, некоторые из них позже были переведены на запад страны²³.

Уточним и дополним информацию о работе управления МЭП-94 и подчинённых ему госпиталей на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны. В ряде исследований отмечалось, что эвакопункт был сформирован в Краснодаре и по состоянию

Военврач 2 ранга
Ф.А. Колов — начальник
эвакуационного отдела
МЭП-94

Военврач 1 ранга
В.Л. Малицкий —
начальник управления
МЭП-11

Военврач 2 ранга
А.П. Пасхалов — начальник
лечебного отдела
МЭП-94

на октябрь 1941 года имел в своём составе 55 эвакуогоспиталей, дислоцировавшихся в городах и станицах Кубани. На самом деле МЭП-94 был развёрнут в Астрахани, а позднее переведён в Краснодар. В его подчинении в отличие от соседних МЭП-90 и МЭП-104 находились только госпитали Наркомздрава. Архивные документы свидетельствуют, что МЭП-94 хорошо зарекомендовал себя уже в первые месяцы войны. Во время обороны Одессы в сентябре—октябре 1941 года он в непростой обстановке довольно успешно организовал эвакуацию в Новороссийск большого количества раненых советских воинов²⁴.

В период боёв за Керченский полуостров весной 1942 года из этого района при участии МЭП-94 были перемещены в тыл свыше 50 тыс. раненых. Эвакуация осуществлялась через Новороссийск, Темрюк, населённые пункты Славянская и Тоннельная. Ряд госпиталей МЭП-94 были подтянуты ближе к основным узлам эвакуации, созданы оперативные группы по приёму, распределению и отправке раненых в тыловые ЭГ. В то время в ведении эвакуопункта

находились 50 госпиталей, развёрнутых как в относительной близости к линии фронта, так и в глубоком тылу²⁵.

География дислоцирования ЭГ МЭП-94 была гораздо шире, чем территория Краснодарского края. Так, только в Дагестанской АССР находилась целая группа госпиталей МЭП-94 — ЭГ-450, ЭГ-1614, ЭГ-1628, ЭГ-2035, ЭГ-3187, ЭГ-4651, ЭГ-4653. Некоторые из них располагались на территории Дагестана и на начальном этапе войны, и во время оккупации врагом части Северного Кавказа, а также после его освобождения. Так, ЭГ-1628 функционировал в городе Дербенте с 30 июня 1941 по 5 марта 1946 года, а с 1945 года — как ортопедический госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны²⁶.

Однако на завершающем этапе войны, в частности осенью 1944 года, эвакуогоспитали Дагестанской госпитальной базы находились в ведении управления МЭП-100 Закавказского фронта²⁷ (позже — Бакинского военного округа). В свою очередь, в число эвакуогоспиталей МЭП-94 после освобождения восточных районов Украинской

ССР вошли ЭГ, развёрнутые на Донбассе. С 20 сентября 1943 года в Сталино (Донецке) действовал ЭГ-4937, с 1 мая 1944 года — ЭГ-1526 в Макеевке, с 1 июля 1944 года — ЭГ-6031 в Курахово Сталинской области. Само управление эвакуопункта к тому времени вошло в состав Харьковского военного округа.

Ещё одна группа госпиталей МЭП-94 на начальном этапе войны находилась на Ставрополье. В то же время значительная часть эвакуогоспиталей, развёрнутых на территории Орджоникидзевского (Ставропольского) края, в том числе в пределах Кавминвод, находилась в ведении управления МЭП-90.

Сведения о фактическом размещении медучреждений, практически отсутствующие в исследовательских работах²⁸, подтверждаются архивными документами. Так, в списках умерших за октябрь и ноябрь 1941 года по эвакуогоспиталю управления МЭП-94 наряду с данными по госпиталям Краснодарского края содержится информация о безвозвратных потерях по ЭГ-1626, ЭГ-1811, ЭГ-1961, дислоцировавшихся в Ворошиловске (Ставрополе)²⁹,

а также по ЭГ-3189, развёрнутом в Черкесске³⁰, входившем в состав Орджоникидзевского края. Это позволяет сделать вывод о том, что система медико-санитарного обеспечения постоянно трансформировалась, исходя из реалий боевой обстановки и целесообразности тех или иных передислокаций медицинских подразделений в районах действия армии, фронта.

Немало испытаний, особенно в начале войны, выпало на долю командного и административного состава управлений МЭП и практически всех эвакогоспиталей. Военврач 2 ранга А.Н. Тихомиров в начале ноября 1941 года возглавлял управление эвакуационного пункта (МЭП-94), размещавшееся в тот момент в Ворошиловске. Под его руководством в критически сложной обстановке обеспечивалось функционирование подчинённых медицинских подразделений. Происходило это накануне оккупации города врагом в августе 1942 года, во

время последующего перемещения управления в Махачкалу³¹, а также в период его нахождения в составе Харьковского военного округа (до октября 1944 г.). В дальнейшем А.Н. Тихомиров, как опытейший организатор, возглавил управление фронтового эвакопункта № 61 4-го Украинского фронта³².

Начальник управления МЭП-94 полковник медицинской службы А.А. Калинин-Калинкин³³ в годы войны накопил большой опыт руководящей работы. Занимая должности заместителя начальника военно-санитарного управления (ВСУ) Южного фронта, начальника санитарного управления Северо-Кавказского фронта, начальника санитарного отдела 11-й армии, начальника лечебно-эвакуационного отдела санитарного управления 1-го Белорусского фронта, он везде высокопрофессионально выполнял свои служебные обязанности³⁴.

Должность помощника начальника управления МЭП-94

с ноября 1942 года занимал военврач 1 ранга С.И. Кондратьев. Ранее он работал в санитарном отделе 37-й армии Южного фронта, отличился при организации эвакуации раненых госпиталями ПЭП-133 на Донбассе³⁵. Не менее ответственно и самоотверженно показали себя в обеспечении слаженной работы медучреждений заместитель начальника управления МЭП-94 по политической части подполковник Ф.П. Сидельников, военком батальонный комиссар Я.И. Гужва и др.

С началом Великой Отечественной войны вся структура медицинского обеспечения войск приобрела наиболее эффективное строение. Так, в состав управления МЭП-94 вошли такие отделы и отделения, как эвакуационный, лечебный, интендантского и медицинского снабжения, вещевого, продовольственного, финансовый, контрольно-ревизионный, административно-хозяйственный, транспортный,

Эвакогоспиталь № 1626 МЭП-94
г. Ворошиловск (Ставрополь)

кадров, прачечно-дезинфекционный отряд, ВВК и т. д.

С 24 июня 1941 года начальником 1-го (эвакуационного) отдела МЭП-94 вплоть до конца войны являлся военврач 2 ранга Ф.А. Колов. Отдел под его руководством обеспечивал приём раненых и больных из фронтового района и дальнейшую их эвакуацию в тыловые ЭГ. Огромная нагрузка легла на управление данного медучреждения и подчинённые подразделения в период массового приёма раненых с Крымского полуострова в город Темрюк в мае 1942 года, а также во время перевода управления и многих госпиталей МЭП-94 на территорию Дагестанской АССР в условиях наступления врага на Северный Кавказ³⁶.

Начальником 2-го (лечебного) отдела МЭП-94 осенью 1941 года был военврач 2 ранга И.Г. Щеколдин. Он являлся автором схемы лечения терапевтических больных на различных этапах эвакуации, благодаря использованию которой в строй возвращались тысячи советских воинов. Участвовал в организации лечения раненых и больных во фронтовом районе в Армавири-Майкопской оборонительной, Новороссийско-Таманской наступательной и других операциях. В последующем военврач 1 ранга И.Г. Щеколдин занимал должность главного терапевта санитарного управления Северо-Кавказского фронта³⁷, начальника управления МЭП-20 Северо-Кавказского фронта³⁸.

Длительное время начальником лечебного отдела МЭП-94 был военврач 2 ранга А.П. Пасхалов. В качестве уполномоченного управления учреждения в феврале—марте 1942 года он находился в Новороссийске, обеспечивая передачу госпиталей Краснодарского края Крымскому фронту. Под интенсивным огнём противника военврач осуществлял погрузку раненых на морские суда и оказывал на месте помощь пострадавшим от налётов вражеской авиации. 3 августа 1942 года во время за-

хвата германскими войсками Ворошиловска участвовал в эвакуации управления МЭП-94. При этом организовал оказание медицинской помощи большому числу местных жителей, пострадавших от серии авианалётов. Под руководством А.П. Пасхалова врачи управления, находившегося рядом с подвергшейся бомбардировке базарной площадью, не только обработали раны пострадавшим, но и с помощью санитарного транспорта управления эвакуантами провели их эвакуацию³⁹.

Майор медицинской службы А.П. Пасхалов и в дальнейшем неоднократно проявлял высокие профессиональные качества, организаторские способности и личное мужество. По имеющейся информации в течение некоторого времени он замещал должность начальника управления МЭП-94⁴⁰. На момент окончания войны являлся помощником начальника управления по медицинской части⁴¹.

Среди упомянутых в архивных документах отличившихся медработников значатся также начальник лечебного отдела майор медицинской службы М.И. Ревизоров⁴², старший помощник начальника, а затем начальник 3-го отдела (медицинского снабжения) капитан медицинской службы А.И. Гельблу. Последний, как опытный фармацевт, хорошо поставил МЭП-94 медико-санитарным имуществом. Гельблу была проделана огромная работа по доставке армиям Северной группы войск Закавказского фронта консервированной крови. Несмотря на трудности снабжения, все эвакуогоспитали в период битвы за Кавказ своевременно получали перевязочные материалы и медикаменты⁴³.

Председателем ВВК управления МЭП-94 с 24 июня 1941 года в течение всей войны являлся военврач 3 ранга К.Д. Ситников, задачей которого была организация функционирования врачебных комиссий госпиталей эвакуопункта. Благодаря хорошо

поставленной работе комиссий эвакуогоспитали МЭП-94 не только обеспечивали высокое качество лечения, но и способствовали увеличению количества возвращённых в строй бойцов и командиров. Военврач К.Д. Ситников отличился 3 августа 1942 года во время захвата противником Ворошиловска. Под интенсивным вражеским огнём он самоотверженно оказывал медицинскую помощь пострадавшим от бомбёжки военнослужащим и гражданскому населению⁴⁴.

Героически действовал в тот период и старший инспектор-хирург управления МЭП-94 майор медицинской службы А.А. Циома, до войны работавший ассистентом хирургической клиники Одесского медицинского института. Во время авианалётов фашистов на Ворошиловск и Георгиевск в крайне примитивных условиях он организовал помощь пострадавшим, лично провёл десятки неотложных операций. Во время боёв за Кавказ, несмотря на слабое здоровье, систематически проводил операции в госпиталях МЭП-94, передавая опыт врачам-хирургам и другим медицинским работникам⁴⁵.

Успех в наилучшем медицинском обеспечении войск, несомненно, невозможен без подготовки кадров и развития лечебного дела в целом. Поэтому как ГВСУ, так и руководители медико-санитарных учреждений непосредственно на местах огромное внимание уделяли обучению молодых специалистов, а также научной работе по актуальным направлениям. Это касалось и управлений эвакуогоспиталей МЭП-94 и МЭП-11, дислоцировавшихся в Дагестанской АССР в период битвы за Кавказ.

В Дагестане в 1942—1943 гг. было проведено несколько научно-оборонных конференций врачей эвакуогоспиталей, участие в которых приняли многие видные специалисты. В их числе были начальник глазного отделения ЭГ-3187, заведующий

кафедрой глазных болезней Дагестанского мединститута Х.О. Булач, начальник ЭГ-3219, бывший главный врач Ворошиловской психиатрической больницы А.Я. Доршт⁴⁶, начальник 1-го корпуса ЭГ-1628 военврач 2 ранга И.В. Пономаренко и многие другие. В общей сложности за время Великой Отечественной войны в Дагестане были организованы 53 межгоспитальные научные конференции и 4 научно-оборонных съезда врачей⁴⁷, что, безусловно, принесло вполне определённые результаты. Стоит отметить, что в отдельных эвакуационных госпиталях МЭП-94 в Дагестане, в частности в ЭГ-164, возврат в строй выздоровевших воинов достигал 90 проц.⁴⁸

К сожалению, в период наступления противника на Северный Кавказ управление МЭП-94 понесло довольно ощутимые потери. 3 августа (по другим данным, 11 августа)⁴⁹ 1942 года во время вражеской бомбёжки поезда на разъезде Куринском под Туапсе погибла помощник начальника лечебного отдела военврач 3 ранга В.И. Жигуленко. В августе 1942 года во время командировки на станции Кавказская пропала без вести врач-эвакуатор управления эвакуационного пункта З.В. Обновленская. Там же, на станции Кавказская, согласно архивным документам пропали без вести член ВВК военврач 3 ранга М.И. Булгаков и врач-эвакуатор управления МЭП-94 А.А. Булгакова⁵⁰. Позже выяснилось, что М.И. Булгаков погиб, был похоронен в станице Кавказской⁵¹, в то время как А.А. Булгаковой удалось спастись.

С июня 1944 по май 1945 года капитан медицинской службы Булгакова находилась в рядах действующей армии, занимая должность ординатора ЭГ-3219, в разное время входившего в состав 1-го Украинского и Ленинградского фронтов⁵².

Погибали и сотрудники эвакуационных госпиталей. 9 ноября 1942 года была убита ординатор 2-го хирургического отделения ГЛР-4231 (госпиталя для легко-

раненых) МЭП-94 Е.В. Курако, а 16 декабря погибла старшая медсестра этого же госпиталя В.Я. Година. Обе женщины были похоронены в Махачкале⁵³.

Рассматривая подчинённость эвакуационных пунктов на заключительном этапе Великой Отечественной войны, отметим, что управление МЭП-94 в период с мая 1944 по май 1945 года входило в состав ВСУ Харьковского военного округа. Управления МЭП-11, МЭП-90 и МЭП-104 до конца войны входили в состав ВСУ Северо-Кавказского военного округа.

Требуется уточнения информация о деятельности МЭП-20 на Северном Кавказе. В предшествующие началу битвы за Кавказ месяцы управление этого эвакуационного пункта располагалось в Сталинграде. В связи со сложной и быстро менявшейся обстановкой оно за относительно короткий промежуток времени входило в состав различных фронтов. В частности, при расформировании Юго-Западного фронта в июле 1942 года часть его госпиталей была передана Воронежскому фронту. В результате госпитали МЭП-20, оказавшись переполненными ранеными и больными, к началу Сталинградской битвы 1942—1943 гг. работали в очень интенсивном режиме⁵⁴. В связи с приближением фронта в конце октября 1942 года МЭП-20 был переформирован в ПЭП-171 28-й армии Южного фронта (впоследствии — других фронтов), который действовал до конца войны. В первые месяцы 1943 года ПЭП-171 принимал участие в медицинском обеспечении советских войск, продвигавшихся от Астрахани в направлении Ростова-на-Дону⁵⁵.

В то же время в ходе битвы за Кавказ весной 1943 года в состав Северо-Кавказского фронта входило управление МЭП-20, которое с апреля 1943 года возглавлял, как было сказано выше, военврач 1 ранга И.Г. Щеколдин. На заключительном этапе войны управление эвакуационного пункта входило в состав ВСУ Прибалтийского военного округа.

Рассматривая деятельность МЭП в период битвы за Кавказ, отметим, что в соседнем Закавказье действовали другие подобные медучреждения, участвовавшие в обеспечении боевых действий в регионе. Так, на территории Грузинской ССР был развернут МЭП-101 Закавказского фронта. Его управление находилось в Кутаиси, а подчинённые ему ЭГ-368, ЭГ-1052, ЭГ-1456, ЭГ-1458, ЭГ-4552, ЭГ-4665 дислоцировались в городах Батуми, Боржоми, Гори и др.

Итак, в первый период войны и в ходе битвы за Кавказ в регионе наряду с МЭП-90 и МЭП-104, обслуживавшими Минераловодскую и Сочинскую госпитальные базы, действовали и другие эвакуационные пункты. В их числе были МЭП-11, до лета 1943 года функционировавший как полевой эвакуационный пункт фронтового подчинения, а также МЭП-94, курировавший эвакуационные госпитали на территории Кубани и Ставрополя. Управления эвакуационных пунктов и подчинённые им эвакуационные госпитали во время оккупации фашистами отдельных частей региона размещались в районе Сочи, а также в республиках Северного Кавказа и Закавказья. После освобождения Северного Кавказа многие из них были переведены на территорию Краснодарского и Ставропольского краёв, в Ростовскую область. Весной 1943 года к ним присоединился МЭП-20, образованный в составе Северо-Кавказского фронта с рядом подведомственных ему госпиталей. К окончанию войны в регионе дислоцировались управления МЭП-11, МЭП-90 и МЭП-104 ВСУ Северо-Кавказского военного округа, имевшие в своём подчинении меньшее количество эвакуационных госпиталей, чем в 1941—1943 гг. Сотрудники действовавшей в регионе тыловой госпитальной базы с честью выполняли возложенные на них обязанности, обеспечивая возврат в строй большого числа раненых и больных советских воинов и приближая день общей победы над врагом.

- ¹ *Оппель В.А.* Очерки хирургии войны. Л.: Медгиз, 1940. 400 с.
- ² Эвакуационный госпиталь // Большая Медицинская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 27. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 534.
- ³ *Линец С.И.* Формирование госпитальной базы в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод в первый год Великой Отечественной войны // Былые годы: черноморский исторический журнал. 2009. № 3. С. 55.
- ⁴ *Он же.* Госпитальная база Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. 135 с.; *Судавцов Н.Д.* Кавказские Минеральные Воды — крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны // Ставрополье: Правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 573—587.
- ⁵ *Артюхов С.А.* Сочи в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сочи, 2000. 224 с.; *Черкасов А.А.* К некоторым аспектам работы сочинской госпитальной базы (1941—1945 гг.): периодизация и эффективность // Былые годы: черноморский исторический журнал. 2008. № 2. С. 19—29.
- ⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 8472. Оп. 45717. Д. 54. Л. 73.
- ⁷ Там же. Д. 87. Л. 172.
- ⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3980. Л. 51.
- ⁹ Там же. Оп. 44677. Д. 173. Л. 14—15.
- ¹⁰ Там же. Д. 627. Л. 465.
- ¹¹ Военные врачи — участники Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: краткий биографический справочник. Ч. 2. СПб.: Типография Военно-медицинского музея МО РФ, 1996. С. 8, 9.
- ¹² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 44677. Д. 685. Л. 338.
- ¹³ *Федченко Е.В.* Госпитальная база Северного Кавказа и её роль в оказании помощи раненым воинам в годы Великой Отечественной войны (www.rusnauka.com/PNR_2006/DN2006/istoria/2_fedchenko%20e.v..doc.htm).
- ¹⁴ *Карташев А.В.* Организация военно-медицинской службы Северо-Кавказского фронта в 1943 году // Никто не забыт, ничто не забыто: роль СССР во Второй мировой войне: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Ростов-на-Дону, 10 сентября 2020 г.). Ростов-н/Д: Изд-во РостГМУ, 2020. С. 140, 141.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 458. Л. 481.
- ¹⁶ Там же. Д. 451. Л. 147.
- ¹⁷ Там же. Д. 458. Л. 509.
- ¹⁸ Там же. Оп. 690155. Д. 3232. Л. 70.
- ¹⁹ Там же. Оп. 682525. Д. 458. Л. 481.
- ²⁰ Там же. Оп. 682524. Д. 627. Л. 602.
- ²¹ Там же. Оп. 682525. Д. 458. Л. 483.
- ²² Там же. Л. 367.
- ²³ Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941—1945 годах (www.soldat.ru/hospital.html).
- ²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 590. Л. 295.
- ²⁵ Там же. Д. 1636. Л. 155.
- ²⁶ Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941—1945 годах.
- ²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 744808. Д. 1739; 20. Л. 262.
- ²⁸ *Карташев И.В.* Работа эвакогоспиталей в Ставрополе в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2019. № 12. С. 43.
- ²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 667. Л. 205—211.
- ³⁰ Там же. Д. 665. Л. 59—66.
- ³¹ Там же. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 590. Л. 295.
- ³² Военные врачи — участники Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Ч. 2. С. 176.
- ³³ Там же. Ч. 1. СПб.: Типография Военно-медицинского музея МО РФ, 1995. С. 169.
- ³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1877. Л. 22.
- ³⁵ Там же. Оп. 682527. Д. 33. Л. 289.
- ³⁶ Там же. Д. 31. Л. 178.
- ³⁷ Там же. Д. 33. Л. 298.
- ³⁸ Военные врачи — участники Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Ч. 2. С. 239.
- ³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 31. Л. 148.
- ⁴⁰ Официальный сайт Астраханского государственного медицинского университета. Кафедра дерматовенерологии. История (www.astgmu.ru/kafedra-dermatovenerologii/istoriya/).
- ⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 151. Оп. 13042. Д. 124. Л. 344.
- ⁴² Там же. Оп. 151. Д. 116. Л. 92.
- ⁴³ Там же. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 33. Л. 308.
- ⁴⁴ Там же. Д. 31. Л. 197.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 686044. Д. 1957. Л. 214.
- ⁴⁶ Архив Ставропольского государственного медицинского университета. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 3174. Л. 31.
- ⁴⁷ *Нагиева Н.К.* Организация госпиталей в Дагестане в годы Великой Отечественной войны // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 95.
- ⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 577. Л. 144, 170.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 40. Л. 169.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 818883. Д. 1710. Л. 205—206.
- ⁵¹ Книга памяти: Российская Федерация. Краснодарский край. Т. 1. Город Краснодар. Краснодар: Кн. изд-во, 1994. С. 68.
- ⁵² Военный комиссариат г. Москвы. Коптевский РВК. Д. 21000046.
- ⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 10. Л. 178.
- ⁵⁴ *Соколов В.А., Мурылев Ю.А., Якимов Д.К., Мурылев В.Ю.* Организация работы эвакуационных госпиталей в Саратове в период Сталинградской битвы // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2018. № 3. С. 254.
- ⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 107. Л. 20.

I.V. Kartashev

«DOCTORS, NURSES, AND ORDERLIES STAYED AT THE OPERATING TABLES AND BEDS OF THE SERIOUSLY WOUNDED FOR TWENTY-FOUR HOURS AND PERFORMED REAL MIRACLES»

Local evacuation centers in the Northern Caucasus (1941—1945)

Information about author. Igor Kartashev — senior researcher at the Center for the Study of the History of Medicine with the Museum Complex of the Stavropol State Medical University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Stavropol. E-mail: kartashev_iv@mail.ru).

Summary. The paper deals with the activity of local bodies of the Main Military Sanitary Directorate of the Red Army in the North Caucasus during the Great Patriotic War. The main attention is paid to the questions connected with the history of deployment and further functioning of the local evacuation points No. 11 and No. 94, as well as their subordinate evacuation hospitals during the battle for the Caucasus. On the basis of archival documents and reference literature, the structure of the evacuation points, the nature of the activities of the subordinate hospitals, the peculiarities of their deployment and work in the conditions of the front and rear areas are studied. The paper aims to demonstrate the importance of establishing efficient and expedient local evacuation points for the Main Military Sanitary Directorate of the Red Army in the region, particularly during the battle for the Caucasus. The paper highlights the valuable contributions of distinguished employees at evacuation points and hospitals in saving the lives and health of wounded and sick individuals, as well as facilitating the speedy return of Red Army soldiers and commanders to their ranks.

Keywords: Great Patriotic War; Battle of the Caucasus; evacuation hospitals; local evacuation centers; medical rehabilitation of the wounded and sick; treatment of the wounded and sick; return of soldiers to the ranks.

«ГЕНЕРАЛ КУТУЗОВ БЫЛ ПРИНЯТ С БОЛЬШИМИ ПОЧЕСТЯМИ И БОЛЬШЕЙ ЛЮБЕЗНОСТЬЮ...»

Посещение послом М.И. Кутузовым Святой Софии в 1793 году
(в описании Г.К. фон Реймерса и Г.С. Сергеева)

Сведения об авторе. Якушев Михаил Ильич — генеральный директор аналитического центра «Катехон», старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: mikhail.yakushev@tsgg.ru).

Аннотация. Знаменитый поход М.И. Кутузова из Санкт-Петербурга в Константинополь в 1793—1794 гг. во главе многочисленного чрезвычайного посольства давно известен отечественной историографии. С этой экспедицией связано множество эпизодов, имевших место непосредственно в османской столице, основанных, кроме дипломатических архивных реляций, преимущественно на устных рассказах, слухах, специально придуманных байках.

Изданный в 1803 году в Санкт-Петербурге трёхтомник Генриха фон Реймерса — секретаря-переводчика и члена той дипломатической экспедиции — даёт самую полную и достоверную картину выполнения возложенной императрицей Екатериной II на генерал-лейтенанта Кутузова миссии. Как это ни парадоксально, этот важный исторический источник, так и не переведённый на русский язык, до сих пор остаётся терра инкогнита. Во 2-м томе сочинения, посвящённом пребыванию русского посольства в Константинополе, фон Реймерс описывает поход Кутузова в Свято-Софийскую мечеть.

В Угличском государственном историко-архитектурном и художественном музее находится коллекция «османских акварелей» военного топографа Гавриила Сергеева, подаренных им Михаилу Илларионовичу, которые хранились в семейном архиве Голенищевых-Кутузовых, а затем волею судеб попали в Угличский музей. Среди них обратил на себя внимание любопытный рисунок «Внутренний вид церкви Св. Софии», на котором Сергеев запечатлел её интерьер в день экскурсии по ней Кутузова со свитой, художественно дополняя описываемый фон Реймерсом сюжет. Благодаря акварели Сергеева и описанию Реймерса открыта ещё одна доселе неизвестная страница истории российско-османских отношений, главными действующими лицами в которых выступили императрица Екатерина II, султан Селим III, император Александр I и военный дипломат Михаил Голенищев-Кутузов.

Ключевые слова: чрезвычайное посольство в Османскую империю в 1793—1794 гг.; М.И. Кутузов; Г.К. фон Реймерс; Г.С. Сергеев; Святая София; мечеть; церковь.

Победа Российской империи над Высокой Портой¹ и заключение между ними Ясского мирного трактата² окончательно убедили Высокую Порту и остальную Европу в неспособности османской армии в одиночку противостоять русскому оружию. После Ясского мира³ баланс сил на европейской арене изменился в

пользу России, серьёзно укрепившей свои геополитические позиции в регионе Причерноморья за счёт уступки османами части своих территорий.

Молдавское княжество⁴ как субъект Османской империи было превращено в арену борьбы между Россией, Францией и Австрией, пытавшимися установить своё влияние в этой под-

властной османам христианской провинции. Екатерина II Великая (1762—1796 гг.) намеревалась теперь расположить к себе султана Селима III (1789—1807 гг.) и склонить Порту к объединению с европейскими державами против революционной Франции и устранить опасность захода французского флота в Чёрное море. Для вос-

Вид Св. Софии. Слева фонтан султана Ахмеда III
Г. Фоссати. Акварель № 17

становления дипломатических отношений, прерванных Русско-османской войной 1787—1791 гг., русский и османский императорские дворы решили обменяться чрезвычайными посольствами.

С целью осуществления этой миссии императрица сделала неожиданный для многих при дворе выбор. Вместо уже избранного ею (летом 1792 г.) генерала А.Н. Самойлова⁵ на должность чрезвычайного посла в Константинополь Екатерина II 17 декабря 1792 года назначила генерал-лейтенанта Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Как и его друг Самойлов, Кутузов ак-

М.И. Кутузов в мундире полковника

тивно участвовал в сражениях с турками-османами при взятии Измаила. Решившись на такую неожиданную замену, Екатерина II принимала во внимание кроме признанных воинских доблестей своего любимца острый ум, хитрость и изворотливость боевого генерала. Лишь немногие (императрица Екатерина II, Г.А. Потёмкин, А.В. Суворов) ведали о скрытых талантах М.И. Кутузова в искусстве военной разведки. Во время баталей с османами Михаил Илларионович руководил перемещением разведывательных подразделений и казачьих разъездов, анализировал поступающие от местных

Вид Св. Софии перед её капитальным ремонтом братьями Фоссати в 1847 г.

Г. Фоссати. Акварель № 25

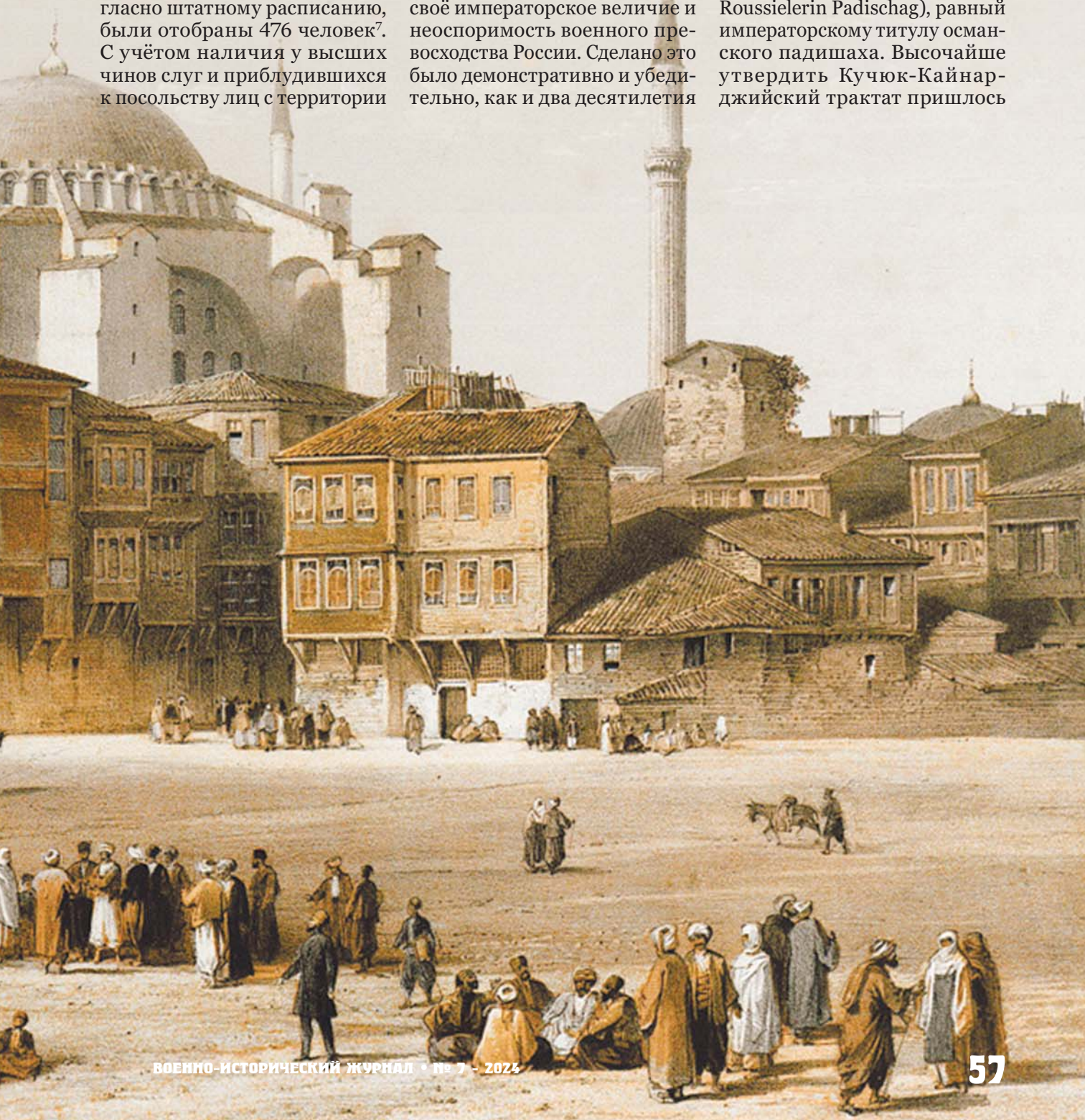

жителей и пленных сведения. Кутузову надлежало таким же образом разобраться во внутривосточной обстановке в Османской империи, узнать настроения её славянских и греческих подданных (османлы), а также способствовать развитию двусторонней торговли, обменять пленными, а главное — обеспечить сохранение мира с Портой. На всю экспедицию Екатерина II выделила из казны 3 млн рублей⁶.

В состав свиты Кутузова, согласно штатному расписанию, были отобраны 476 человек⁷. С учётом наличия у высших чинов слуг и прибудившихся к посольству лиц с территории

Молдавии и из бывших османских крепостей общее число «путешествовавших» в Царьград, по оценкам фон Реймерса⁸, достигло «650 человек и более»⁹. Среди них были штабные офицеры квартирмейстерской части, инженерного корпуса, морского ведомства и военные топографы. Многочисленность чрезвычайного посольства Екатерины Великой объяснялась её желанием как триумфатора продемонстрировать поверженному падишаху Селиму III своё императорское величие и неоспоримость военного превосходства России. Сделано это было демонстративно и убедительно, как и два десятилетия

раньше в результате громкой победы над османской армией в 1774 году, вынудившей Порту подписать унижительный для неё Кючук-Кайнарджийский мирный трактат¹⁰, из-за чего сердце Мустафы III (30 октября 1757 г. — 21 января 1774 г.) не выдержало такого удара, и султан скончался в своём дворце. В результате этой победы Высокая Порта впервые была вынуждена письменно признать за Екатериной II титул «императрицы» (тур. *Temamen Roussielerin Padischag*), равный императорскому титулу османского падишаха. Высочайше утвердить Кючук-Кайнарджийский трактат пришлось

брату покойного султана Абдул Хамиду I (21 января 1774 г. — 7 апреля 1789 г.), которого постигло новое несчастье: завоёванный русскими в 1783 году Крым¹¹ четыре года спустя посетила императрица¹², откуда перед ней согласно её «Греческому проекту», разработанному князем Г.А. Потёмкиным-Таврическим, открывалась прямая «дорога на

Константинополь». В 1788 году, четыре месяца спустя после падения османской крепости Очаков, Абдул Хамид I скончался в серале от инсульта.

Кутузов задумал воспользоваться большим количеством вверенного ему личного состава посольства, чтобы рассеять массу сметливых служивых молодцов по стамбульским кварталам, сделать их привычными

для глаз местных жителей и султанских властей.

22 февраля 1793 года Екатерина II своим указом утвердила штат личного состава посольской свиты, и 19 марта экспедиция Кутузова начала своё путешествие из Петербурга в Константинополь. 4 июня состоялся обмен посольствами в Дубоссарах. Стамбул также направил в Петербург свою чрезвычайную миссию во главе с родственником султана Селима III — храбрым воином Мустафой Расых-эфенди. В отличие от Кутузова османский посол (буюк эльчи) спешил скорее оказаться в Петербурге. Екатерина II назначила ему в сопровождающие от границы до Петербурга «первого пристава посольства» от принимающей стороны генерал-майора графа И.А. Безбородко (младшего брата гофмейстера А.А. Безбородко) и старого боевого товарища М.И. Кутузова. Численность воинской команды графа Безбородко превышала 1100 человек.

В дороге генерал-лейтенант Кутузов не спешил, мотивируя свою медлительность старыми ранами, а в действительности собирая подробную информацию об Османской империи. По пути в Константинополь к нему стекались сведения о состоянии османских крепостей, их вооружении, наличии запасов, снимались планы местностей, производилась оценка мест возможных стоянок войск, укреплённых районов и настроений местного населения. Эти сведения должны были поступать непосредственно Кутузову для анализа и последующей отправки докладов лично командующим сухопутными и морскими силами на Чёрном море А.В. Суворову и Н.С. Мордвинову.

Если верхом на коне от Петербурга до Стамбула курьер мог проскакать за две недели, то Кутузову понадобилось почти шесть месяцев, чтобы со своей экспедицией пройти этот путь. 26 сентября 1793 года медлительный «северный лис» наконец въехал в Константинополь.

Падишах и халиф Селим-хан III

Османы не стеснялись выказывать своё почтение русскому буюк эльчи, известному своими ратными победами над ними. Владение Кутузовым разговорным турецким языком произвело на султана Селима III и великого визиря (садразама) Мелека Мехмед-пашу благоприятное впечатление. Место жительства послу России и его многочисленной свите отвели в Пере — дипломатическом районе Константинополя за бухтой Золотой Рог.

О дипломатических шагах Михаила Илларионовича в Царьграде написано немало. Казалось бы, все источники, связанные с дипломатической миссией Кутузова в Константинополе, уже известны. Однако это не совсем так, о чём свидетельствует изданное в 1803 году в Санкт-Петербурге сочинение в трёх томах отставного дипломата и писателя Генриха Кри-

стофа фон Реймерса «Путешествие Русского Императорского Чрезвычайного Посольства в Порту Оттоманскую в 1793 году». Тот факт, что книга вышла на немецком языке (так и оставаясь до сего дня не переведённой на русский), делало её малодоступной для большинства русскоязычной читательской публики. Вот почему этот внушительный исторический документ до сих пор так и не был введён в полном объёме в научный оборот. Данная статья является скромной попыткой исправить эту двухвековую «несправедливость».

Итак, служивший при Коллегии иностранных дел Российской империи секретарём-переводчиком Генрих фон Реймерс прошёл отбор в состав посольства Кутузова в Османскую империю в 1793—1794 гг. Во время этой длительной экспедиции в Царьграде фон

Реймерс составлял служебные донесения и регулярно отсылал с посольской почтой своему другу пронумерованные письма, по жанру походившие на путевые заметки или дневниковые записи. Уже будучи в отставке, Реймерс по совету друга собрал все эти письма и издал их в Санкт-Петербурге в трёх частях на выделенные императором Александром I с этой целью финансовые средства.

В одном из писем Генрих фон Реймерс подробно описывает экскурсию в «Свято-Софийскую мечеть», оставшуюся вне зоны внимания посольских депеш, реляций и отчётов, отправленных в Петербург, поскольку военные дипломаты, видимо, полагали, что «культурная программа» чрезвычайной посольской экспедиции мало кого могла заинтересовать на Дворцовой площади. А это оказалось далеко не так, о чём

Выезд султана Селима III из дворца в мечеть Айя-София в сопровождении лейб-гвардии

свидетельствовал акварельный рисунок Гавриила Сергеева¹³, запечатлевшего Свято-Софийскую мечеть во время посещения её Михаилом Илларионовичем со свитой.

Секретарь-переводчик Реймерс, владевший немецким, французским, английским и итальянским языками, сообщает, что 1 ноября 1793 года состоялась аудиенция Кутузова у султана Селима III. Генрих фон Реймерс не попал в узкий круг отобранных на аудиенцию лиц из свиты посла, поэтому его описание ограничивается лишь кратким сообщением, что встреча «продолжалась всего четверть часа». Позднее товарищи рассказали ему, что речь посла Кутузова перед султаном Селимом, которая, как и ответ, данный великим драгоманом Порты¹⁴ (князем Дмитрием Мурузи. — Прим. авт.), имела то же содержание, что и слова, произнесённые послом и садра-замом в ходе их беседы накануне. Реймерс также добавил, что Великий сеньор¹⁵ в течение всей аудиенции и произносившихся речей сохранял молчание, продолжая смотреть на своего бывшего врага с дружелюбием и доброжелательностью.

Во время аудиенции Реймерс с остальной группой, сопровождавшей посла, оставался на втором дворе сераля (султанского дворца). В это самое время султанские гвардейцы (бостанджи) стали заносить во дворец подарки императрицы султану. Судя по той небрежности и безразличию, с которыми их вносили, пишет фон Реймерс, эти подарки походили скорее на дань побеждённого победителю, чем на щедрые дары благородного победителя¹⁶.

Ссылаясь на отзывы участников аудиенции, Реймерс сообщает, что «генерал Кутузов был принят с большими почестями и большей любезностью, нежели прежде принимали князя Н.В. Репнина (1775 г.), а также с большей учтивостью, чем обыкновенно принимают министров всех иностранных дворов»¹⁷.

Причину этого Реймерс усматривал в двух обстоятельствах: во-первых, русский посланник прибыл с более изысканными и дорогими подарками, нежели его предшественник князь Репнин; во-вторых, Россия показала себя в последней войне более грозной, чем когда-либо прежде¹⁸. Вместе с тем, как представляется, было бы более правильным поменять эти два обстоятельства местами.

А подарочный фонд посольства был действительно велик и богат. Падишах получил от императрицы воистину царские дары. Среди них самыми ценными были: бриллиантовый эгрет¹⁹ (за 40 тыс. руб.); ещё один эгрет, усыпанный полоской из крупного жемчуга, чередовавшейся с другой полоской из бриллиантов (30 тыс. руб.); великолепный рукомойник изысканной работы из золота. Стоимость заказа императорского двора меховой подарков султанскому двору составила 159 тыс. 175 руб. Среди них был великолепный мех чёрной лисы (65 тыс. руб.) для падишаха. Великому визирю же ещё до аудиенции Кутузова у султана 29 октября были преподнесены мех соболя (12 тыс. руб.) и большой красивый кинжал (20 тыс. руб.)²⁰.

Помимо бесед и переговоров с высшими сановниками Блистательной Порты посол устраивал балы в здании русской дипломатической миссии в Пере.

Дипломатическая куртуазность русского генерала открывала перед ним практически все двери в Стамбуле, разве кроме той, что вела в султанский гарем — харемлик-и хумаюн (женская половина в султанских покоях на третьем дворе дворца. — Прим. авт.), куда Кутуз-паша тоже попробовал проникнуть.

Первый драгоман русского посольства исходатайствовал высочайший фирман, предоставлявший послу Кутузову право посетить с экскурсией мечеть Айя-София с принад-

лежавшими ей общественными заведениями в сопровождении почётной султанской охраны. В то время вступить иноверцу в главную султанскую мечеть было делом из ряда вон выходящим, но только не для такого высокого гостя.

В ясный солнечный воскресный день 13 декабря 1793 года, сообщает скупая запись в отчёте посольства, «Его Высокопревосходительство Посол ездил смотреть Софийской мечети, другихъ мечетей и прочаго въ Константинополе, примѣчания достойнаго»²¹. Генерала сопровождали почти вся его свита, высшие чины посольства, несколько министров иностранных дел (посланников в ранге полномочных министров, аккредитованных при Высокой Порте. — Прим. авт.) с многочисленными родственниками. Среди них оказалась даже красавица-жена²² прусского посланника²³. Она предусмотрительно нарядилась в мужское платье, поскольку по исламской (и даже византийской. — Прим. авт.) традиции женщинам воспрещалось заходить в мечети вместе с мужчинами²⁴. Их место было на галереях.

Новость о полученном русском послом фирмане быстро разнеслась по городу. Не успела посольская процессия подъехать к мечети, как на площади перед ней уже собралась огромная толпа «франков» (местных европейцев. — Прим. авт.), особенно много было местных греков-простолюдинов. Все они с нетерпением ожидали прибытия русского генерала, дабы воспользоваться возможностью попасть внутрь Святой Софии. До появления Кутузова в мечеть никого из толпы не пускали²⁵. По установленному османами порядку только иностранным послам и посланникам при наличии у них султанского фирмана в промежутках между намазами разрешалось входить в молельный зал первого яруса, тогда как остальных «неверных» пускали лишь на галереи, да и то за пожертвование смо-

трителям мечети нескольких пиастров. Правда, случалось, но крайне редко, что им разрешалось спускаться на первый ярус в перерывах между намазами, когда в мечети практически не оставалось мусульман²⁶.

Наконец, к мечети подъехал сам посол М.И. Кутузов в сопровождении двух чаушей²⁷, нескольких янычар и в окружении многочисленной свиты, в которую без приглашения влилась ожидавшая у входа в Айя-Софию толпа людей. Куча народу пыталась слиться с почётной депутацией генерала ещё во внутреннем притворе, каждый в спешке снимал с себя туфли или сапоги, надевая вместо них заранее взятые из дома жёлтые папуши²⁸ либо натягивая поверх своей обуви тапочки, турецкие мешты²⁹, дабы «не запачкать драгоценные ковры, которыми был устлан весь пол Святой Софии»³⁰.

Вместе со свитой Кутузова в молельный зал хлынули несколько сот человек. Особливо набожные греки тут же ринулись к паре огромных мраморных урн в форме ваз, установленных в нижних экседрах по правую и левую стороны от входа в центральный неф, дабы набрать в свои круглые кувшины воду, которая почиталась святой и которую можно было пить из тех же урн. Поговаривали также, что под мраморным полом Святой Софии находились заполненные водой резервуары, к которым посольскую делегацию так и не сводили³¹.

Рассматривая состояние интерьера, Реймерс с сожалением констатировал «всесокрушающую силу времени» и «частых землетрясений», при этом замечая, что гораздо больший вред зданию и его былой красоте «нанесли нынешние владельцы»³². В своём стремлении уничтожить христианские изображения «турки заштукатурили все внутренние стены храма до самого купола. Стены и даже медальон купола исписаны изречениями из Корана. Прежняя древняя прекрасная настенная

мозаика была замазана в основном белилами. И только в двух местах она оставалась открытой — на восточных парусах под главным куполом были видны мозаичные изображения двух ангелов³³, фигуры которых были покрыты херувимскими крыльями»³⁴.

Фон Реймерс сообщает, что безмятежные хождения «неверных» по дорогим коврам молельного зала сильно раздражали местных мусульман. Однако ничего поделать с этим было нельзя — безопасность жизней незваных гостей была защищена от любых посягательств и неприятностей высочайшим султанским фирманом.

Осмотрев молельный зал, Кутузов со свитой направился через притвор к лестнице без ступеней (рампе), чтобы подняться на верхние галереи второго яруса по добротному мощенному пологому пандусу, движение по которому вверх и вниз было плавным и лёгким. Если при взгляде снизу вверх на потолок и галереи церкви (автор часто называет Софийскую мечеть «церковью». — **Прим. авт.**) она вовсе не казалась высоченной, то с верхних галерей второго и третьего ярусов каждый попавший на них зритель ощущал её исполинскую высоту, превращавшую для них людей внизу в крошечные существа.

На пути к галереям свиту русского посла окружила группа местных турок, навязчиво предлагавших иноземным гостям приобрести их товары. Торговцы сбывали осколки смальты и тессеров, выбитые из мозаичных композиций на стенах церкви. Некоторые весьма привлекательные фрагменты смальты так прочно вросли в застывший цемент³⁵, что их никак не удавалось из него выковырять³⁶. Турки явно завышали стоимость предметов, назойливо убеждая потенциальных покупателей в адекватности назначенных ими цен. Почти каждый из посольской свиты выторговал себе что-то

из предложенного на память об этом незабываемом дне.

После встречи с местными торговцами Реймерс оставил саркастическую запись в своём дневнике: «То, чем так гордились турки, а именно мозаичной работой на стенах Джамие (соборной мечети. — **Прим. авт.**), со временем, вероятно, будет полностью уничтожено из-за алчности этой нации до денег»³⁷. Справедливости ради следует заметить, что спрос у европейских посетителей на памятные артефакты и рождал то самое предложение со стороны местных турок. Этот спрос и предложение, а также безразличное отношение служащих мечети к защите и спасению византийских артефактов от исчезновения как раз и наносили невосполнимый урон древнему храму Божьему, утрачивавшему свой первоначальный вид.

Бостанжи

Проходясь по хорам, Реймерс обратил внимание на ряд сильно покосившихся колонн. Причиной этого, как он предположил, стали сильные землетрясения, из-за которых даже пол одной из галерей, устланный мраморными плитами, «вздулся волнами»³⁸.

Некоторые из колонн на хорах, установленных в четырёх полукруглых экседрах верхних галерей, были высечены из редкой породы античного мрамора — тёмно-зеленого порфира («verde antico»). Их невзрачный покосившийся вид не произвёл должного впечатления на фон Реймерса, который даже

выразил сомнение в их античном происхождении. Они показались ему «столь же мало похожими на этот редчайший вид мрамора, как и те каменные глыбы, которые попадались на европейском берегу канала по пути из Константинополя в Буюкдере. Они имели тот же махаитовый цвет, что и колонны

в экседрах на хорах Свято-Софийского собора и использовались местным населением в качестве своеобразных пирсов для швартовки своих водных транспортных средств»³⁹.

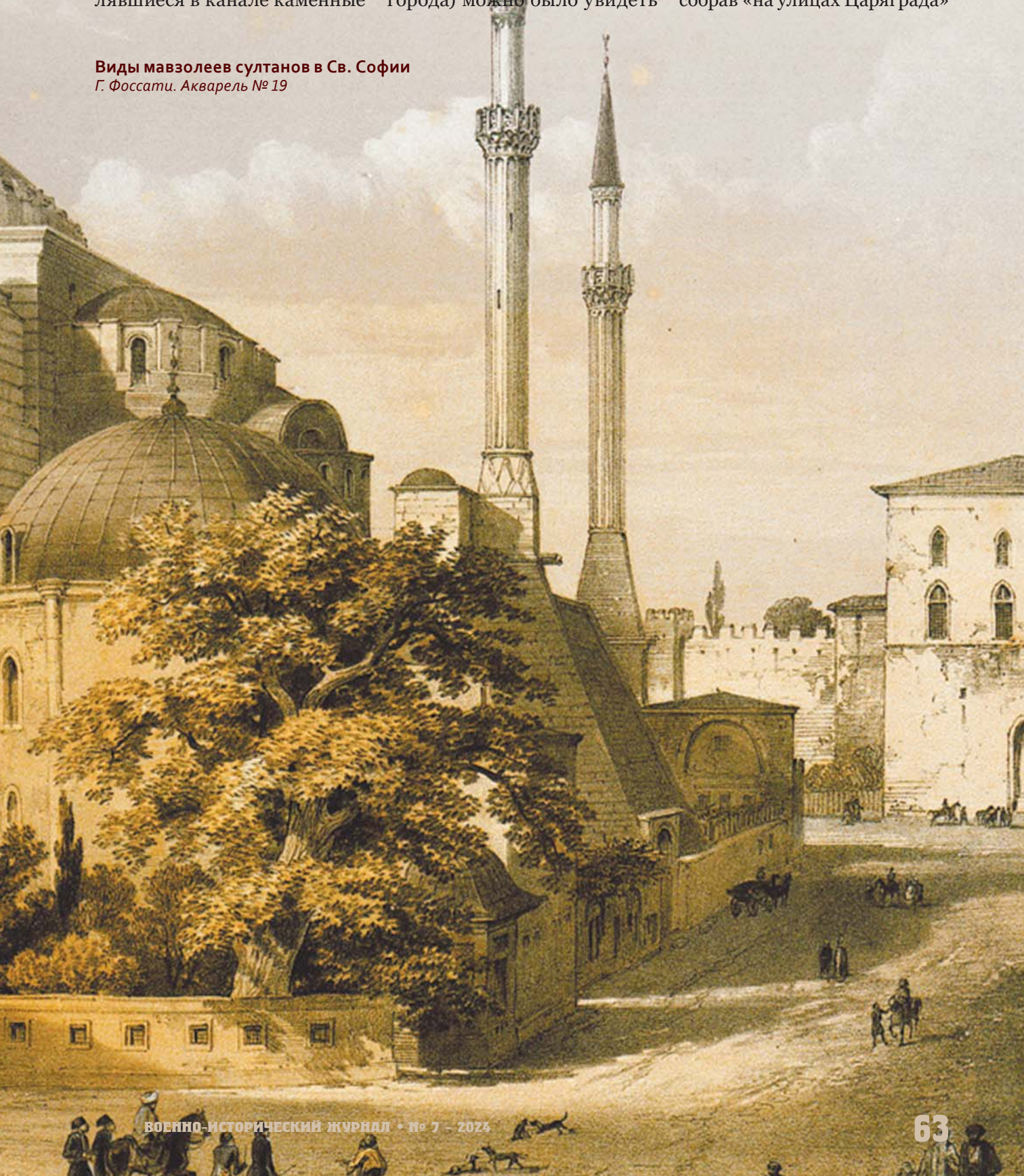
Скептицизм Реймерса был вполне объясним, так как ему казалось невероятным, что валявшиеся в канале каменные

глыбы могли быть высечены из той же ценной породы порфира, что и покосившиеся античные зелёные колонны на хорах Святой Софии. Между тем ещё в середине XIX века на улицах Константинополя и в его окрестностях (даже четыре века спустя после захвата османами этого города) можно было увидеть

сваленные в кучу бесхозные останки ценнейшего мрамора разрушенных дворцов, церквей и других строений римско-византийской эпохи. Именно такую находку полвека спустя обнаружил архитектор русской дипломатической миссии в Константинополе Гаспар Фоссати, собрав «на улицах Царяграда»

Виды мавзолеев султанов в Св. Софии

Г. Фоссати. Акварель № 19

несколько колонн из редких пород белого мрамора, «где они брошены были, как остовы, выглядывавшие из-под земли», которые затем он использовал в качестве опор для новой султанской ложи при капитальном ремонте Софийской мечети⁴⁰.

Продолжая осмотр галерей, фон Реймерс сообщает о посещении рядом с одной из них «таинственной темной комнаты, на стенах которой, потолке и над дверью были изображены фигурные фрески апостолов в натуральную величину»⁴¹. Живопись эта не была замазана белыми. Имевшая изображения многочисленных христианских святых, эта комната никак не

пострадала от турок и выглядела совершенно ими брошенной. Несколько сгнивших тростниковых циновок на полу источали неприятный запах⁴². Судя по всему, находившемуся на хорах фон Реймерсу удалось проникнуть через незапертую деревянную дверь в зоне первого гинекея в потаённое помещение, куда в 1847 году так же случайно попадёт учёный грек Оттон Вестиарис, а два года спустя церковный писатель А.Н. Муравьев назовет это помещение «царской молельной»⁴³.

На верхних галереях фон Реймерс смог разглядеть на потолке нефа «фигуры орлов и другие арабски», а также несколько

загадочных надписей на греческом языке, одна из которых гласила: «стоит 50 талантов». Что обозначала эта надпись, так и осталось загадкой для пытливого немца. В некоторых местах Софийской мечети он видел кресты и даже надпись на старогреческом: «Иисус Христос». Это дало ему повод предположить, что «турки преднамеренно не уничтожили все это, чтобы причинить боль и страдания потомкам прежних хозяев этой церкви от наличия того немногого, что они там оставили на месте, полагая, что теперь те уже более не являются хозяевами этого священного здания, которое находится сейчас во власти торжествующих врагов их религии»⁴⁴.

Покидая Софийский собор, фон Реймерс делает следующее неутешительное умозаключение, что Айя-София «больше пострадала от небрежения ее нынешних владельцев и от частых землетрясений нежели от древности; она выглядит настолько ветхой, что при повторном сильном землетрясении может быть полностью разрушена»⁴⁵.

Затем генерал со свитой посетил мечети Султан Ахмет и Султан Баязид. В благодарность за радушный приём, оказанный Кутузову со свитой в Айя-Софии и Султан Ахмете, обоим надзирателям (каим-баши) были посланы по одной шкурке «меха ласки» за 40 руб.⁴⁶

Описание Святой Софии фон Реймерсом содержит ряд любопытных наблюдений предметов и мест, которые, правда, не всегда можно обнаружить, в особенности после дальнейших реставрационных работ в мечети. Вместе с этим немало важных объектов (купол, алтарная часть, боковые нефы первого яруса) остались вне зоны его внимания. Этот недостаток во многом сумел компенсировать его товарищ, «видописец» в звании подпоручика Гавриил Сергеев, который был включён в состав чрезвычайного посольства Кутузова

Сулак, гвардеец падишаха

в качестве военного топографа «для снятия видов». Попав со свитой генерала в мечеть, Сергеев установил свой этюдник в самом удобном месте — на хорах третьего яруса западной галереи Айя-Софии, откуда открывался захватывающий вид на весь центральный неф с алтарной апсидой, в которой были расположены михраб⁴⁷ и султанская ложа слева от него.

Сергеев запечатлел то, как выглядел интерьер мечети Айя-София после реставрации по указу султана Махмуда I с середины XVIII века, когда падишах приказал заштукатурить все оставшиеся христианские изображения за исключением двух серафимов⁴⁸. «Видописец» с точностью, присущей глазу военного топографа, запечатлел результат усилий османских падишахов и мусульманского духовенства, полностью превративших внутренний вид и убранство Софии Константинопольской в соборную мечеть. Перекрашенные в мавританский стиль стены и своды, по сути, «загримировали» Святую Софию под Айя-Софию, практически ничем не отличавшуюся от других мечетей. Это и удалось запечатлеть Сергееву в цветном акварельном рисунке, в некоторых местах дополненном гуашью. Благодаря дневниковой записи фон Реймерса стала известна дата посещения Кутузовым Софийской мечети, а также день, когда Сергеев взялся за описываемый этюд.

Изображая массивный михраб в алтарной апсиде, Сергеев фиксирует по три больших канделябра с каждой его стороны (в настоящее время с каждой стороны стоит только по одному. — **Прим. авт.**). На левой стороне алтарной части художник нарисовал султанскую ложу на столбиках, вынесенную в алтарную часть ещё в правление Ахмеда III (1703—1730 гг.). Над этим павильоном, или трибуной, напоминавшей по форме гигантскую шкатулку, свешивался также «гаремный эркер», откуда на михраб в сто-

рону Мекки из своей молельни могли взирать и султанши: мать, жёны и сёстры падишаха. Эти два сооружения друг над другом были выполнены в едином оригинальном восточном стиле.

Гавриил Сергеев стал первым и, пожалуй, единственным из европейских живописцев, сумевшим раскрыть тайну арабского свитка в верхней части восточного полу свода мечети. Европейские художники никак не могли разобрать, что за непонятные арабески там красовались. Кто-то принимал их за свитки с изречениями из Корана, а кто-то просто напускал на это место солнечными лучами. И только Сергееву удалось зафиксировать изображение, в котором легко угадывается большая султанская тугра⁴⁹ с монограммой падишаха, в правление которого и был осуществлён ремонт Айя-Софии. Если на рисунках шведского офицера Корнелиуса Лооса (1710 г.) при султани Ахмеди III на том же самом полу своде тугра отсутствовала, то теперь можно с полным основанием предположить, что она появилась в правление его преемника падишаха Махмуда I (1730—1754 гг.), при котором Айя-София полностью обрела облик османской мечети.

В отличие от шведского военного инженера Лооса военному топографу Сергееву не удалось адекватно отобразить арабскую вязь на больших настенных квадратных щитах, висевших по периметру центрального нефа, поэтому вместо каллиграфической арабески он изобразил (как это делали до него и после другие «видописцы») какие-то неразборчивые закорючки, больше похожие на каракули⁵⁰. В форме основания большого купола Сергеев, правда, допустил три явные неточности, свидетельствующие скорее о его спешке и желании быстрее перейти от «небесного» к больше интересовавшим его «земным» деталям внизу, где в тот

момент находились посетители мечети. По рисунку видно, что время посещения мечети Кутузовым с посольством пришлось на период между намазами, и прапорщику Сергееву требовалось зафиксировать небольшое количество присутствовавших там людей.

Как на рисунках у француза Гийома Грело (1672 г.) и итальянца Доменико Пронти (1786 г.), на акварели Гавриила Сергеева на первом ярусе изображены люди: османские сановники, представители исламского духовенства, облачённые в традиционные османские одежды, халаты и чалмы. На минбаре⁵¹ стоит хатыб-проповедник, который поднимается на него только по окончании молитвы для проповеди перед рядами молящихся. Здесь же на рисунке мусульмане либо стоят и беседуют, либо отвешивают в пол поклоны (ракааты), стоя или сидя. Перед минбаром расположена ложа муэдзинов, из которой столбом валит табачный дым, — это служащие мечети в перерывах между намазами курят там свои трубки⁵². Когда приходит время коллективной молитвы, они занимают места на установленных вдоль стен молельного зала ложах, чтобы ретранслировать своими зычными голосами (вместо мегафонов. — **Прим. авт.**) и жестами слова и телодвижения стоящего перед михрабом имама по всему огромному залу, содействуя ему таким образом в обеспечении слаженного характера молящейся массы мусульман.

На хорах западной стороны мечети по бокам от себя художник изобразил пять мусульманок с лицами, закрытыми половиной белыми платками. Две из них, разувшись, совершают намаз.

Обращает на себя внимание один нюанс: Реймерс сообщает об огромной свите Кутузова с примкнувшими к нему европейскими дипломатами и гурьбе пробравшихся с ними в мечеть местных христиан.

Однако на картине Сергеева представлены исключительно турки-османы. Нетрудно догадаться, что даже в храме Божьем военный топограф помнил, что и там он нёс ратную службу. Если в Царьграде и его окрестностях Сергеев внимательным и острым глазом обнаруживал и фиксировал на бумаге военные объекты и морские причалы, то в Софийской соборной мечети он так же, как и на улицах Стамбула, и на столичных набережных, продолжал выполнять основную армейскую задачу — «снимать виды». Если Реймерс в ходе экскурсии по Софийской

мечети ухитрился пошагово замерять длину и ширину внутреннего помещения первого яруса, не обращая особого внимания на недобрые взгляды присутствовавших местных мусульман, то его товарищу по экспедиции надлежало изображать всё то, что выходило за рамки описаний русского немца. Сконцентрировавшись на максимально точном изображении интерьера Айя-Софии и её иноверных хозяев, Сергеев предпочёл «растворить в воздухе» своих многочисленных сослуживцев с начальником-генералом, европейских дипломатов и местных христиан как

не заслуживающих внимания военного «видописца».

Зато Гавриил Сергеев аккуратно выписывал османских военных из султанской гвардии (куда отбирались представители знатных турецких семей. — **Прим. авт.**), расположившихся на втором и третьем ярусах галерей Софийской мечети и зорко отслеживавших оттуда перемещения Кутуз-паши с его спутниками. Внимание рисовальщика, находившегося в «святая святых» падишаха, было сконцентрировано на элите османского войска — лейб-гвардейцах султана. Было известно, что с 1790 года османская армия стала постепенно перевооружаться и переходить на новое обмундирование и новые виды европейского вооружения. Первыми получали обновлённую военную форму гвардейцы падишаха. При этом янычары предпочитали носить ещё старые мундиры образца XVII века.

Султанская «контрразведка», зорко наблюдавшая за свитой Кутузова, была «на высоте» во всех смыслах этого слова — сверху (на третьем и втором ярусах галерей) просматривались все уголки центрального и боковых нефов, а значит, движение каждого «неверного-гяура» внизу легко контролировалось зоркими соглядатаями падишаха. Видно, как гвардейские командиры-баши в чине аги⁵³ на третьем ярусе мечети понятными военным жестами раздают команды своим подчинённым, разместившимся на южных и северных хорах второго яруса. Так Гавриил Сергеев как военный художник решает одновременно две задачи — художественную и боевую. Он рисует «Внутренний вид церкви Св. Софии», где выписывает образцы и цвет мундиров разных видов корпуса султанской гвардии: балтаджи (стража внутренних покоев султана)⁵⁴, бостанджи (стража внешних покоев падишаха), пейка (алебардщика), сулака (лучника-пехотинца) и

Внутренний вид церкви Св. Софии, 1793
Художник Г.С. Сергеев

хасеки (телохранителя падишаха). В результате рисунок Сергеева приобретает не только художественно-историческую ценность, но и военно-прикладную пользу, поскольку по его цветной акварели можно было знакомить рекрутов, солдат и офицеров русской армии с образцами мундиров наиболее вероятного противника — султанской лейб-гвардии конца XVIII века.

Таким образом, посещение Софийской мечети генералом Кутузовым во главе многочисленной делегации в литературном изложении Генриха фон Реймерса вкупе с изобразительной фиксацией Гавриилом Сергеевым этого важного для отечественной и турецкой историографии события придаёт описываемому сюжету эффект редкой художественно-визуальной полифонии, ещё глубже погружая читателя в ту историческую эпоху.

28 февраля 1794 года генерал Кутузов был удостоен «отпускной аудиенции» у султана, «которая на основании первой с соблюдением всех почестей дана была»⁵⁵. Высочайшая грамота к Екатерине II «положена была в серебряный глазетовый мешок, которую визирь, приняв от султана, отдал капудан-паше (командующему флотом. — Прим. авт.), а сей, поднеся, вручил Послу»⁵⁶. Императорский посол заверил падишаха в «миролюбивых чувстваваниях Великой Самодержицы Всероссийской» и намерении укреплять и впредь «узел согласия» на благо и пользу обоих народов, заключив свою речь словами: «Всегда превозносится буду случаем, подавшим славу представить Вашему Величеству особливые же ко мне Ваши Императорские милости пребудут в памяти моей вечно»⁵⁷.

2 марта Его Высокопревосходительство нанёс прощальный визит садразаму с полным соблюдением церемониала, как и при первой встрече. На следующий день первый драгоман посольства был послан

с подарками к разным чинам Порты, кто присутствовал на аудиенции у султана и при прощальном визите к садразаму⁵⁸.

15 марта 1794 года чрезвычайное посольство во главе с Кутузовым покинуло Константинополь и вернулось в Санкт-Петербург летом, потеряв в пути около полусотни человек, умерших от болезней либо оставших от посольства.

Михаил Илларионович полностью справился с возложенной на него императрицей миссией. После заключения Ясского мирного договора с Портой Кутузову удалось развернуть вектор развития отношений между Стамбулом и Петербургом в сторону сближения, создав предпосылки для первого оборонительного альянса между двумя императорскими дворами. В 1799 году в ответ на вторжение французских войск Исполнительной дирекции под командованием Наполеона Бонапарта в Египетский пашалык (провинцию Османской империи. — Прим. авт.) Селим III был вынужден призвать в союзники Павла I. Султан обратился к императору с просьбой командировать прославленного в морских сражениях против османского флота непобедимого адмирала Ушак-пашу (Ф.Ф. Ушакова) и поставить его во главе русско-османской эскадры в Средиземном море.

В ходе очередной Русско-османской войны (1806—1812 гг.), перед самым её окончанием в 1811 году, император Александр I назначил генерала от инфантерии М.И. Кутузова командующим русской Молдавской (Дунайской) армией в войне с Портой, затем произвёл его в графское достоинство, а после капитуляции османского войска (14 октября 1811 г.) под Рущуком император назначил Михаила Илларионовича главным уполномоченным от России на переговорах с Портой. По их завершении в Бухаресте 16 мая 1812 года фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов и садразам Ахмед-паша подписали

Бухарестский мирный трактат, который обезопасил юго-западные рубежи империи за месяц до вторжения армии Наполеона в Россию.

29 июля 1812 года, за 10 дней до назначения главнокомандующим всеми русскими армиями, генерал от инфантерии граф Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов был возведён, с нисходящим его потомством, в княжеское достоинство с титулом светлости, и в том же году 6 декабря генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Голенищеву-Кутузову было высочайше пожаловано наименование «Смоленский».

Этюды, привезённые Сергеевым из экспедиции в Османскую империю, послужили «изобразительным рядом» к отчётам посольства Кутузова. С них делались гравюры и копии; они были одобрены императорским двором.

Г.С. Сергеев преподнёс М.И. Кутузову «османские акварели», выполненные им в ходе длительной экспедиции 1793—1794 гг., среди которых был и акварельный рисунок «Внутренний вид церкви Св. Софии»⁵⁹.

В 1803 году в Санкт-Петербурге вышел трёхтомник надворного советника Генриха фон Реймерса с детальным описанием путешествия чрезвычайного посольства Кутузова из Петербурга в Константинополь и обратно. Автор включил в трёхтомник гравюры с шестью акварелями Г.С. Сергеева, которые М.И. Голенищев-Кутузов любезно предоставил Реймерсу при подготовке сочинения к изданию, которое полностью профинансировал император Александр I в память о своей великой августейшей бабушке.

В 1804 году Сергеев, как и его приятель по экспедиции фон Реймерс, вышел в отставку в чине надворного советника. Гавриил Сергеевич стал первым художником в России, писавшим виды Османской империи, Константинополя, Святой Софии и Египта. Его работы экспонируются в Го-

сударственном Русском музее, Государственном Эрмитаже, в Гатчинском дворце-музее и в Угличском государственном историко-архитектурном и художественном музее⁶⁰.

Подаренные Сергеевым Кутузову акварели находились в семейном архиве Голенищевых-Кутузовых. Дом светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского в Петербурге на набережной Невы по завещанию вдовы фельдмаршала унаследовал его внук К.Ф. Опочинин. После смерти Опочинина в 1848 году во время эпидемии холеры его вдова уехала с детьми в имение Шишкино в тридцати километрах от Углича, на

левом берегу Волги. Сюда были перевезены многие вещи из столичного дома, в том числе библиотека, картины, акварели и рисунки. В 1918 году значительная часть предметов была вывезена в Угличский музей, акварели до начала 2000-х годов оставались в фондах, потом прошли реставрацию во Всероссийском реставрационном центре имени И.Э. Грабаря, были опубликованы и представлены на нескольких выставках⁶¹.

Случайно попавшийся в Интернете рисунок Г.С. Сергеева «Внутренний вид церкви Св. Софии» из угличской коллекции «османских акварелей»

и дал толчок к поиску следов, связанных с интригующим эпизодом посещения Кутузовым Святой Софии Константинопольской.

Автор выражает благодарность директору Угличского музея Чвановой Наталье Викторовне и научному сотруднику экспозиционного отдела Кистеневой Светлане Владимировне за положительный отклик на обращение автора статьи и присланную в электронной версии копию акварели Г.С. Сергеева, а также разрешение использовать её для публикаций в научных работах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Высокая (также «Блистательная») Порты — османское правительство. Под «Портой Оттоманской» в Европе подразумевали также Османскую империю.

² Ясский мирный трактат — договор о мире, заключённый 29 декабря 1791 г. между Россией и Османской империей, положивший конец Русско-османской войне 1787—1791 гг. В силу этого трактата граница между двумя империями стала проходить по реке Днестр, Порты признала все завоевания России в Северном Причерноморье, подтверждала все условия Кайнарджийского трактата и, сверх того, уступала России крепость Очаков, территорию между Нижним Бугом и Днестром, где на побережье Чёрного моря вскоре был основан г. Одесса. Порты окончательно признавала Крым за Россией. Переговоры проходили в г. Яссы Молдавского княжества (ныне территория Румынии). Подписал договор от России А.А. Безбородко, бывший член Коллегии иностранных дел.

³ Якушев М.М. «Трактат вечного мира и дружбы». Эволюция российско-османских отношений конца XVIII века // Военно-исторический журнал. 2022. № 12. С. 16—27.

⁴ Молдавское княжество (воеводство) представляло собой провинцию Османской империи (осман. эйялет аль-Богдан). Его возглавлял господарь православного вероисповедания, утверждавшийся султаном и османским правительством.

⁵ **Самойлов Александр Николаевич** (1744—1814) — племянник князя Потёмкина-Таврического. После внезапной смерти Г.А. Потёмкина он был уполномочен вести переговоры с османами в Яссах до прибытия А.А. Безбородко. Самойлов привёз в Петербург известие об успешном окончании переговоров и заключении Ясского мира, чем заслужил высший российский орден Св. апостола Андрея Первозванного.

⁶ *Reimers. H. von. Reise der Russisch-Kaiserlichen Ausserordentlichen Gesandtschaft an die Othomanische Pforte im Jahr 1793. Drei theile: vertrauter Briefe eines Ehtlanders an einen seiner Freunde in Reval: mit Kupfern und einer Karte / St. Petersburg, 1803. Erster theil. P. 4 (Реймерс Г., фон. Путешествие Русского Императорского Чрезвычайного Посольства в Порту Оттоманскую в 1793 г. В 3-х частях: собрание писем одного эстляндца к своему другу в Ревеле: с гравюрами и картой / СПб., 1803. Часть 1. С. 4).*

⁷ Там же. С. 12.

⁸ **Реймерс (также Раймерс) Генрих Христиан фон, он же Реймерс Андрей Алексеевич; Реймерс Генрих Крисгоф (Кристиан) фон** (родился в 1768 г. в Ревеле, умер в 1812 г. в Петербурге). Как секретарь-переводчик при Коллегии иностранных дел Российской империи входил в состав чрезвычайного посольства генерал-лейтенанта Михаила Голенищева-Кутузова в Османскую империю в 1793—1794 гг. Плодовитый писатель, но как историк малоизвестный. Саксонского двора камер-юнкер, надворный советник Российской империи. Автор книги «Санкт-Петербург в конце своего первого столетия» (1805), которая была переведена с немецкого только в наши дни и издана на русском языке в 2007 г. Затем вышла книга на русском языке «Санктпетербургская адресная книга на 1809 год», СПб., 1809.

⁹ *Реймерс Г., фон.* Указ. соч. Часть 1. С. 12.

¹⁰ Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног Русской монархии...». Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8. С. 42—49.

¹¹ *Шляпникова Е.А.* «Границы теперешние обещают покой России...». Присо-

единение Крыма к России в 1783 году // Там же. 2015. № 3. С. 43—46.

¹² *Гребенщикова Г.А.* «Слава русскому оружию — на суше и на море». К 235-летию начала Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. // Там же. 2022. № 8. С. 4—19.

¹³ **Сергеев Гавриил (Гаврило, Гаврила) Сергеевич** (1765/1766—1816). Русский художник-акварелист. В 1793 г. в звании подпоручика (армейского прапорщика) был включён в состав чрезвычайного посольства Кутузова «для снятия видов».

¹⁴ Великий, он же Первый драгоман — официальная должность высокопоставленного дипломатического чиновника из числа греков-мирян, представлявших всю православную общину-миллет Османской империи — табакерку в составе чрезвычайного посольства Кутузова («толмач»; фр. dragoman).

¹⁵ Великий сеньор — почтительное наименование османского султана европейцами.

¹⁶ *Реймерс Г., фон.* Указ. соч. Часть 1. С. 64.

¹⁷ Если прежнему послу князю Н.В. Репнину выделялось на содержание 400 пиастров, то Кутузов получил 600 пиастров и дорогие подарки от великого визиря — табакерку с алмазами, кофейную чашку, украшенную алмазами и другими драгоценными камнями, а также «девять кусков богатых парчей», которые, как заметил отец пяти дочерей Кутузов, выбраны «с таким еще вниманием, что каждого цвета стало на женское европейское платье». Не менее ценные подарки чрезвычайному послу были направлены в Пере и от падишаха.

¹⁸ *Реймерс Г., фон.* Указ. соч. Часть 2. С. 65, 66.

¹⁹ Эгрет, или эгретка, также султан (фр. aigrette — «султан», также «перо»)

— украшение для шляп, главная особенность которого заключалась в вертикально закреплённом птичьем перье.

²⁰ Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 1. С. 14.

²¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). 1793—1794 гг. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. Д. 777. Л. 380, 524.

²² Баронесса фон Кнобельсдорф, по словам Реймерса, «самая красивая и любезная дама в Пере» (Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 1. С. 169).

²³ **Кнобельсдорф Фридрих Вильгельм фон (Knobelsdorf Friedrich Wilhelm von)** — барон, прусский министр (посланник. — Прим. авт.) в Константинополе (1790—1803 гг.). Был женат на дочери посла Генеральных штатов (Нидерландов) барона ван Дедема де Гельдера (Dedem de Gilder), аккредитованного при Порте (1785—1808 гг. с перерывами).

²⁴ Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 2. С. 118.

²⁵ Виды Софийской мечети в акварелях Гаспара Фоссати, изданных им в 1852 г. в Лондоне живописным альбомом «Айя София Константинопольская, недавно отреставрированная по приказу султана Абдул Меджида» (Fossati, Gaspard. Aya Sofia, Constantinople, as recently restored by order of H.M. the sultan Abdul Medjid / from the original drawings by Chevalier Gaspard Fossati; lithographed by Louis Haghe, esq. Discription Historique de Planches de Ste. Sophie by Adalbert de Beaumont. London. 1852. Planches № 17, 19, 25). Акварель № 17, 19, 25.

²⁶ Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 2. С. 119.

²⁷ Чауш (тур. çavuş) — в Османской империи придворный служащий султанского дворца, гонец или посыльный.

²⁸ Папуши — домашняя мягкая обувь без задника, обычно изготавливавшаяся из жёлтого сафьяна.

²⁹ Род сафьяновых получулков, которые европейские посетители надевали при входе в мечети на свою обувь. Турки же, наоборот, надевали на домашние мешты туфли или сапоги, которые оставляли у порога, оставаясь в своих получулках (Базили К.М. Очерки Константинополя. М.: Индрик, 2006. С. 223).

³⁰ Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 2. С. 119.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 120.

³³ В XVIII в. на восточных парусах (пандативах) сохранились лишь мозаичные изображения двух серафимов.

³⁴ Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 2. С. 120, 121.

³⁵ Реймерс сообщает, что этот цемент был изготовлен из извести и пуццолановой глины, подобной той, что используется до сих пор мозаичистами в Риме и Флоренции для придания долговечности маленьким кусочкам мрамора или стекла.

³⁶ Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 2. С. 123.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Муравьёв А.Н. Письма с Востока (с 1849 по 1850 г.). Ч. I. М.: Ихтиос, 2005. С. 20.

⁴¹ Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 2. С. 123, 124.

⁴² Там же. С. 124.

⁴³ Сейчас это помещение называется «комнатой священника», оно недоступно для посетителей.

⁴⁴ Реймерс Г., фон. Указ. соч. Часть 2. С. 121.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ АВПРИ. «Сношения России с Турцией». Л. 380.

⁴⁷ Михраб (араб.) — молитвенная ниша в стене мечети, обращённая в сторо-

ну киблы (в направлении Мекки), куда устремляют свои взоры мусульмане во время намаза и проповеди.

⁴⁸ На пандативах собора изначально располагались четыре фигурных мозаичных изображения ангелов-серафимов. Ангелы на западных парусах были утрачены ещё до 1453 г.

⁴⁹ Тугра — каллиграфическая монограмма, печать или автограф султана.

⁵⁰ Два оставшихся панно с именами Хасана и Хусейна художник никак не мог изобразить, поскольку они были закрыты от его взора.

⁵¹ Минбар или мимбар — кафедра или трибуна в соборной мечети, с которой имам читает пятничную проповедь.

⁵² Эта распространённая османская традиция курения трубок в Святой Софии, в других мечетях и даже в церквях (когда туда приходили османские чиновники) сохранилась до закрытия мечети Айя-София в 1931 г.

⁵³ Титул ага соответствовал армейскому чину капитана.

⁵⁴ Балтаджи — название происходит от слова «балта» — топор, а его обладатель, балтаджи, первоначально служил топорником или дровосеком.

⁵⁵ АВПРИ. «Сношения России с Турцией». Л. 525 об., 526.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Кистенева С.В. Гавриил Сергеев. Виды Стамбула 1793—1794 гг. в собрании Угличского музея. Academia. 2022. № 2. С. 164—174.

⁶⁰ Капарулина О.А. Оригинал или копия? К вопросу об атрибуции акварелей и рисунков Г.С. Сергеева // «Мощно, велико ты было, столетие!». СПб., 2014. С. 300—309.

⁶¹ Кистенева С.В. Указ. соч.

M.I. Yakushev

«GENERAL KUTUZOV WAS RECEIVED WITH GREAT HONORS AND GREATER COURTESY...»

Ambassador M.I. Kutuzov's visit to the Church of the Holy Wisdom in 1793
(as described by H. von Reimers and G.S. Sergeev)

Information about author. Mikhail Yakushev — general director of the Katechon Analytical Center, senior researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: mikhail.yakushev@tsgg.ru).

Summary. The famous journey of M.I. Kutuzov from St. Petersburg to Constantinople in 1793—1794 at the head of a large extraordinary embassy has long been known to Russian historiography. This expedition is connected with many episodes that took place directly in the Ottoman capital and are based, in addition to diplomatic archival reports, mainly on oral stories, rumors, specially invented anecdotes.

Published in St. Petersburg in 1803, the three-volume book by Heinrich von Reimers, secretary-translator and member of that diplomatic expedition, gives the most complete and reliable picture of the fulfillment of the mission entrusted by Empress Catherine II to Lieutenant-General Kutuzov. Paradoxically, this important historical source, never translated into Russian, is still terra incognita. In volume 2 of the work, von Reimers describes Kutuzov's visit to the Church of the Holy Wisdom.

The Uglich State Historical-Architectural and Art Museum has a collection of «Ottoman watercolors» by military topographer Gavrill Sergeev, which he gave to Mikhail Kutuzov, and which were kept in the Golenishchev-Kutuzov family archive, and then by fate ended up in the Uglich Museum. Among them is the drawing «Interior View of the Church of the Holy Wisdom» (St. Sophia's Church), in which Sergeev depicted the interior of the church on the day when Kutuzov visited it with his entourage, artistically complementing the subject described by von Reimers.

Keywords: extraordinary embassy to the Ottoman Empire in 1793—1794; M.I. Kutuzov; Heinrich von Reimers; G.S. Sergeev; St. Sophia; mosque; church.

«ТРЕБОВАНИЯ ПРОСИТЕЛЕЙ УДОВЛЕТВОРЯЮТСЯ ПО ВОЗМОЖНОСТИ НЕМЕДЛЕННО...»

Особая канцелярия для приема просителей и разбора просьб
на имя военного министра в 1864—1917 гг.

Сведения об авторах. Белоусова Наталья Валентиновна — начальник Управления Министерства обороны Российской Федерации по работе с обращениями граждан (общественной приёмной Министра обороны Российской Федерации), государственный советник Российской Федерации 1 класса (Москва. E-mail: belnatali@list.ru);

Михайлов Андрей Александрович — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: dragun66@mail.ru).

Аннотация. В статье рассмотрены история создания и различные аспекты деятельности Особой канцелярии для приема просителей и разбора просьб на имя военного министра в 1864—1917 гг., представлены портреты её отдельных руководителей, описывается структура взаимодействия с другими учреждениями Военного министерства и с гражданскими ведомствами. На основании анализа отчётов на имя военного министра приводятся полные статистические данные по количеству обращений и затронутым в них вопросам, показаны характерные примеры оказания конкретной помощи просителям.

Ключевые слова: Военное министерство; Канцелярия для приема просителей и разбора просьб на имя военного министра; Комиссия по распределению пособий; Инспекторский департамент Военного министерства; Главный штаб; Главная императорская квартира; помощь военнослужащим; работа с прошениями военнослужащих; Д.А. Милютин; А.Д. Крылов; Н.П. Брок.

Процесс развития государства неразрывно связан с совершенствованием учреждений, имеющих целью осуществлять обратную связь между населением и властью. Сказанное в полной мере относится к органам военного управления. «Генеральный регламент», разработанный в правление Петра I, устанавливал определённый порядок приёма коллегиями прошений от челобитчиков¹. Среди прочего он запрещал их президентам принимать прошения в частном порядке и где-либо, кроме помещения коллегии². Каждая коллегия (в т. ч. Воинская) рассматривала прошения только в пределах своей компетенции. В том случае если в документе содержалась особо важная информация, она сообщалась в Сенат или самому

монарху. Непосредственно приёмом прошений в каждой коллегии ведала её канцелярия. В 1720 году одновременно с принятием «Генерального регламента» при Сенате была учреждена должность особого чиновника («персоны знатной») для приёма челобитных, подававшихся монарху, а также апелляций на решения коллегий³. При этом подавать сенатскому чиновнику прошение, которое могло быть рассмотрено в коллегии, строго воспрещалось⁴.

При реорганизации центрального управления и замене коллегий системой министерств в сентябре 1802 года было учреждено Министерство военных сухопутных сил. При этом Александр I предписал министру (первым эту должность занял С.К. Вязмитинов)

в определённые дни лично принимать просителей⁵. В 1808 году Министерство военных сухопутных сил было переименовано в Военное министерство⁶. Согласно штатам, утверждённым императором в январе 1812 года, оно включало семь департаментов (Инспекторский, Артиллерийский, Инженерный, Провиантский и др.) и Общую канцелярию. В ведении Инспекторско-

Вполне закономерно, что поток просьб, поступавших в Инспекторский департамент, был очень велик. Служившие в нём лица далеко не всегда успевали достаточно быстро с ними разобраться. В 1822 году Александр I издал именной указ, в котором отмечалось, что в Инспекторский департамент поступают «просьбы и прошения, существо коих ни мало не относится до его обязанностей, и, затрудняя действия его, причиняют излишнюю переписку»⁸. Далее следовал перечень просьб, которые запрещалось направлять в Инспекторский департамент, и указывалось куда именно просителям нужно обращаться. Например, гражданским лицам, имевшим претензии к военным служащим, следовало направлять прошения губернаторам, а те уже сносились с командующими армиями или командирами отдельных корпусов⁹.

Многие просители полагали, что обратиться непосредственно в министерство (или к самому министру) гораздо надёжнее. Назревала потребность в создании особого структурного подразделения, которое ведало бы приёмом прошений от населения и военным служащим, их предварительным рассмотрением и распределением по учреждениям, призванным решать соответствующие проблемы. Однако данная задача была выполнена только 1860-е годы, в период кардинальных реформ, которые проводились под руководством военного министра Д.А. Милютин и затронули

практически все стороны жизни вооружённых сил.

Приказом по Военному министерству № 2 от 4 марта 1864 года при Инспекторском департаменте была учреждена Канцелярия для приема просителей и разбора просьб на имя военного министра¹⁰ (далее — Канцелярия). Её первым управляющим с 16 марта того же года стал действительный статский советник Александр Дмитриевич Крылов (1821—1887)¹¹, имевший солидный стаж административной работы. Начав службу в 1839 году мел-

го департамента среди многих разнообразных вопросов находились жалобы гражданских учреждений и лиц на военных, «рассмотрение просьб о назначении инвалидного содержания», прошения о пенсиях сиротам и вдовам военным служащим и др.⁷ Рассылкой документов, включая ответы на прошения, занималась Канцелярия Военного министерства.

ким чиновником, своей энергией и распорядительностью он смог быстро обратить на себя внимание начальства. В 1848 году А.Д. Крылова зачислили в штат Военно-походной канцелярии Е.И.В. по морской части (позже — по флоту). В период Крымской войны 1853—1856 гг. в связи с упразднением этого учреждения¹² он перевёлся на должность директора канцелярии главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму князя А.С. Меншикова. По воспоминаниям адъютанта главнокомандующего

Д.А. Милютин

А.А. Панаева, «когда Крылов несколько управился с делами, то князь, имея надобность <...> в способном человеке, пользовался усердием Крылова, давал ему письменные поручения. Тем удобнее князю было заниматься с Крыловым, что он уже работал с ним ранее в Петербурге, как со старшим чиновником военно-походной по флоту канцелярии...»¹³. Панаев сообщает также, что Александр

Дмитриевич постоянно поддерживал деловую переписку с великим князем Константином Николаевичем, стоявшим в то время во главе военно-морского ведомства, причём часть этой корреспонденции была напечатана в журнале «Морской сборник».

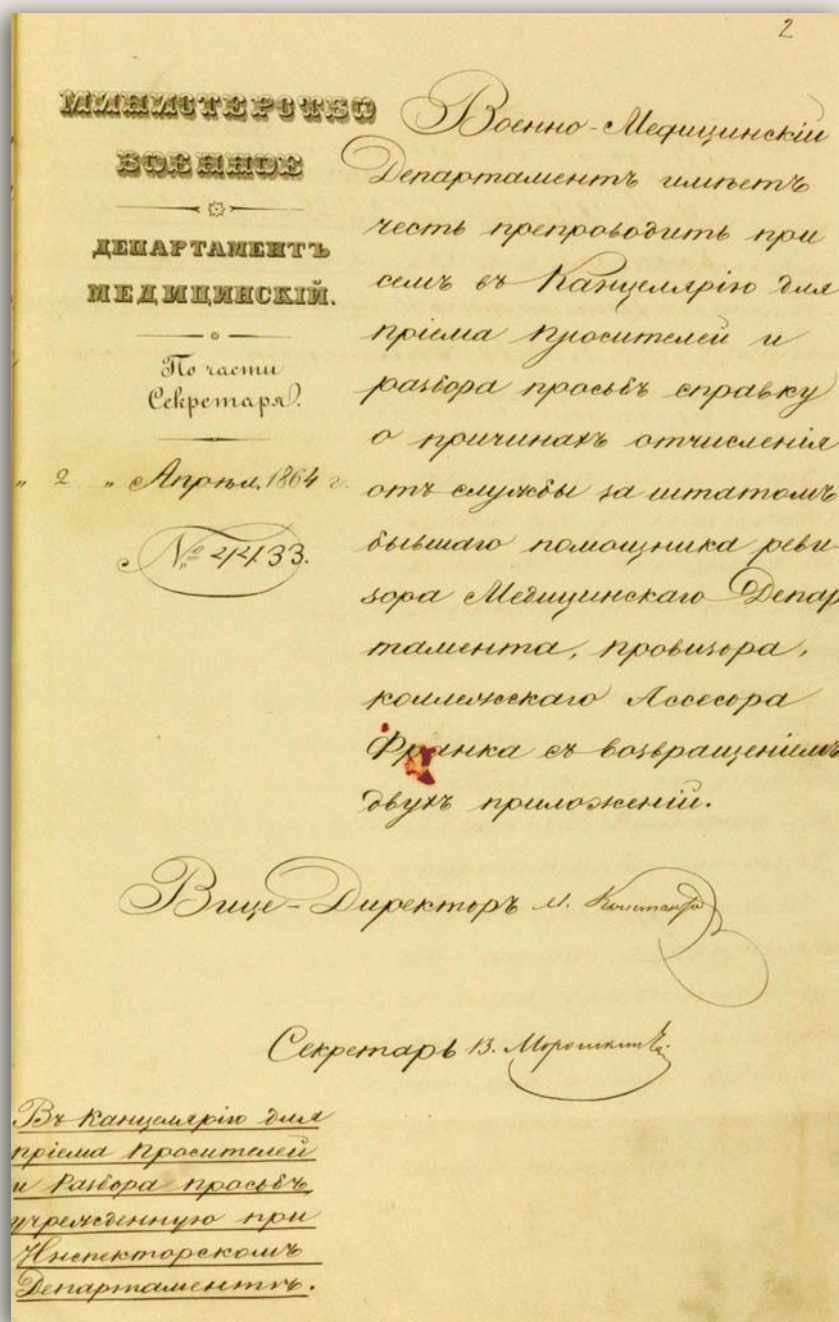
По окончании Крымской войны А.Д. Крылов был назначен «состоять по военному министерству». В данном статусе он

неоднократно выполнял важные поручения военных министров: сначала Н.О. Сухозанета, а с 1861 года Д.А. Милютина. Александр Дмитриевич составил ряд докладных записок: о реорганизации военного и гражданского управления на юге страны, в том числе о военных поселениях в южных губерниях; о преобразовании военного управления на Кавказе; о добыче антрацита и виноделии в Области Войска Донского и др.

Таким образом, во главе Канцелярии для приёма просителей и разбора просьб встал опытный и энергичный администратор. В её руководящий состав также вошёл ротмистр лейб-гвардии гусарского полка Николай Петрович Брок (1839—1919)¹⁴, которому предстояло в 1868 году сменить Крылова на его посту. Н.П. Брок приходился сыном П.Ф. Броку (в 1852—1858 гг. — министр финансов Российской империи). Образование он получил в Пажеском корпусе, служил в гвардейской кавалерии. В начале 1860 года был назначен «состоять для особых поручений» при главнокомандующем Кавказской армией князе А.И. Барятинском, в октябре 1862 года занял должность адъютанта военного министра Д.А. Милютина.

Канцелярии предстояло работать в тесном взаимодействии с учреждённой в то же время Комиссией для распределения пособий при Военном министерстве под председательством генерал-лейтенанта князя Н.С. Голицына. В рамках проводившейся военной реформы в 1865 году Инспекторский департамент Военного министерства (при котором состояла Канцелярия) был слит с Департаментом Генерального штаба в одно учреждение — Главный штаб (начальник — генерал от инфантерии Ф.Л. Гейден)¹⁵. Сама канцелярия в этой связи стала именоваться Особой (далее — Особая канцелярия).

В 1869 году император Александр II утвердил новое «Положение о Военном министерстве», согласно которому Главный

Отношение Медицинского департамента в Канцелярию для приема просителей и разбора просьб на имя военного министра

1864 г.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 1.

штаб вошёл в состав Военного министерства, а его начальник стал подчиняться военному министру¹⁶. Теперь функции, которые ранее исполнял Инспекторский департамент, оказались распределены между несколькими отделениями Главного штаба (в частности, пенсиями и пособиями для отставных офицеров и классных чиновников ведало 6-е отделение Главного штаба)¹⁷. С этими отделениями Главного штаба Особая канцелярия поддерживала постоянные контакты.

Уже в первые годы существования Канцелярии прошений на имя военного министра (так её кратко именовали современники) пришлось вести очень напряжённую работу. В «Отчетной записке» о её деятельности за 1867 год А.Д. Крылов сообщал Д.А. Милютину: «Канцелярия, как и в предшествовавшие годы, была занята разбором и распределением подаваемых Вашему Превосходительству просьб, а также приемом просителей и сообщением им необходимых справок и указаний. На ней лежало и все делопроизводство по Комиссии для распределения пособий, как то: собрание необходимых сведений о просителях, а иногда и личное их посещение; составление ведомостей и исполнительная часть, за исключением ассигновок. Канцелярия была удостоиваема также поручениями Вашего Высочайшего Превосходительства, которые состояли: в передаче приказаний Ваших разным Управлениям Министерства и в составлении проектов сношений»¹⁸.

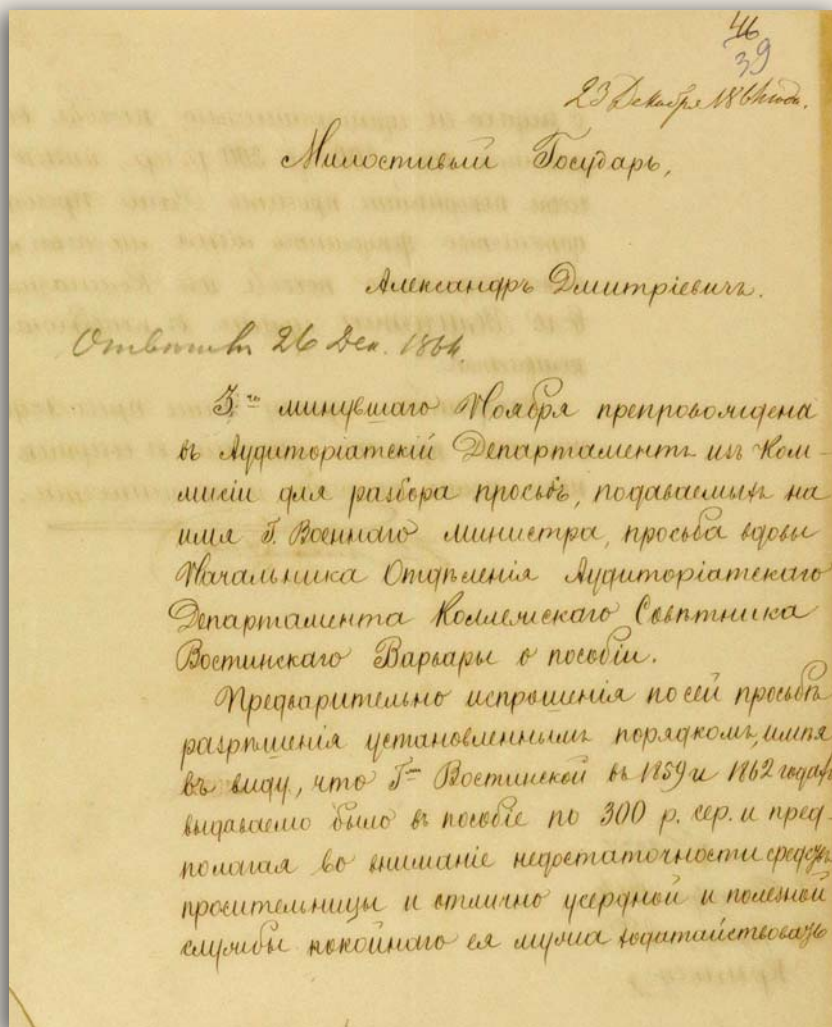
Важнейшую задачу Особой канцелярии её руководители видели в том, чтобы отсеивать прошения, которые были вовсе необоснованны или не требовали вмешательства министра. Поэтому они считали положительным показателем уменьшение числа прошений, которые шли непосредственно «в руки» первого лица. В отчёте за 1867 год А.Д. Крылов писал: «Постоянное с каждым годом уменьшение количества просьб

представляет весьма утешительный факт, свидетельствующий о небесполезной деятельности Канцелярии. <...> требования просителей удовлетворяются по возможности немедленно, многим из них объясняется незаконность и неисполнимость их просьб, через что устраняется бесполезная их подача...»¹⁹.

Большое значение придавалось наблюдению за движением просьб от министра и принятым по ним решениям. В отчёте за 1867 год отмечалось: «...Подробные объяснения большинству просителей о ходе дел по данным от них просьбам устраняют вторичную подачу просьб»²⁰. С целью обеспечения исполнительного контроля приказом от 4 марта 1864 года устанавливалось право Канцелярии

требовать от инстанций возвращения реестра «с отметками делопроизводителей о том, что сделано по просьбам». Более того, она могла «в случае долгого невозвращения реестров повторять свои требования» и доводить до сведения министра, «не остаются ли просьбы без движения»²¹. При этом в отчёте за 1867 год А.Д. Крылов счёл необходимым отметить: «Канцелярия с величайшей осторожностью пользовалась этим правом и, ни разу не нарушив отношений и не возбуждая неудовольствия, достигла указанной цели»²². Тем не менее в отдельных случаях задержки с возвращением реестров всё же случались.

Судя по отчётам Особой канцелярии, уже в первые годы её деятельности число поступа-

Прошение Варвары Востинской
РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 1.

Н.П. Брок

О.Б. Рихтер

Н.Ф. Гейден

ших прошений было достаточно велико. Так, в 1866 году она получила на рассмотрение 9060 дел, в 1867-м — 6445, в 1868-м — 6836. Значительная часть их касалась денежных пособий. В 1866 году таковых было 2412 дел (26,6 проц.), в 1867 году — 1932 дела (30 проц.)²³. Однако сотрудники Особой канцелярии не только работали с бумагами, но и вели непосредственный приём просителей, а это зачастую оказывалось делом непростым. А.Д. Крылов сообщал Д.А. Милютину в 1867 году: «Одна из обязанностей, наиболее представлявших труда, заключалась в ежедневном личном объяснении с просителями. Для успешного исполнения этой обязанности недостаточно одной доброй воли, здесь необходимы: терпение и навык. Но как бы ни было велико желание исполнить требование и как бы ни было горячо сочувствие к их положению, едва ли возможно избежать недовольных. Канцелярия, однако, нисколько не уклонялась от исполнения возложенных на нее обязанностей и может удостоверить, что делала все, чтобы утвердить в просителях убеждения, что просьбы их не остаются без должного и законного рассмотрения и законного исполнения»²⁴.

Даже самый беглый обзор сохранившихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) документов Особой канцелярии позволяет сделать вывод, что её сотрудникам часто приходилось иметь дело с просьбами людей, действительно остро нуждавшихся в помощи. И эта помощь в большинстве случаев оказывалась. В частности, нередко лицам, попавшим в сложное материальное положение, по рекомендации Особой канцелярии выплачивалось единовременное пособие из казны или «собственных средств» императора. Так, в декабре 1864 года Аудиторский департамент Военного министерства направил на имя А.Д. Крылова отношение, в котором сообщал, что при-

нято решение ходатайствовать о выплате единовременного пособия вдове начальника отделения этого департамента Варваре Востинской²⁵. При этом чиновники департамента подчеркнули: Востинская в 1859 и 1862 гг. уже получала пособие в сумме 300 руб. серебром, но, «предполагая во внимание недостаточность средств просительницы и отлично усердной и полезной службы покойного ее мужа»²⁶, возможна выплата нового пособия в 200 или 300 руб.²⁷

В конце января 1865 года в Особую канцелярию поступило письмо, адресованное непосредственно А.Д. Крылову, от генерала К.Л. Монтрезора, который ходатайствовал об оказании помощи вдове подполковника Винклера²⁸. Генерал сообщал: госпожа Винклер получает пенсии всего 6 руб. в месяц, но, будучи женщиной пожилой, страдающей «слабостью ног» и плохим зрением, «не может снискивать себе пропитание своими трудами»²⁹. Особая канцелярия действовала весьма оперативно. Уже 19 февраля она известила К.Л. Монтрезора, что император назначил вдове единовременное пособие в сумме 80 руб. серебром³⁰.

Некоторые просители, стремясь добиться благоприятного для них заключения Особой канцелярии, писали прошения очень эмоциональным, далёким от официального стилем. Супруга 72-летнего инвалида Софья Мессинг не только рассказала, что муж её получил ранения ещё во время Отечественной войны 1812 года и затем в 1856 году, но включила в прошение похвалы Крылову. «...Вы, — утверждала она, — составляете число добрых людей! А величие ведь Создателя более всего знаменует в добрых людях, одаренных подобно Вам благородною душою, в них чисто, светло отражается образ и подобие души Мира...»³¹. Прошение С. Мессинг о вспомоществовании было удовлетворено: ей выплатили единовременное пособие в 500 руб.

Нередким явлением были прошения об устройстве на службу. Так, в январе 1865 года непосредственно к военному министру Д.А. Милютину обратился Василий Сергеевич Глинка, сын участника Отечественной войны 1812 года, публициста и писателя С.Н. Глинки (1775—1847). Он сообщал, что некогда оставил службу из-за болезни, но теперь поправился, очень нуждается в средствах и хотел бы получить должность³². Характерно, что в первых строках просьбы В.С. Глинка подчеркнул надежду именно на министра, на его душевные качества. «Зная благородство чувств Ваших, — писал он, — я решил без рекомендации и протекции обратиться к Вашему Высокопревосходительству...»³³. К просьбе Глинка приложил записку с биографией и описанием заслуг своего отца. Эти документы согласно действовавшим правилам попали в руки Крылова, который действовал энергично. Уже через пять дней просителя при-

гласили в Особую канцелярию для «объяснения по просьбе»³⁴.

Иногда в Особую канцелярию поступали необоснованные жалобы и просьбы, а просители оказывались лицами, мягко говоря, небезупречными. В начале 1864 года поступило прошение бывшего помощника провизора, коллежского асессора Франка, который был отчислен «за штат», т. е. лишён должности в военно-медицинском ведомстве. Особая канцелярия запросила Медицинский департамент Военного министерства о причинах отчисления. Из ответа, подписанного вице-директором Медицинского департамента М. Костандой, следовало, что отчисление за штат ещё очень мягкое наказание для Франка, который не только «признавался менее полезным для службы», но и «своими неблагонадежными поступками сделался известен Департаменту, как чиновник неблагонадежный и в нравственном отношении»³⁵. Среди

прочего, на него ещё в 1861 году жаловался «ревельский бюргер» Нюренберг. Оборотистый медик взял у него 550 руб., пообещав исходатайствовать привилегию на открытие аптеки в г. Пскове. Обязательства он не выполнил, но и деньги возвращать отказался. Вполне закономерно, что о восстановлении обманщика в должности не могло быть и речи.

Д.А. Милютин высоко оценивал деятельность Особой канцелярии: это видно из собственноручных пометок министра на её ежегодных отчётах. Так, на полях отчёта за 1867 год он выразил благодарность А.Д. Крылову и его сотрудникам «за успешный ход дел особой канцелярии и за труды их»³⁶.

В мае 1869 года управляющим Особой канцелярией стал Н.П. Брок (одновременно он был назначен чиновником V класса для особых поручений при военном министре). А.Д. Крылов в то же время получил назначение в Главный военно-ко-

Здание Главного штаба
Вторая половина XIX в.

дификационный комитет при Военном совете, а затем, с 1872 года, состоял членом Главного военного суда.

Как и его предшественник, Н.П. Брок считал важнейшей задачей разъяснять просителям их права, помогать им направить прошения по нужному адресу. В отчёте за 1869 год он подчёркивал, что служащие Особой канцелярии обязаны (и стараются) давать «указания, как именно должны быть изложены законные просьбы», предупреждать просителей «не смешивать в одной и той же просьбе совершенно разнородных предметов». По его мнению, такая работа способствовала «скорейшему удовлетворению нужд просителей»³⁷.

Уже в первый год руководства Особой канцелярией Н.П. Брок заслужил одобрение военного министра. На отчёте за 1869 год Д.А. Милютин написал: «Искренно благодарю полковника Брока за успешный ход дел в особой канцелярии и в особенности за его заботливость о нуждах просителей»³⁸. Министр также попросил выразить благодарность делопроизводителю Канцелярии И.К. Собривско-

му³⁹. Положительные отзывы о деятельности этой структуры неоднократно давал председатель Комиссии по распределению пособий Н.С. Голицын. Например, в своём отчёте за 1873 год он отмечал, что Особая канцелярия исправно собирает справки обо всех претендентах на пособие, и хотя на её служащих ложится очень большая нагрузка, «случаев замедления, а тем более упущения вовсе не было замечено»⁴⁰.

Между тем количество поступивших просьб и различных обращений год от года росло. Если в 1869 году в Особую канцелярию поступили 6638 просьб, то в 1872 году — 7905⁴¹. После введения в 1874 году всеобщей воинской повинности увеличилась численность вооружённых сил, что привело к ещё большему росту числа обращений и нагрузки на канцелярских сотрудников⁴².

В 1875 году на место Н.П. Брока, получившего в командование лейб-гвардии Московский полк, был назначен полковник, князь Николай Николаевич Трубецкой, ранее состоявший при военном министре чиновником для особых поручений VI класса

(с 1874 г. был членом Комиссии по распределению пособий)⁴³. Во главе Особой канцелярии он оставался до февраля 1886 года, когда получил назначение на высокую должность минского губернатора. В начале 1876 года сменился и председатель Комиссии по распределению пособий: вместо находившегося в преклонных летах Н.С. Голицына был назначен генерал-лейтенант Л.П. Батюшков. Однако через два года последний скончался, и его сменил генерал-лейтенант Пётр Иванович Мезенцов⁴⁴, экс-директор 2-го Московского кадетского (1864—1871) и Пажеского (1871—1878) корпусов.

Повседневная работа Особой канцелярии нашла наиболее наглядное отражение в её ежегодных отчётах военному министру⁴⁵. В них виден постоянный рост поступивших прошений, что продемонстрировано в таблице 1. Если в 1875 году было принято 8351 прошение, то через десять лет, в 1885 году, поступило 10 619 прошений. В отчётах все они разделены на три категории: 1) прошения о назначении пособий, поступавшие от генералов, офицеров, чиновников, их вдов, сирот, род-

Таблица 1

Число прошений, находившихся в Особой канцелярии для приема просителей и разбора просьб, подаваемых на имя военного министра (1875—1885 гг.)

Категория прошений	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.
О пособиях от отставных генералов, офицеров, чиновников, их вдов, сирот	3641	3706	3204	2743	3140	4504	5014	5286	6494	5240	5368
От вдов и сирот нижних чинов	1291	1418	1558	1403	1492	1493	1358	1524	1890	1645	1646
«По разным предметам»	3419	3482	2734	3238	3377	4174	3969	3756	4836	3538	3605
В связи с коронацией									5824		
Всего	8351	8606	7496	7384	8009	10 171	10 341	10 566	19 044	10 423	10 619

Составлена по: РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 25. Л. 3—6, 18—22, 50—53, 57—60, 70—73 об., 92—95, 99—101 об., 106—108, 115—117, 123—129.

ственников; 2) прошения от вдов и сирот нижних чинов; 3) прошения «по разным предметам». Кроме того, иногда выделялась группа прошений, поступивших в связи с какими-либо экстраординарными событиями. Например, в 1883 году поступило 5824 прошения (помимо трёх указанных категорий) в связи с коронацией императора Александра III.

Самыми многочисленными неизменно были прошения от генералов, офицеров и членов их семей о назначении пособий. Так, в 1875 году таких поступило 3641 ед. при общем числе 8351, т. е. примерно 44 проц. В 1879 году они составили 39 проц. от общего числа (3140 из 8009); в 1885 году — 50,6 проц. (5368 из 10 619). Прогонения данной категории Особая канцелярия после предварительной обработки, снабдив комментариями,

передавала в Комиссию по распределению пособий.

Прогонения от вдов и сирот нижних чинов, напротив, были относительно малочисленными. В 1875 году они составили около 15 проц. от всех поступивших (1291 прошение), в 1879 году — около 19 проц. (1492), в 1885 году — 15 проц. (1646). Причина такой картины заключалась не в том, что родственники нижних чинов редко нуждались в помощи. Просто их прошения чаще проходили через другие учреждения, непосредственно к военному министру данная категория обращалась редко. Речь шла в основном о небольших разовых пособиях, и Особой канцелярии зачастую удавалось добиться положительного решения собственными силами, без долгой переписки с различными ведомствами.

В третью группу входили прошения «по разным пред-

метам». В 1875 году они составляли 41 проц. (3419 прошений), в 1879 году — 42 проц. (3377), в 1885 году — 34 проц. (3605). Эта группа доставляла служащим Особой канцелярии больше всего затруднений и хлопот, т. к. в них содержались самые разнообразные материалы: просьбы, жалобы, предложения по различным вопросам военного дела и государственной жизни и др. Каждое из них следовало разобрать и переслать по назначению в то или иное военное или гражданское учреждение.

Анализ сведений о том, в какие именно учреждения Особая канцелярия пересылала прошения «по разным предметам», показывает, что ей приходилось поддерживать контакты со многими структурами. Интенсивность таких контактов была, конечно, неодинакова (см. табл. 2). В большинстве

Таблица 2

Рассылка прошений «по разным предметам» Особой канцелярии для приема просителей и разбора просьб, подаваемых на имя военного министра, по военным учреждениям (1875—1881 гг.)

Год	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881
Поступило прошений «по разным предметам»	3419	3482	2734	3238	3377	4174	3969
Разослано прошений «по разным предметам»							
Всего в военные учреждения	3304	3422	2665	3147	3274	4030	3838
Главный штаб	2153	2402	1911	2264	2389	2848	2757
Канцелярия Военного министерства	21	10	14	9	11	32	31
Главное артиллерийское управление	117	118	84	113	146	139	110
Главное инженерное управление	70	75	45	79	65	78	75
Главное интендантское управление	168	164	115	135	156	189	234
Главное управление военно-учебных заведений	157	101	92	119	98	122	118
Главное управление иррегулярных (казачьих) войск	226	154	122	106	122	134	88
Главное военно-медицинское управление	83	116	88	122	107	184	152
Медико-хирургическая академия	—	11	—	—	—	—	—
Главное военно-судное управление	208	216	179	170	135	227	152
Комитет о раненых	101	55	15	30	45	77	53
Временная комиссия для окончания счетов и дел действующей армии	—	—	—	—	—	—	68
В «сторонние» учреждения	66	29	42	48	64	55	60
Исполнены Канцелярией (не разосланы)	49	31	27	43	39	89	71

случаев адресатами были военные учреждения, прежде всего Главный штаб. Так, в 1875 году в Главный штаб были пересланы 2153 из 3419 прошений «по разным предметам» (63 проц.), в 1879 году — 2389 из 3377 (71 проц.), в 1881 году — 2757 из 3969 (69 проц.). Данное положение дел представляется вполне закономерным. Главный штаб решал многочисленные и разнообразные задачи, а среди прочего принял на себя и функции Инспекторского департамента. Вместе с тем Особая канцелярия постоянно направляла прошения практически во все главные управления Военного министерства.

Отдельный интерес представляют данные о пересылке Особой канцелярией прошений в сторонние (т. е. не военные) учреждения (см. табл. 3). Здесь среди адресатов первенство принадлежит Министерству внутренних дел (видимо, в силу

обширности круга вопросов, находившихся в его компетенции). Иногда переданные прошения исчислялись буквально единицами (если сфера деятельности учреждений-адресатов лежала очень далеко от нужд военнослужащих). Например, в Министерство иностранных дел Канцелярия за 10 лет переслала всего два дела.

С воцарением Александра III произошли как кадровые перемены (военное ведомство, в частности, возглавил генерал-лейтенант П.С. Ванновский), так и организационные изменения в структуре управления империей. В июне 1884 года была упразднена Комиссия прошений, подаваемых на Высочайшее имя при Государственном совете. Её функции перешли к Канцелярии по принятию прошений, которая создавалась при Главной императорской квартире, входившей в состав Военного министерства⁴⁶. Командующим

Главной императорской квартирой с 1881 года состоял генерал от кавалерии О.Б. Рихтер, а начальником Канцелярии по принятию прошений на имя императора стал тайный советник И.С. Мамонтов, гражданский чиновник, который, однако, имел опыт службы в военном ведомстве (в Главном управлении военно-учебных заведений).

Таким образом, сложилась ситуация, при которой в составе Военного министерства одновременно действовали учреждения по приёму прошений на имя императора и на имя военного министра. Естественно, нередко им было необходимо взаимодействовать: к примеру, прошение, поданное императору, если оно исходило от военнослужащего или членов его семьи, вполне могло быть перенаправлено военному министру. По данным 1887 года, в Особую канцелярию прошений на имя военного

Таблица 3

Рассылка прошений «по разным предметам» Особой канцелярии для приема просителей и разбора просьб, подаваемых на имя военного министра, в «сторонние» учреждения (1875—1881 гг.)

Год	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881
Разослано прошений «по разным предметам»							
Всего в «сторонние» учреждения	66	29	42	48	64	55	60
Министерство внутренних дел	27	15	23	21	40	30	38
Министерство юстиции	22	8	12	19	13	11	11
Министерство финансов	9	1	1	1	1	1	1
Министерство Императорского Двора	2	1	—	—	—	4	—
Министерство государственных имуществ	—	2	1	3	1	2	3
Министерство иностранных дел	1	—	—	—	1	—	—
Морское министерство	2	1	5	3	6	4	3
Министерство путей сообщения	2	—	—	—	—	2	—
Шефу жандармов	1	1	—	1	2	—	—
Прокурору Св. Синода	—	—	—	—	—	1	—
Статс-секретарю для приёма прошений на Высочайшее имя	—	—	—	—	—	—	2
Главное управление Красного Креста							2

министра было переслано 1155 дел из Канцелярии прошений, подаваемых на Высочайшее имя. В 1888 году были переданы 919 таких дел⁴⁷.

Интересно, что А.Д. Крылов негативно отнёсся к передаче службы по принятию прошений на имя императора в ведение Главной императорской квартиры. Он также выступил против новых правил их рассмотрения, за что получил резкий выговор от военного министра П.С. Ванновского. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранилось письмо А.Д. Крылова к великому князю Константину Николаевичу, в котором он эмоционально жалуется на сложившуюся ситуацию⁴⁸.

Канцелярия по принятию прошений на Высочайшее имя при Главной императорской квартире просуществовала до 1895 года, когда её заменили самостоятельной Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высо-

чайшее имя приносимых. Данное учреждение носило сугубо гражданский характер.

В марте 1884 года Особая канцелярия по принятию прошений на имя военного министра и Комиссия по распределению пособий отметили своё 20-летие. В связи с этим сотрудники данных учреждений составили краткий исторический обзор их деятельности, который был утверждён П.И. Мезенцовым⁴⁹. Из Особой канцелярии в Варшаву было направлено поздравительное послание Н.П. Броку. Тот ответил телеграммой с тёплой благодарностью, написав в заключение, что будет молить Бога, дабы и дальше успешно шла работа, направленная «на утешение страждущих, нуждающихся, жаждущих теплого справедливого в них участия»⁵⁰.

В феврале 1886 года управляющим Особой канцелярией был назначен генерал-майор Н.А. Боровков. Он принимал участие в Русско-турецкой войне

1877—1878 гг., а по окончании боевых действий возглавлял Комиссию для проверки отчётов и квитанций Товарищества по продовольствию армии. Занимаясь выявлением всяческих злоупотреблений, допущенных поставщиками, подрядчиками и интендантами, Н.А. Боровков проявил незаурядную энергию и принципиальность, но, как следствие, нажил и немало врагов. Позже в мемуарах он с большой горечью вспоминал об испытаниях, которым подвергся при исполнении обязанностей⁵¹. О службе в Особой канцелярии отзывался довольно мрачно, сетовал, что далеко не всегда был в состоянии помочь просителям⁵². Н.А. Боровков оставался на этом посту до июня 1890 года, после чего был произведён в генерал-лейтенанты и зачислен в запас по кавалерии.

В последующие 10 лет (1890—1900 гг.) во главе Особой канцелярии сменились два управляющих. Непосредственным преемником Н.А. Боров-

Император Пётр принимает просителей в Летнем саду в Петербурге

Художник В. Новодворский, 1904—1914 гг.

кова стал генерал-лейтенант Т.В. Веймарн, но он оставался на этом посту недолго. В мае 1893 года его сменил генерал-майор граф Н.Ф. Гейден⁵³, ранее занимавший должности адъютанта военного министра (1878—1886) и чиновника для особых поручений V класса при военном министре. Стоит также отметить, что Н.Ф. Гейден приходился сыном генералу от инфантерии Ф.Л. Гейдену, который в 1865—1881 гг. служил начальником Главного штаба.

В 1901 году было принято решение полностью сосредоточить распределение пособий в руках лиц, ведавших просьбами на имя министра. Два учреждения — Комиссия для распределения пособий и Особая канцелярия для приема просителей и разбора просьб — формально оставались самостоятельными, но имели абсолютно одинаковый руководящий состав: управляющий генерал-майор Н.Ф. Гейден и два гражданских чиновника З.В. Поликарпович и Ф.А. Аржанный⁵⁴. Размещались Комиссия и Канцелярия в одном здании Главного штаба (Дворцовая площадь, д. 10).

Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. и в первые послевоенные годы поток прошений, обращённых к военному министру, значительно вырос. Если в 1902 году в Особую канцелярию поступило 12 218 прошений, то в 1904-м — 14 443, в 1905 году — 14 194⁵⁵. В 1907 году Канцелярия получила 18 486 прошений⁵⁶. О пособиях ходатайствовали раненные на полях сражений офицеры и солдаты, родственники инвалидов и погибших. Особой канцелярии приходилось вести

активную переписку с различными учреждениями по данным вопросам⁵⁷.

Следует отметить, что в начале XX века, несмотря на существование структуры, призванной специально заниматься просьбами на имя военного министра, многие просители стремились обратиться к нему лично. В связи с этим А.Ф. Редигер, возглавлявший оборонное ведомство в 1905—1909 гг., раз в неделю находился в Канцелярии министерства и принимал посетителей. В своих мемуарах он описал эту процедуру и отметил, что просьбы о пособиях «передавались тут же генералу графу Гейдену, ведавшему в то время этим делом»⁵⁸.

В конце 1909 года управляющим Особой канцелярией был назначен генерал-майор Ф.А. Лидерс-Веймарн⁵⁹. Оба учреждения сменили к тому времени адрес, но размещены были по-прежнему вместе, в доме № 87 по Екатерининскому каналу⁶⁰.

В июле 1911 года император Николай II подписал положение о Главном штабе. Среди прочих подразделений в его состав включалась Особая канцелярия для приема просителей и разбора просьб⁶¹. Таким образом, структура, предназначенная принимать и систематизировать просьбы, обращённые к министру, непосредственно подчинялась начальнику Главного штаба. Незадолго до начала Первой мировой войны штат Особой канцелярии был расширен: учредили должность помощника управляющего, которую занял генерал-майор А.Р. фон Кнорринг⁶².

В 1911 году на рассмотрении в Особой канцелярии находилось 16 018 прошений, в 1912-м — 15 104, в 1913 году — 17 196⁶³. Показательно, что нередко число прошений «по разным предметам» стало превышать число прошений о пособиях. Следовательно, Особой канцелярии приходилось сталкиваться со всё более разнообразными проблемами, координировать деятельность с различными гражданскими и военными учреждениями. Всё это требовало хорошего знания законов, административных талантов и известной бюрократической гибкости.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война выдвинула военным учреждениям новые непростые требования: теперь приходилось решать задачи, связанные с помощью фронтовикам и членам их семей. Над этим работал и назначенный в конце августа 1915 года новый управляющий делами Особой канцелярии генерал-майор Н.И. Каменев.

Революционные события 1917 года привели к слому существовавшей системы государственных учреждений. Однако и новая власть стала быстро налаживать связи между государственными учреждениями и населением. В январе 1918 года приказом народного комиссара по военным делам была преобразована система центральных учреждений военного ведомства. Особая канцелярия для приема и разбора просьб, подававшихся на имя военного министра, была упразднена, её дела переданы в канцелярию Народного комиссара по военным делам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. VI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 3534. С. 148—150.

² Там же. С. 148.

³ Там же. № 3643. С. 238—240.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Там же. Т. XXVII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 20406. С. 248.

⁶ Там же. Т. XXX. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 23111. С. 343.

⁷ Там же. Т. XXXII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Импера-

торского Величества Канцелярии, 1830. № 24971 С. 26, 28.

⁸ Там же. Т. XXXVIII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 29032. С. 192.

⁹ Там же. С. 192.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 247. Оп. 2. Д. 31. Л. 1—5.

¹¹ Там же. Ф. 400. Оп. 26. Д. 1. Л. 14, 39, 58 и др.; Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 10-е мая 1877 г. СПб.: тип. Правительствующего сената, 1877. С. 304.

¹² ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXX. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1856. № 29092. С. 187.

¹³ Панаев А.А. Князь Александр Сергеевич Меншиков: 1853—1869: рассказы А.А. Панаева. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1877. С. 126.

¹⁴ Фрейман О.Р. Пажи за 183 года (1711—1894): биографии бывших пажей с портретами. Фридрихсгамн: Тип. акц. о-ва, 1894. С. 515; Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1910 г. Ч. 3. СПб.: Военная типография, 1910. С. 2.

¹⁵ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XL. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. № 42845. С. 401—403.

¹⁶ Там же. Т. XLV. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. № 46611. С. 2.

¹⁷ Там же. С. 14—15.

¹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 2. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 1 об., 2.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же. Л. 1 об., 3, 23, 23 об.

²⁴ Там же. Л. 2, 2 об.

²⁵ Там же. Д. 1. Л. 39.

²⁶ Николай Андреевич Востинской скончался в марте 1858 г. См.: Саитов В.И. Петербургский некрополь. Т. 1. (А — Г). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. С. 495.

²⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 1. Л. 39.

²⁸ Там же. Л. 70.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 71.

³¹ Там же. Л. 15.

³² Там же. Л. 61, 61 об.

³³ Там же. Л. 61.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 3.

³⁶ Там же. Д. 2. Л. 1.

³⁷ Там же. Л. 32.

³⁸ Там же. Л. 24.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 53.

⁴¹ Там же. Л. 23—24, 43, 43 об.

⁴² Там же. Д. 5. Л. 4.

⁴³ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1898 г. СПб.: Военная типография, 1898. С. 254; Столетие Военного министерства. Т. III. Отд. 5. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по Канцелярии Военного министерства с 1802 г. до 1902 г. включительно. СПб.: Типография Товарищества М.О. Вольф, 1909. С. 852.

⁴⁴ Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 июня 1883 г. СПб.: Военная типография, 1883. С. 278.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 25. Л. 3—6, 18—22, 50—53, 57—60, 70—73 об., 92—95, 99—101 об., 106—108, 115—117, 123—129.

⁴⁶ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1887. № 2305. С. 350, 351.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 25. Л. 137 об., 143 об.

⁴⁸ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 396. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 25. Л. 150—155 об.

⁵⁰ Там же. Л. 156.

⁵¹ Боровков Н.А. Из прошлого. Воспоминания и наблюдения за полвека. СПб.: Тип. и лит. В.В. Комарова, 1901. С. 107—109.

⁵² Там же. С. 110.

⁵³ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1901 г. СПб.: Военная типография, 1901. С. 946; Столетие Военного министерства. Т. III. Отд. 5. С. 628.

⁵⁴ Весь Петербург. Адресная книга города С.-Петербурга на 1901 г. СПб.: издание А.С. Суворина, 1901. Стб. 93, 98; Весь Петербург. Адресная книга города С.-Петербурга на 1903 г. СПб.: издание А.С. Суворина, 1903. Стб. 96, 101.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 25. Л. 222, 222 об., 226, 226 об.

⁵⁶ Там же. Л. 229 об., 230.

⁵⁷ Там же. Д. 23. Л. 5—11 и др.

⁵⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни: воспоминания военного министра в 2 т. Т. 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. С. 440.

⁵⁹ Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. Пг.: Военная типография, 1914. С. 316.

⁶⁰ Весь Петербург. Адресная книга города С.-Петербурга на 1911 г. СПб.: издание А.С. Суворина, 1911. Стб. 102, 106, 107.

⁶¹ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXXI. СПб.: Гос. тип., 1914. № 35681. С. 583.

⁶² Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. С. 581.

⁶³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 26. Д. 23. Л. 245 об., 249 об., 253 об.

N.V. Belousova, A.A. Mikhaylov

«THE DEMANDS OF THE PETITIONERS WILL BE MET AS SOON AS POSSIBLE...»

Special Office for receiving petitioners and sorting out requests to the secretary of war, 1864—1917

Information about authors. Natalya Belousova — Head of the Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation for work with citizens' complaints (public reception office of the Minister of Defense of the Russian Federation), State Counsellor of the Russian Federation, 1st class (Moscow. E-mail: belnatali@list.ru);

Andrey Mikhaylov — Researcher at the Research Institute (Military History), the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: dragun66@mail.ru).

Summary. The paper deals with the history of the establishment and various aspects of the activities of the Special Chancellery for Receiving Petitioners and Processing Requests to the Minister of War in 1864—1917, presents portraits of its individual leaders, and describes the structure of its interaction with other institutions of the Ministry of War and with civilian agencies. On the basis of an analysis of the reports addressed to the Minister of War, complete statistical data on the number of petitions and the issues raised in them are given, and characteristic examples of specific assistance to petitioners are shown.

Keywords: Military Ministry; Office for receiving petitioners and sorting out requests to the Minister of War; Commission for the distribution of allowances; Inspection Department of the Ministry of War; General Staff; Main Imperial Apartment; assistance to servicemen; work with petitions of servicemen; D.A. Milyutin; A.D. Krylov; N.P. Brok.

«СДВИГ-3» — УНИКАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

О проведении в СССР испытания агрегатов БЖРК на стойкость к воздействию ядерного взрыва (27 февраля 1991 г.)

Сведения об авторе. Толочко Александр Валентинович — преподаватель кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, полковник запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: zvezdny68@mail.ru).

Аннотация. Целью настоящей статьи является обобщение сведений о проведении испытания «Сдвиг» воинскими частями 53-го Научно-исследовательского испытательного полигона МО СССР (г. Мирный Архангельской обл.). В 1962 году руководством Министерства обороны СССР было принято решение о проведении испытания объектов Ракетных войск на стойкость к поражающим факторам ядерного взрыва. Имитация одного из них — воздушной ударной волны — осуществлялась путём подрыва большого количества обычного взрывчатого вещества. В 1990 году в малонаселённом районе Архангельской области было подготовлено место для проведения испытания агрегатов боевого железнодорожного ракетного комплекса (БЖРК). Проведение испытания стало возможным только после решения ряда экологических проблем, «успокоения» общественного мнения Архангельской области и местных «зелёных». 27 февраля 1991 года агрегаты БЖРК были подвергнуты воздействию воздушной ударной волны большой мощности, которая не привела к их выходу из строя.

Ключевые слова: операция «Сдвиг-3»; испытания; воздушная ударная волна; боевой железнодорожный ракетный комплекс (БЖРК); И.И. Олейник; МБР 15Ж61; А.И. Громогласов; В.И. Селиверстов; противотанковые мины ТМ-57; Ю.П. Максимов.

Военно-политическое руководство Советского Союза, а затем Российской Федерации всегда заявляло о том, что наше государство будет применять ядерное оружие только в ответ на применение такового против него¹. Из этого следовало, что пуски наших межконтинентальных баллистических ракет (далее — МБР) будут проводиться только тогда, когда МБР США уже будут запущены, но их головные части (далее — ГЧ) ещё не достигнут нашей территории, либо когда ГЧ МБР противника уже достигнут нашей территории. В последнем случае при нанесении нами ответного ракетно-ядерного удара противнику должно быть нанесено гарантированное поражение.

Последнее обстоятельство обусловило повышенную требовательность к надёжности нашего ракетно-ядерного оружия, в т.ч. и после воздействия на него про-

тивника. Поэтому Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) всегда принципиально относились к стойкости своих объектов к поражающим факторам ядерного взрыва. Ещё в апреле 1962 года заместителем председателя Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам генералом армии Д.Ф. Устиновым были утверждены положения доклада, в котором указывалось на необходимость проверки объектов РВСН «путём подрыва ядерного заряда с эквивалентом 5—10 кт, а не тротильных зарядов весом 1000 тонн. Последние желательны в качестве дополнительного опыта»². Однако после заключения в 1963 году «Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой»³ такие испытания стали возможны только посредством подрыва тротильных зарядов.

Эти испытания (крупномасштабные эксперименты) получили общее название «Сдвиг». В их ходе проверялась стойкость объектов РВСН к одному из основных поражающих факторов ядерного взрыва — воздушной ударной волне, которая формировалась после подрыва большого количества взрывчатого вещества⁴:

— в 1965 году были подвергнуты испытанию более 100 объектов шахтного ракетного комплекса (шахтная пусковая установка с ракетой, командный пункт, хранилище компонентов жидкого ракетного топлива и т.д.) при взрыве 1152-тонного заряда взрывчатых веществ (операция «Сдвиг»)⁵;

— в 1985 году были подвергнуты испытанию агрегаты подвижного грунтового ракетного комплекса «Тополь» при взрыве 740 т взрывчатых веществ (операция «Сдвиг-2»)⁶.

Проведённые эксперименты позволили доработать объекты, агрегаты и системы уже стоявших на вооружении РВСН боевых ракетных комплексов (шахтного и подвижного грунтового базирования) и уточнить

расчётные методики для создания ракетных комплексов следующих поколений.

В декабре 1987 года на базе 53-го Научно-испытательного полигона МО СССР (далее — Полигон) были завершены лётно-конструкторские испытания боевого железнодорожного ракетного комплекса (БЖРК) 15П961 с МБР 15Ж61 (по классификации НАТО SS-24 Mod 3 Scalpel (Скальпель)).

БЖРК был создан конструкторским бюро «Южное» (г. Днепрпетровск) и был уникальным, не имевшим аналогов в мире ракетным комплексом. Он состоял из трёх 3-вагонных пусковых модулей (в каждом — вагон-электростанция, вагон с ракетой и вагон — пункт управления пуском), 3-вагонного командного модуля (командный пункт, передающий радиопункт и вагон-электростанция) и бытовой зоны (вагон автономного запаса, вагон-столовая, вагон офицерского состава, вагон рядового состава). Часть вагонов была внешне схожа с вагонами-рефрижераторами, часть — с пассажирскими. В качестве тяговой силы использовались тепловозы М62.

При нахождении на маршруте боевого патрулирования (несколько тысяч километров для каждого из полков) БЖРК был неуязвим для средств технической разведки противника и мог проводить пуски ракет почти с любой его точки.

Тактико-технические характеристики МБР 15Ж61 и в настоящее время вполне удовлетворительные: дальность стрельбы 10 тыс. км; головная часть — разделяющаяся с индивидуальным наведением каждого из десяти боевых блоков; круговое вероятное отклонение — 500 м⁷.

БЖРК был принят на вооружение в ноябре 1989 года. К этому времени часть комплексов была уже поставлена на боевое дежурство⁸.

Для завершения программы (утверждённой генеральным конструктором комплекса и Министерством среднего машиностроения) необходимо было провести ещё ряд испытаний, в т.ч. и на стойкость к воздушной ударной волне.

Большая часть сведений о проведении этого испытания опубликована представителями РВСН⁹ и военно-промышленного комплекса¹⁰. Однако, приводи-

Пусковой модуль БЖРК: тепловоз ДМ-62, вагон-электростанция (система отвода и закорачивания контактной сети поднята), вагон с ракетой, вагон — пункт управления пуском

мая ими информация зачастую однобока и противоречива. Поэтому цель данной работы — рассмотреть проведение испытания «Сдвиг-3» воинскими частями Полигона с учётом открытых документов и неопубликованных свидетельств непосредственных его участников.

Местом проведения испытания был выбран позиционный район Полигона, а временем проведения — вторая половина 1990 года.

Выбор места для испытания был неслучайным: там с 1983 года проводились лётно-конструкторские испытания БЖРК, для этого имелась экспериментальная испытательная база и там же дислоцировались испытательные формирования.

Организацию и техническое руководство проведением испытания осуществляло 4-е Испытательное управление Полигона (далее — Управление). Непосредственно испытание проводилось 297-й отдельной инженерно-испытательной частью (далее — Часть). По своему предназначению Часть была уникальной и единственной в Вооружённых силах СССР. Она была создана в июле 1982 года для проведения испытаний перспективных ракетных комплек-

сов железнодорожного базирования.

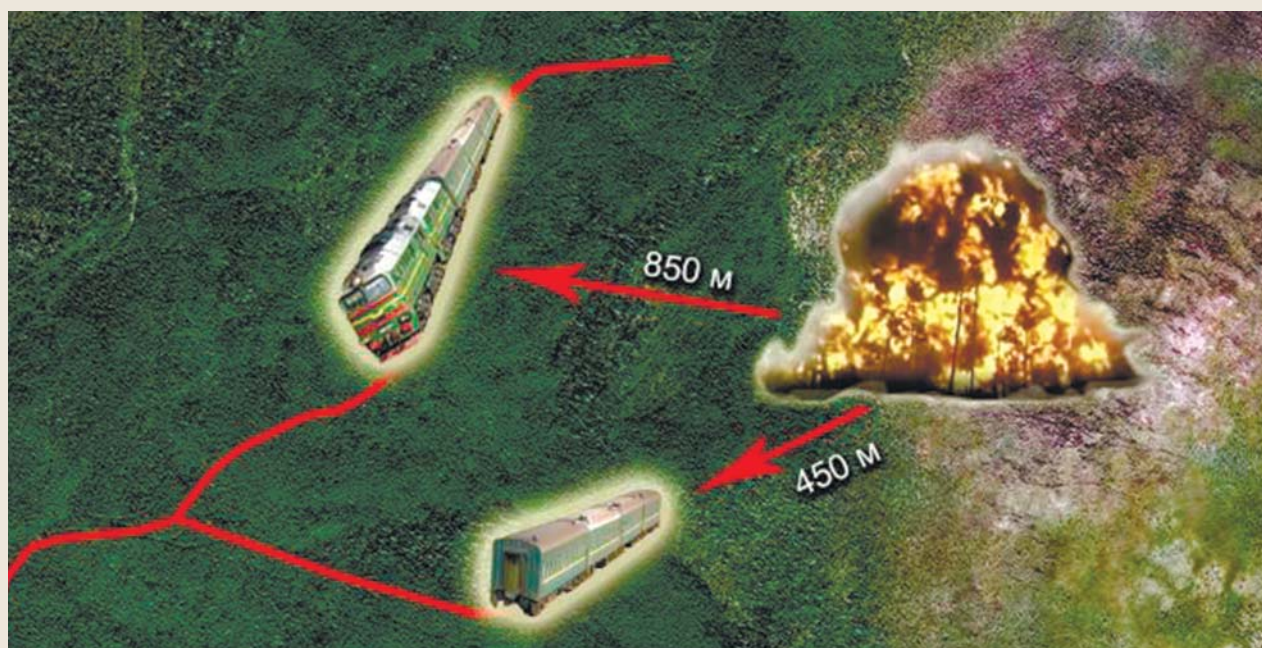
В ходе лётно-конструкторских испытаний БЖРК Частью под техническим руководством Управления были проведены 30 пусков МБР, осуществлены 18 выходов на ресурсные и транспортные испытания, в ходе которых по железным дорогам были пройдены около 400 тыс. км. Испытания проводились в различных климатических зонах: от Салехарда на севере до Чарджоу на юге, от Череповца на западе и до Читы на востоке¹¹. Основным вооружением Части были агрегаты БЖРК, аналогичные находившимся на боевом дежурстве в ракетных полках¹².

Необходимо отметить, что командование Полигона было категорически против проведения этого испытания. Начальник Полигона генерал-лейтенант И.И. Олейник считал эту задачу не свойственной Полигону и в качестве аргумента приводил расчёты, согласно которым при проведении взрыва могли произойти сдвиги структуры грунта глубоко под землёй. Но командование РВСН считало опасения несостоятельными и отклонило предложение Полигона о переносе места испытания¹³.

Во второй половине 1990 года началась непосредственная подготовка к испытанию. К концу осени было выбрано и подготовлено место проведения испытания в районе озера Керкозеро (площадка «Радуга»). К новой площадке были проложены две железнодорожные ветки, на которых планировалось разместить испытываемые агрегаты БЖРК.

Для имитации ядерного взрыва из Восточной Германии были доставлены 100 тыс. противотанковых мин ТМ-57¹⁴ (несколько железнодорожных вагонов). Специалисты Минвзрывпрома подготовили заряд к взрыву: уложили мины в виде усечённой пирамиды высотой 20 м и обвязали их детонаторами¹⁵. Сведения о мощности взрыва разнятся: от 0,25¹⁶ до 20 кт¹⁷ в тротиловом эквиваленте. Наиболее точную мощность взрыва — «около 1000 тонн» (1 кт)¹⁸ — указал в своей работе В.С. Михайлов¹⁹.

Командиром Части в период проведения испытания являлся полковник В.И. Селиверстов. Командиром боевого расчёта на проведение испытания был назначен подполковник А.В. Старыгин, начальником штаба испытания — капитан Ю.А. Ивлев, а заместителем по политической

Расположение агрегатов БЖРК при проведении испытания

части — майор П.М. Вокалов. Техническое руководство испытанием осуществляли начальник Управления полковник И.П. Романенков, начальники отделов полковники В.И. Казак, Ю.С. Филатов и В.К. Халявкин. Силами Части агрегаты БЖРК были расставлены у эпицентра взрыва. Всего на всестороннюю подготовку к испытанию потребовалось 15 суток²⁰.

После этого начальник Полигона генерал-лейтенант И.И. Олейник был готов представить главнокомандующему РВСН генералу армии Ю.П. Максиму доклад о готовности к проведению испытания. Однако накануне доклада начальнику Полигона позвонил первый секретарь Архангельского областного комитета КПСС (далее — обком) А.И. Громогласов²¹. Он выразил обеспокоенность проведением испытания и попросил генерал-лейтенанта И.И. Олейника прибыть в Архангельск и проинформировать о предстоящих мероприятиях.

На следующий день генерал-лейтенант И.И. Олейник имел неприятный разговор с первым секретарём обкома А.И. Громогласовым. Суть его сводилась к тому, что «зелёные» Архангельской области начали кампанию против деятельности Вооружённых сил вообще и Полигона в частности, связывая её с ухудшением экологической обстановки в регионе. Основной удар «зелёных» был направлен против продолжавшихся на острове Новая Земля испытаний ядерного оружия. Запланированное же на Полигоне испытание они ставили в один ряд с испытаниями ядерного оружия на Новой Земле. Руководству области при этом предъявлялись претензии в равнодушии к сохранению природы и отсутствию заботы о здоровье населения. Поэтому А.И. Громогласов считал, что проведение испытания в таких условиях могло привести к общественному возмущению и принести неприятности руководству области и Полигона. О разговоре с первым секретарём обкома

И.И. Олейник

начальник Полигона доложил главнокомандующему РВСН. И, несмотря на поджимавшие сроки, приказа на проведение испытания в 1990 году не последовало²².

Необходимо отметить, что ещё за несколько лет до этого подобная ситуация, когда элементы гражданского общества оказывали влияние на «руководящую и направляющую силу советского общества»²³ — КПСС и проводившиеся Министерством обороны СССР мероприятия, была невозможна. Однако в стране уже шла перестройка, гласность набирала обороты, и поэтому даже ранее всеильные партийные руководители были вынуждены учитывать «новые веяния».

Для выяснения изучения влияния Полигона на окружающую среду осенью 1990 года в Архангельске была создана особая комиссия. После трёх месяцев работы её выводы разочаровали местных «зелёных»: ни одно из обвинений в адрес Полигона о нарушении природоохранного законодательства не подтвердилось²⁴. Одновременно с этим специалистами 4-го Научно-исследовательского института МО СССР под руководством генерал-майора В.Н. Крылова были

повторно проверены условия и оценены возможные последствия проведения испытания²⁵. И только командованию Полигона вынужденная отсрочка принесла проблемы: если агрегаты БЖРК просто перегнали в пункт постоянной дислокации, то подготовленную к взрыву пирамиду мин необходимо было охранять.

В начале 1991 года обстановка в Архангельской области разрядилась, командованию Полигона удалось убедить руководство области в безопасности предстоящего испытания и получить его разрешение²⁶. После этого на Полигоне возобновили подготовку. В конце февраля 1991 года начальник Полигона генерал-лейтенант И.И. Олейник доложил главнокомандующему РВСН генералу армии Ю.П. Максиму о нормализации обстановки в регионе и готовности к проведению испытания. Получив указание провести испытание в зависимости от складывавшейся обстановки²⁷, начальник Полигона принял решение провести его как можно быстрее.

За двое суток до назначенного дня были выполнены необходимые организационные и технические мероприятия:

- оповещены местные органы власти;

- проведён «проигрыш» действий со всеми задействованными силами;

- агрегаты БЖРК (поезда) были расставлены в соответствии с программой испытаний:

- первый поезд — в 850 м от эпицентра взрыва; он должен был принять ударную волну «фронтom». Поезд состоял из тепловоза, вагона-цистерны, пускового модуля (с электромакетом ракеты), подвижного командного пункта, бытовой зоны и 6-осного крытого цельнометаллического вагона для перевозки легковесных грузов (ЦМГВ);

- второй поезд — в 450 м от эпицентра взрыва; он принимал ударную волну торцом. Поезд состоял из пускового модуля

(с габаритно-весовым макетом ракеты) и ЦМГВ.

В агрегатах, на боевых постах БЖРК были размещены манекены и аппаратура для определения воздействия ударной волны. Таким образом, исходное состояние агрегатов БЖРК соответствовало их возможному положению при нахождении на маршруте боевого патрулирования:

— всё технологическое оборудование, технические системы, аппаратура боевого управления и связи обоих поездов были включены и находились в «штатной работе». Электропитание осуществлялось автономно от вагонов-электростанций;

— электромакет первого поезда был переведён в техническую готовность к пуску № 1 (технологическое оборудование пусковой установки развёрнуто, полётное задание рассчитано и введено в систему управления ракеты)²⁸.

Проведение испытания было назначено на 27 февраля 1991 года. Этот день выдался безветренным и солнечным, небо было чистым и голубым²⁹.

За несколько часов до проведения испытания аварийно-спасательный отряд Полигона занял исходное положение (в 10 км от эпицентра), а из опасных зон был эвакуирован личный состав:

— из непосредственного места испытания — личный состав Части и представители промышленности;

— в близрасположенных воинских частях (на площадке № 122 «Ключевое») была оставлена только дежурная служба.

За 30 мин до проведения испытания личный состав дежурных служб был укрыт в убежищах.

В 13 км от эпицентра взрыва на наблюдательном пункте Полигона (на балконе сооружения № 12 площадки № 104) находились заместитель главнокомандующего РВСН по вооружению генерал-полковник А.А. Рязских, начальник Полигона генерал-лейтенант И.И. Олейник, начальник измерительного пункта подполковник И.П. Заец.

На местах исполнения обязанностей находились начальник станции единого времени капитан О.Г. Фёдоров, дежурный по части капитан А.Е. Нечаев и начальник смены дизельной электростанции прапорщик С.А. Елисеев; также на площадке находился офицер особого отдела³⁰.

В 14 ч была подана команда на подрыв заряда.

Находившиеся на наблюдательном пункте Полигона увидели впечатляющую и незабываемую картину: вначале у поверхности земли стало формироваться окрашенное в разные цвета, с мрачными оттенками, облако, затем оно стало подниматься всё выше и выше, постепенно превращаясь в силуэт ядерного гриба. Через 40 сек до них дошли ударная волна и грохот взрыва³¹.

После взрыва к местам нахождения агрегатов БЖРК убыли должностные лица Полигона и представители промышленности. Первым двинулся путепрокладчик БАТ³² — необходимо было «пробить» дорогу к поезду № 1. Непосредственно за ним шла «Волга» начальника Полигона, а за ней — автобус, в котором находились военнослужащие расчётов командного пункта и пускового модуля, офицеры Управления и представители промышленности³³.

Первое, что увидели прибывшие к месту взрыва, — огромную воронку диаметром около 100 м и глубиной до 10 м; вокруг воронки — массы выброшенного грунта и на сотни метров вокруг — поваленные деревья и почерневший от взрывной коפות снег. Вредных веществ в атмосфере обнаружено не было³⁴.

Все агрегаты БЖРК стояли на рельсах, при этом у тепловоза и некоторых вагонов были видны незначительные повреждения (находившийся в поезде № 2 ЦМГВ был деформирован (раздут), его торцевые ворота вырвало, борт и крыша ЦМГВ в поезде № 1 были погнуты), а часть стёкол была разбита (у тепловоза — лобовое и боковые,

у вагонов бытовой зоны — почти все, несмотря на наличие бронештор)³⁵.

Детальный осмотр агрегатов и систем БЖРК показал, что командный пункт и пусковая установка с электромакетом ракеты были исправны. При этом уровень акустического давления в обитаемых отсеках агрегатов составил 150 дБ — болевой порог, при котором возможна кратковременная (до 20 мин) потеря слуха³⁶.

Фронт ударной волны качнул вагоны пускового модуля, при этом произошёл обрыв одного из кабелей системы охлаждения приборов управления, и электромакет автоматически перешёл в техническую готовность к пуску № 3³⁷. Через непродолжительное время техническая готовность № 1 была восстановлена и произведён «сухой пуск» (аппаратурная имитация пуска)³⁸.

Однако ударная воздушная волна нанесла ущерб близлежащим военным объектам: часть стёкол в сооружениях на площадке № 122 была разбита, ворота отдельных сооружений сорваны, а животные подсобного хозяйства ранены разбитыми стёклами³⁹, также было частично разбито остекление домов в близлежащих населённых пунктах⁴⁰.

Эксперимент «Сдвиг-3» подтвердил, что все требования, заданные Министерством обороны к характеристикам БЖРК по защите от поражения ударной воздушной волной ядерного взрыва, были выполнены. Его проведение закончилась программой государственных лётных испытаний БЖРК.

После проведения испытания близлежащие окрестности были прочёсаны с целью поиска неразорвавшихся мин⁴¹, сама площадка больше не использовалась, и рельсы там были демонтированы; воронка от взрыва наполнилась водой и превратилась в одно из многочисленных в этой местности озёр.

Время не пощадило непосредственных участников

испытания: в 1998 году было сокращено Управление, а в 2002-м – Часть⁴². В 2005 году был снят с боевого дежурства последний БЖРК⁴³, а один из его сохранившихся пусковых

модулей стал экспонатом музея Октябрьской железной дороги в Санкт-Петербурге.

В 1990-х годах автор этих строк проходил службу в 174-м ракетном (железнодорожном)

полку. Слухи о том, что «наш паровоз» подвергался особо секретным испытаниям, наполняли нас гордостью и уверенностью в силе российского оружия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ XXVII съезд КПСС о Советской военной доктрине. М.: Военное издательство, 1997. С. 6.; Военная доктрина Российской Федерации. М., 2011. С. 14—15.

² Доклад М.В. Келдыша, Л.В. Смирнова, К.С. Москаленко, Е.П. Славского Д.Т. Устинову от 23 апреля 1962 г. «О производстве опытных взрывов для определения их воздействия на ракеты и стартовые сооружения» // Становление ракетной мощи страны: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960—1964 гг.). Кн. 2. М.: Историческая литература, 2019. С. 106.

³ Красухин Б.П. Проблема полного и всеобщего запрещения испытаний ядерного оружия // Советский Союз и Организация Объединённых Наций (1946—1980). М.: Наука, 1989. С. 65.

⁴ От ракетного соединения к космодрому // Северный Космодром России. Т. 1. Плесецк: Космодром «Плесецк», 2007. С. 88, 89.

⁵ История 4 Центрального научно-исследовательского института Министерства обороны Российской Федерации (1946—2006). ЦИПК, 2006. С. 162.

⁶ Там же. С. 210.

⁷ Конюхов С.Н. Ракеты и космические аппараты конструкторского бюро «Южное». Днепропетровск, 2000. С. 55.

⁸ Михайлов В.С. Стратегический «Молодец». История железнодорожных ракетных комплексов. Пушкино, Центр стратегической конъюнктуры, 2015. С. 111.

⁹ Рязских А.А. Оглянись назад и посмотри вперёд: записки военного

инженера. Кн. 2. М.: Герои Отечества, 2006; Никуленко Т. На пыльных тропинках далёких планет. Интервью с И. Олейником // Бульвар Гордона. 2015. № 14(518); Олейник И.И. Из воспоминаний // Северный Космодром России. Т. 1; Заец И.П. Об испытаниях комплекса БЖРК // Там же. Т. 1; Журавлёв Ю.М. Из воспоминаний // Там же. Т. 1.; Ракетный комплекс с МБР РС-22 (А, В) // Там же. Т. 1.

¹⁰ Михайлов В.С. Указ. соч.; Конюхов С.Н. Указ. соч. С. 55.

¹¹ Михайлов В.С. Указ. соч. С. 110.

¹² Войсковая часть 49491 // Северный Космодром России. Т. 1. С. 550—553.

¹³ Рязских А.А. Указ. соч. С. 409.

¹⁴ Журавлёв Ю.М. Указ. соч. С. 120.

¹⁵ Олейник И.И. Указ. соч. С. 99.

¹⁶ Заец И.П. Указ. соч. С. 456.

¹⁷ Рязских А.А. Указ. соч. С. 409.

¹⁸ Масса взрывчатого вещества в противотанковой mine ТМ-57 от 6,5 до 7 кг в зависимости от типа снаряжения. Следовательно, в 100 тыс. мин было от 650 до 700 т взрывчатого вещества, или от 0,65 до 0,7 кт.

¹⁹ Михайлов В.С. Указ. соч. С. 110.

²⁰ Рязских А.А. Указ. соч. С. 409.

²¹ Генерал Олейник указывал на общение с П.М. Телепнёвым как с первым секретарём Архангельского обкома, однако в марте 1989 г. он проиграл выборы народных депутатов СССР и в ноябре был вынужден уйти в отставку. С июня 1990 г. первым секретарём Архангельского обкома был А.И. Громогласов. См.: Громогласов А.И. Своих принципов я не менял // Достояние Севера. 2022. № 3(35). С. 48—53.

²² Никуленко Т. Указ. соч.

²³ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политическая литература, 1978. С. 7.

²⁴ Никуленко Т. Указ. соч.

²⁵ Рязских А.А. Указ. соч. С. 409.

²⁶ Журавлёв Ю.М. Указ. соч. С. 120.

²⁷ Олейник И.И. Указ. соч. С. 100.

²⁸ Голыгин Б.П. Из воспоминаний. Личный архив автора.

²⁹ Олейник И.И. Указ. соч. С. 100.

³⁰ Заец И.П. Указ. соч. С. 456.

³¹ Никуленко Т. Указ. соч.

³² Путепрокладчик БАТ-М — инженерная дорожная машина, предназначенная для прокладки колонных путей и оборудования маршрутов, применяется для засыпки котлованов, рвов, траншей. См.: Путепрокладчик БАТ-М. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Военное издательство МО СССР. 1981. С. 2.

³³ Трифанюк В.С. Из воспоминаний. Личный архив автора.

³⁴ Ракетный комплекс с МБР РС-22 (А, В)... С. 498.

³⁵ Голыгин Б.П. Указ. соч.

³⁶ Ракетный комплекс с МБР РС-22 (А, В)... С. 498.

³⁷ Голыгин Б.П. Указ. соч.

³⁸ Михайлов В.С. Указ. соч. С. 110.

³⁹ Архипов Н.В. Из воспоминаний. Личный архив автора.

⁴⁰ Олейник И.И. Указ. соч. С. 101.

⁴¹ Трифанюк В.С. Указ. соч.

⁴² Северный Космодром России. Плесецк: Космодром «Плесецк», 2007. Т. 1. С. 472, 553.

⁴³ Михайлов В.С. Указ. соч. С. 196.

A.V. Tolochko

SHIFT-3 IS A UNIQUE EXPERIMENT

Testing missile train parts for resistance to nuclear explosions in the USSR (February 27, 1991)

Information about author. Aleksandr Tolochko — lecturer at the department of history and philosophy, Mozhaisky Military Space Academy, colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: zvezdny68@mail.ru).

Summary. The purpose of this paper is to summarize information about the Shift test carried out by military units of the 53rd Research Test site of the Ministry of Defense of the USSR (Mirnyy, Arkhangelsk Region). In 1962, the leadership of the Ministry of Defense of the USSR decided to test the rocket forces' equipment for resistance to the impact factors of a nuclear explosion. One of them — an air shock wave — was simulated by detonating a large quantity of conventional explosives. In 1990, a site was prepared in a sparsely populated area of the Arkhangelsk Oblast for testing the components of the Missile Train. The test was possible only after a number of environmental problems had been solved and the public opinion of the Arkhangelsk Oblast and local «greens» had been «calmed down». On February 27, 1991, the train components were subjected to a powerful air shock wave, which did not cause them to fail.

Keywords: operation Shift-3; tests; air shock wave; combat railway missile system (missile train); I.I. Oleynik; ICBM 15Zh61; A.I. Gromoglasov; V.I. Seliverstov; TM-57 anti-tank mines; Yu.P. Maksimov.

Н.В. Антонова,
Д.Ю. Литинский,
И.А. Антонова

«ТУТ МЫ НАХОДИМ И СВОЮ СЕМЬЮ, И СВОЙ ЯЗЫК, И СВОИ ЗАКОНЫ, И СВОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ»

Обустройство судовых (корабельных) церквей
Российского Императорского флота

Сведения об авторах. Антонова Наталья Васильевна — научный сотрудник Научно-исследовательского института кораблестроения и вооружения ВМФ ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» (Санкт-Петербург. E-mail: vupc-vmf-3fil@mail.ru);

Литинский Дмитрий Юрьевич — научный сотрудник Научно-исследовательского института кораблестроения и вооружения ВМФ ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» (Санкт-Петербург. E-mail: vupc-vmf-4fil@mail.ru);

Антонова Ирина Александровна — доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат политических наук (Санкт-Петербург. E-mail: ira-antonova@mail.ru).

Аннотация. В статье предпринята попытка описать походную церковь на военном корабле Российского Императорского флота. Авторы рассмотрели и представили особенности обустройства и показали организацию судовых церквей, которые к началу XX века вошли в повседневный обиход флотской жизни. В этой связи была изучена история формирования и создания облика судовых церквей, начиная с парусного флота и заканчивая броненосным. Впервые проведён анализ руководящих документов Морского министерства о снабжении судов русского военного флота предметами для церковной службы. Сделана попытка рассмотреть и выявить некоторые технические аспекты проектирования, строительства и безопасной эксплуатации на военном судне предметов, предназначенных для совершения богослужения и религиозных обрядов. Впервые авторами представлены производители и поставщики предметов для военных судовых церквей.

Ключевые слова: Морское министерство; Главное управление кораблестроения и снабжения; военное судно; походная церковь; Морской устав; судовые (корабельные) церкви; богослужение; иконостас; образ (икона); киот; А.В. Головин; А.Н. Резцов, С.С. Судьбинский, Л.Д. Блинов; В.Е. Сытов; В.А. Естифеев.

Начало XVIII века в истории России ознаменовано коренными преобразованиями, инициированными Петром I. Они касались всех областей государственной жизни, но в первую очередь военной сферы. Россия встала на путь создания регулярных армии и флота. Чтобы вооружённые силы могли успешно выполнять стоявшие перед ними задачи, требовались усилия по их преобразованию и укреплению. В числе таких мер Пётр I видел духовно-нравственное воспитание солдат и матросов. На практике это выразилось в учреждении в армии и на флоте института православного духовенства. Первое офици-

альное распоряжение о назначении священнослужителей на флот относится к 1719 году, когда Пётр I своим указом повелел: «В корабельном флоте на каждом корабле иметь по одному иеромонаху для совершения богослужений... наставлений людям, посещений и напутствий больным»¹. Этот документ и явился первым законодательным актом о комплектовании кораблей священнослужителями. Вторым, не менее важным документом стал Устав морской 1720 года, в котором институт флотских священников был закреплён в расписании должностных обязанностей личного состава флота. Реестр мор-

ских чинов предусматривал иметь на каждом корабле (независимо от его ранга) одного священника².

В Уставе, в «образцовом таблице священнических припасов», представлены: походная церковь, перечень

необходимой утвари для проведения службы, богослужбные книги. И «все сие помянутые припасы должен священник в расход употреблять, как в вышеописанном образцовом листу таблицы объявлено»³.

Судовые церкви на русских военных кораблях вошли в повседневный обиход флотской жизни лишь к концу XVIII века и имелись только на флагманских кораблях. При императоре Павле I в 1797 году был принят новый Морской устав. В его главе «О службе Божией» оговорено, что на корабле «главного Начальника флотилии» во время похода должна находиться походная церковь⁴.

В царствование императора Николая I «Высочайшим указом от 23 августа» 1830 года было «повелено» при каждой флотской бригаде иметь походную церковную палатку «наподобие употребляемых в сухопутных войсках, которая во время похода устанавливалась бы на флагмане... Несмотря на это, до 1851 года ни на одном корабле не было походной церкви, и из дел Морского министерства не видно, была ли когда-нибудь исполнена воля Петра Великого. Великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич обратил внимание на эти обстоятельства и, желая доказать на деле возможность устройства походной церкви, сделал это на свой счет»⁵. 24 мая 1851 года он отправился в крейсерство по Балтийскому морю на фрегате «Паллада» начальником отряда военных судов.

Во время этого плавания Константин Николаевич в рабочем порядке рассматривал проект нового Морского устава, в том числе статьи «о корабельном священнике» и «о богослужении на корабле». Тогда же на фрегате «Паллада» был освящён престол в походной церкви, «устроенной с разрешения государя императора по ходатайству и на иждивении его высочества. В первый раз совершена была

в оной божественная Литургия 28 мая 1851 года в день сошествия Святого Духа, в бытность фрегата на Ревельском рейде. В течение июня 1851 года два раза служили обедню на “Палладе” под парусами. Таким образом, через 131 год Константином Николаевичем была исполнена воля Петра Великого», — так описал это знаменательное для флота событие ближайший помощник генерал-адмирала Александр Васильевич Головин⁶.

Принято считать, что первая походная церковь была обустроена на фрегате «Паллада» во имя Спасителя. Однако из переписки между Морским министерством и протопресвитером армии и флота Василием Кутневичем следует, что одновременно судовые походные церкви обустроили также на фрегате «Амфитрита» (во имя св. Николая Чудотворца) и на корабле «Император Петр I» (во имя св. Апостола Петра)⁷.

Введённое благодаря стараниям великого князя Константина Николаевича начинание юридически закрепили статьи Морского устава, что благотворно сказалось на духовном состоянии личного состава военного флота. «Он, — писал о генерал-адмирале А.В. Головине, — смотрел на флот как на одну тесную семью и усвоил себе ее мнение, взгляды и чувствования. Все, что радовало флот, и его радовало, все, что огорчало моряков, и его огорчало. Во время поездки на флот он без стеснения разговаривал с флагманами, капитанами и офицерами, входил в подробности службы их, спрашивал их надобности, и везде и все старался улучшить, упростить и облегчить. Каждый имел к

нему доступ, мог свободно излагать свои надобности, и был уверен, что найдет полное содействие»⁸. Внимание к условиям быта военных моряков во время похода корабля для генерал-адмирала всегда оставалось приоритетным. «И какое утешение нам, морякам, — писал великий князь Константин Николаевич во время очередной морской кампании, — что мы всюду, под нашим Андреевским флагом, возим с собою кусочек нашей матушки России. Когда с берега чужого возвращаемся на корабль, это как будто бы мы возвращаемся в Россию. Тут мы находим и свою семью, и свой язык, и свои законы, и свое Богослужение»⁹.

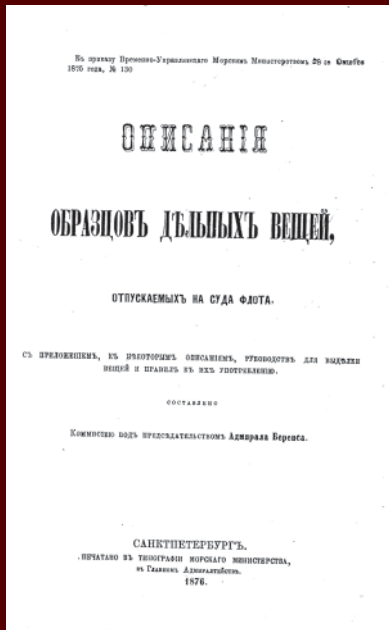
Отметим, что активное участие в рассмотрении проекта глав Морского устава «о священнике» и «о богослужении на корабле» принимали духовник великого князя протопресвитер В.Б. Бажанов и протоиерей Петербургского Петропавловского собора И.С. Кочетов. Новый Морской устав был утверждён в 1853 году¹⁰.

29 мая 1853 года начальник Главного морского штаба князь А.С. Меншиков приказал на всех строившихся и ремонтировавшихся кораблях, фрегатах и пароходах устроить походные церкви — наподобие той, что имел фрегат «Паллада»¹¹.

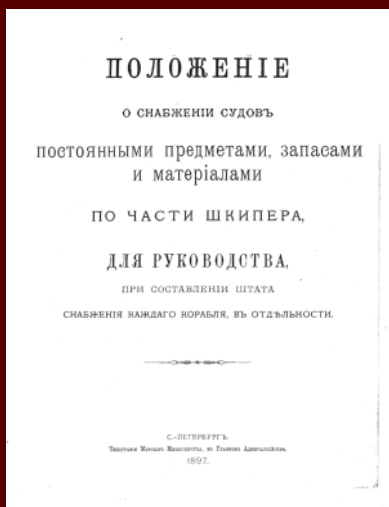
Через полтора года (к началу 1855-го) уже на 16 военных судах действовали походные церкви. К тому времени был принят и новый Морской устав — «Константиновский».

Примечательно, что статьи Устава, определявшие положение священника и регламентирующие богослужение на военном корабле, не претерпели никаких изменений и практи-

Документ, регламентирующий перечень церковной утвари и принадлежностей для проведения богослужения на военных судах с 70-х гг. XIX в.
Описания образцов дельных вещей, отпускаемых на суда флота, с приложением, к некоторым описаниям, руководств для выделки и правил их употреблению. СПб.: тип. Морского министерства. Титульный лист.

Документ, регламентирующий перечень церковной утвари и принадлежностей для проведения богослужения на военных судах с 90-х гг. XIX в.
Положение о снабжении судов постоянными предметами, запасами и материалами по части шкипера, для руководства при составлении штата. Снабжение каждого корабля в отдельности. СПб.: тип. Морского министерства. Титульный лист.

чески дословно были сохранены в Морском уставе 1914 года, т.е. имели юридическую силу до 1917 года.

Русские моряки всегда славились искусством мореплавания, а парусные суда российского флота отличались самобытностью конструкций, высокими боевыми и мореходными качествами. Начавшийся в России в середине XIX века промышленный переворот привёл к крупным сдвигам во всех областях общественной жизни. Техническая революция на флоте ознаменовалась строительством паровых винтовых судов. Следующим по пути технического прогресса стал переход к металлическому корпусостроению — в 1861 году. Инициатором создания океанских крейсеров в России являлся адмирал А.А. Попов. В 1870 году в Петербурге были заложены первые крейсера нового типа, которые могли достигать дальности плавания около 6000 миль. Российская империя превращалась в великую морскую державу. На океанских просторах в любой точке мира можно было увидеть корабли с развевавшимися Андреевскими стягами.

Задачами российской промышленности были в том числе строительство, вооружение военного флота, обеспечение его всем необходимым. Речь шла и об улучшении повседневного уклада корабельной службы, создании комфортных бытовых условий, которые заключались, среди прочего, и в совершении религиозных обрядов.

Предположительно только к середине 70-х годов XIX века были впервые разработаны единообразные рисунки и чертежи церковной утвари для походной церкви на военном корабле. Они были утверждены приказом временно управляющего Морским министерством 28 октября 1875 года, одновременно составлены новые руководящие документы, необходимые для обеспечения флота всем корабельным имуществом. Специальная комиссия

под председательством адмирала Е.А. Беренса разрабатывала «стандартные образцы предметов, отпускаемых на суда флота». В этот перечень вошли церковная утварь и предметы для проведения богослужения; все образцы были отнесены к разряду дельных вещей для флота. Об этом свидетельствуют изданные в 1876 году в типографии Морского министерства руководящие документы с подробными чертежами, рисунками и описанием образцов¹².

На пяти листах «Описания образцов дельных вещей...» перечислен полный список всех церковных предметов, необходимых для проведения богослужения. Указаны и описаны 28 предметов церковной утвари с приложением рисунков и перечислением предметов священнических одежд. Сам же иконостас в описи отсутствует.

Согласно перечню образцов часть предметов для богослужения изготавливали из чистого серебра. Это были: напестольное Евангелие в бархатном переплёте в серебряной оправе, напестольный крест и дароносица, вызолоченные внутри потир и ковшичек для теплоты, дискос, звезда, лжица, тарелочка для проскомидии, кадило. Общий вес серебряных предметов составлял около 2,5 кг. Некоторые другие необходимые богослужебные предметы требовалось изготовить с использованием накладного серебра¹³.

В последующих кораблестроительных программах продолжалось совершенствование океанских крейсеров. В августе 1881 года были определены государственная программа и очередные задачи строительства флота. Реализацию данной программы запланировали на ближайшие 20 лет, в этой связи сформулировали первые задания на проектирование новых кораблей. В марте 1895 года по инициативе Морского министерства прошло совещание с участием опытных адмиралов, по итогам которого была раз-

работана дополнительная программа судостроения на ближайшие семь лет (1896—1902), обоснована номенклатура типов кораблей.

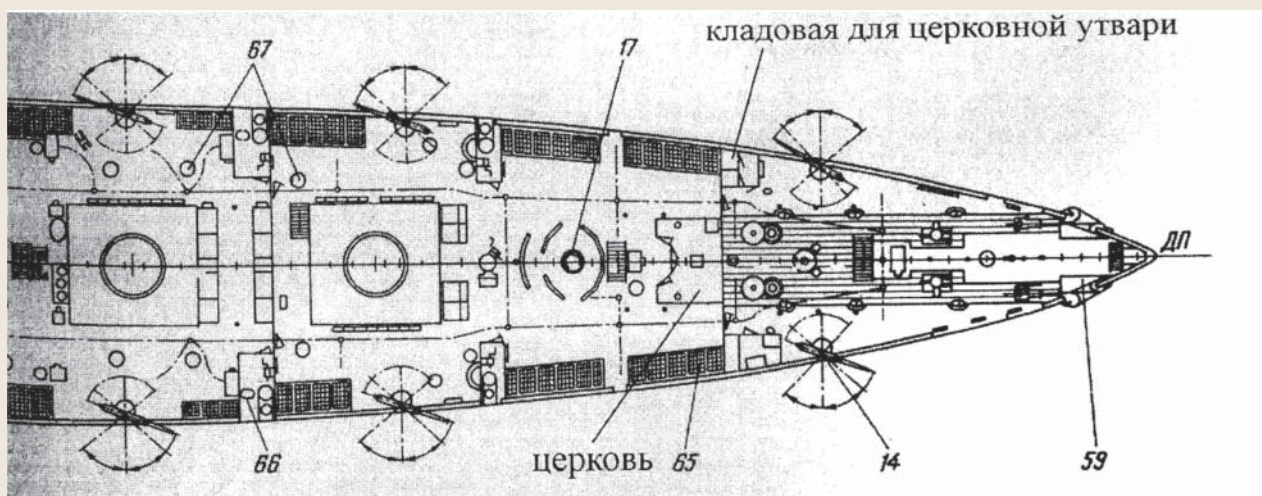
Одновременно многие военно-морские руководящие документы были пересмотрены и дополнены. В частности, переработали «Положение о снабжении судов...». Подверглись пересмотру и требования к судовым церквям. Приказом управляющего Морским министерством № 220 от 28 ноября 1897 года был утверждён новый документ «Положение о снабжении судов постоянными предметами, запасами и материалами по части шкипера, для руководства при составлении штата снабжения каждого корабля в отдельности». В нём, в частности, в 17-м приложении на 10 листах были полностью расписаны материальный состав и принадлежности походной церкви; значительно расширен перечень необходимой церковной утвари. В IV разделе приложения «О снабжении судов церковной утварью и принадлежностями богослужения» указаны более тысячи наименований богослужбных образцов. Впервые документально описан походный иконостас как корабельный образец, перечислены все святые иконы, которые требовались на военном суд-

не. Там же — на престольные святыни, священные сосуды, другие священно-служебные принадлежности, облачения, одежды, богослужбные книги, т.е. всё необходимое для полноценной церковной службы имущество¹⁴. В руководящем документе о снабжении военных судов оговаривались и условия хранения, содержания походной церкви (правила её эксплуатации). Так, указывалось: все вышеозначенные церковные «вещи и облачение подвергаются ежегодному свидетельствованию в особой назначаемой главными командирами или командирами портов комиссии, она обязана наблюдать, чтобы предметы, пришедшие в ветхость или в неприличный вид, не были отпускаемы на суда»¹⁵. Из «Положения о снабжении...» следует, что все предметы имели свой срок службы. К примеру, иконостас должен был служить «неопределенный» срок¹⁶.

Комиссия по установлению образцов при Главном управлении кораблестроения и снабжения разработала новые чертежи иконостаса и рисунки церковной утвари. Были усовершенствованы подсвечники и лампы, Пасхальный трёхсвечник и жаровня. В новые чертежи этих предметов внесли конструктивные изменения, которые могли в какой-то мере предупредить

распространение огня и обеспечить элементарные противопожарные мероприятия на корабле. Одновременно разработали и совершенно новые предметы для судовой церкви: киоты для корабельных образов, дубовые сундуки и ящики для хранения церковной утвари, складные престол и жертвенник, столики для благословения хлебов и освящения воды, панихидник. Состав церковного имущества дополнили новыми серебряными предметами. Теперь общий вес серебряной утвари составлял более 6 кг¹⁷.

В конце XIX века место и общий облик судовой церкви предусматривались уже непосредственно при проектировании военного корабля. Требования к церковным помещениям задавались Главным управлением кораблестроения (ГУК) с учётом размещения на судах корабельных технических средств и оружия. При этом соблюдались правила благоустройства храмов и ведения церковного хозяйства. В обустройстве и оборудовании на военном корабле церкви (в то время её называли судовой) принимали участие и отвечали за соблюдение необходимых правил как ГУК, так и Духовное управление протопресвитера военного и морского духовенства. Чертежи и сметы судовых

Фрагмент схемы носовой части батарейной (церковной) палубы крейсера «Аврора», тип «Паллада»
 17 — броневая труба из боевой рубки в центральный пост; 14 — 75-мм орудие; 59 — якорный клюз;
 65 — рундуки для чемоданов команды; 66 — выгородки для мусорных труб; 67 — трубы для погрузки угля.
 Буров В.Н., Юхнин В.Е. Крейсер «Аврора». Л.: Лениздат, 1987. С. 30,31

церквей разрабатывались по требованиям, которые ГУК согласовывало с ведомством протопресвитера¹⁸. Церковное хозяйство вели по общим для всех правилам, установленным согласно своду законов и указов Святейшего правительствующего синода¹⁹, но с обязательным учётом корабельных условий.

К началу XX века судовые церкви оборудовались на императорских яхтах, кораблях 1 ранга, на некоторых кораблях 2 ранга, учебных судах, военных транспортах и плавучих тюрьмах.

Поскольку православие являлось государственной религией Российской империи, а Русская православная церковь — частью госаппарата, создание судовых (корабельных) церквей, материальное обеспечение всех религиозных обрядов и содержание священнослужителей на кораблях полностью финансировались государством. Материальные взносы прихожан

военнослужащих, поступавшие в качестве добровольных пожертвований в корабельные кассы, строго учитывались и расходовались на благотворительные цели и обустройство самих церквей.

На кораблях 1 ранга помимо штатного судового священника из числа офицеров приказом командира корабля назначался ктитор, а из числа нижних чинов — церковник. Ктитор заботился о внутреннем обустройстве церкви и совместно со священником вёл книгу приходов и расходов церковных сумм. В заведовании церковника находилось церковное помещение и вся утварь²⁰. Из хорошо зарекомендовавших себя нижних чинов назначался образной матрос, который смотрел за судовым образом и помогал прислуживать в походной судовой церкви.

Однако к началу XX века, судя по сохранившимся архивным документам, чёткого и строгого единообразия в оборудовании

судовых церквей не существовало, т.к. многие военные корабли были спроектированы до принятия вышеперечисленных документов. Так, в отчёте протопресвитеру военного и морского ведомств «О состоянии судовых церквей к началу 1916 года» благочинный Черноморского флота докладывал:

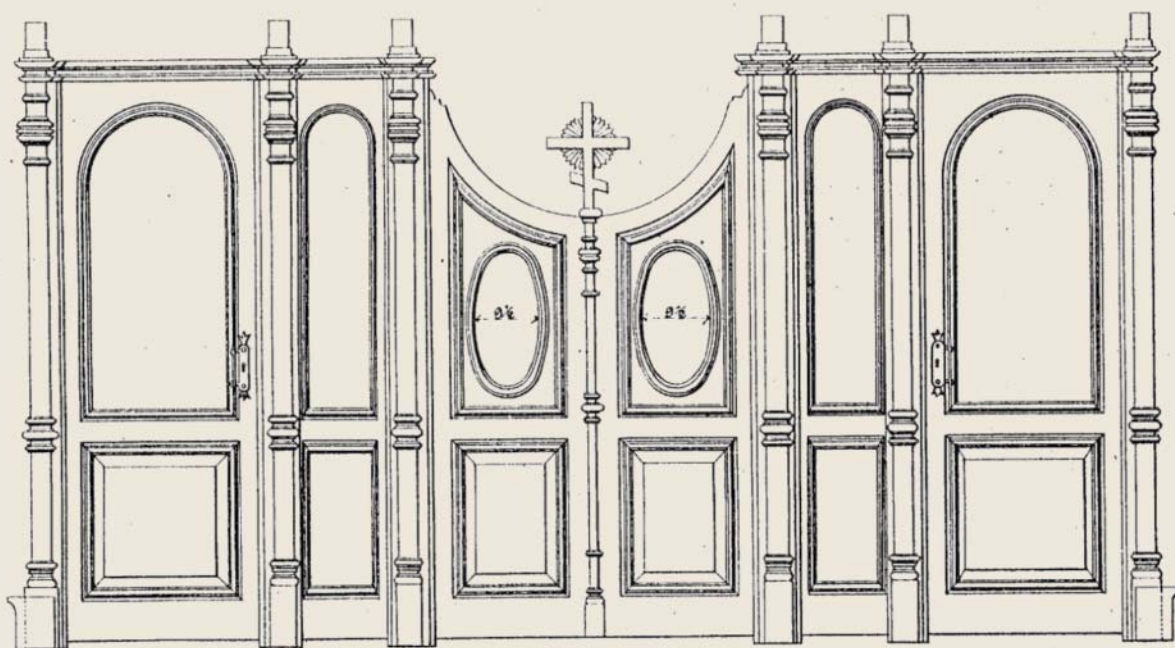
«1. На линейном корабле “Императрица Мария” церковь... помещается в носовой части корабля. Иконостас деревянный, разборный. Богослужение большей частью совершается на юте, где устанавливается удобная и обширная палатка, становится походный иконостас и пр. Утвари достаточно, ризница прекрасная...

2. На линейном корабле “Императрица Екатерина Великая”... храм очень мал и не может вместить всех желающих молиться...

3. На линейном корабле “Евстафий”... алтарь храма деревянный, постоянный, неразборный. Молящиеся помещаются в

Щиты на иконостасе.

Колонны к щитам (по иконостасу).

Вид образцового иконостаса судовой (корабельной) церкви к началу XX в.

Литография А. Иконникова. Из приложения к «Описанию предметов, вошедших в положение о снабжении судов издания 1897 года». СПб., 1903. С. 207

прилегающих к алтарю жилых помещениях.

4. На линейном корабле “Иоанн Златоуст”... храм снабжен утварью и ризницей, хотя не богато, но достаточно.

5. На линейном корабле “Пантелеймон” храм... во всех отношениях удобен.

6. На линейном корабле “Три Святителя”... храм хороший, утвари церковной даже более чем достаточно. Утварь церковная приобреталась постепенно, с годами. ...Большей частью на средства от продажи свечей. Есть в церкви и жертвенные вещи от командира...

7. На линейном корабле “Ростислав” церковь разборная, хотя и разбирается только на время выходов на артиллерийские стрельбы. В летнее время алтарь переносится на ют, а обыкновенно алтарь размещается в спардеке в части с караульным помещением и между машинными люками.

8. На линейном корабле “Синоп”... помещение церковной каюты удобное.

9. На линейном корабле “Георгий Победоносец” храм постоянный, но может в случае надобности разбираться и переноситься, что делается в летние жаркие воскресные дни, когда храм выносится на шканцы. Церковная каюта находится за алтарной стеной, довольно просторная...

10. На крейсере “Кагул” церковь деревянная разборная, для богослужения собирается в летнее время на верхней палубе — на юте, в остальное время — в средней части жилой палубы.

11. На крейсере “Память Меркурия” церковь разборная. Помещение, где устраивается церковь, довольно тесное, недостаточно чистое, так как угольные ямы, здесь выходящие, дают много пыли» и т.д.²¹

На основании некоторых документов можно представить облик судовой церкви. Начнём с её примерного расположения. На сохранившихся чертежах, которые были отредактированы и опубликованы в книге

«Крейсер “Аврора”. Памятник отечественного кораблестроения», на стр. 30, 31 изображена схема батарейной палубы с указанием общего расположения корпусных конструкций, вооружения, технических средств и оборудования. В носовой части хорошо просматривается план судовой церкви с образцовым иконостасом. На батарейной палубе в соответствии с проектными чертежами напротив броневой трубы схематично определено место для алтаря судовой церкви. Её площадь составляла около 11 м². Рядом по левому борту — довольно просторная каюта с кладовой для хранения церковной утвари. Прилежавшая к алтарной части палуба носила и другое название — церковная²².

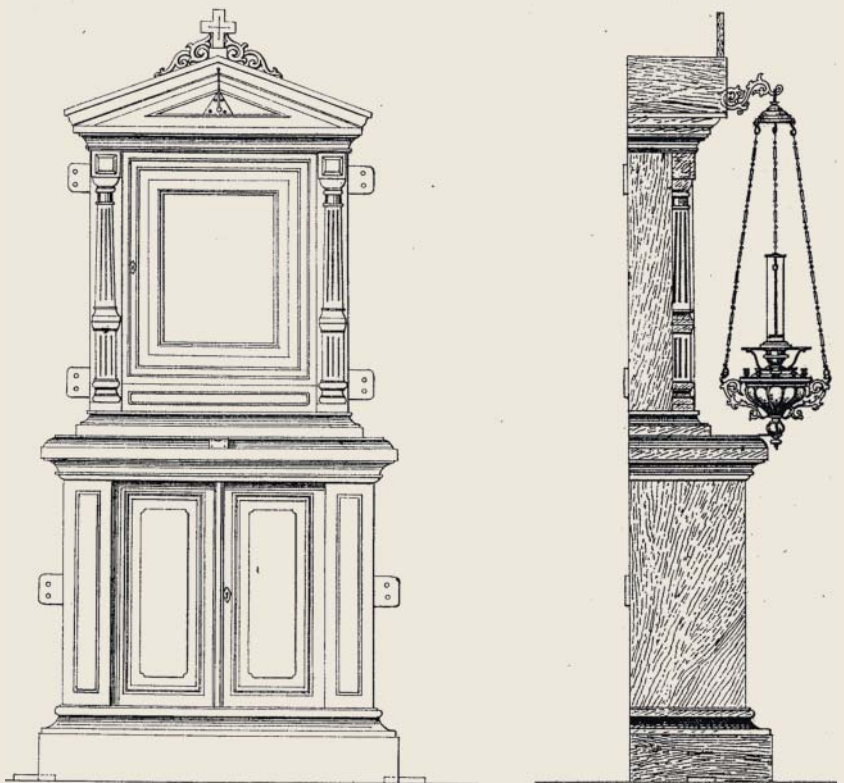
В соответствии с «Положением о снабжении...» иконостас для судовых церквей состоял из щитов и колонн к щитам, изготавливался по месту из соснового дерева, был отделан

позолоченными карнизами и калёвками.

Каждая судовая церковь на военном судне освящалась и называлась в честь святого (чаще его именем называли корабль) либо евангельского или церковно-исторического события.

По традиции все русские военные корабли имели свою чтимую икону или судовой образ — главную святыню. По своей сути икона была одного сюжета, но их могло быть несколько. В соответствии с руководящим документом «Положение о снабжении...» с 1897 года судовой образ помещался в киот. Существовали две модификации киотов. Главный образ в киоте с лампадой предназначался для одного из командных помещений. Для такой иконы киот был большего размера.

Киоты (их должно было быть несколько на корабле), уже меньшего стандартного размера и другой конструкции, полагались в приёмную и столовую

Киот для судовой образа в командное помещение с лампадой
Литография А. Иконникова. Из приложения к «Описанию предметов, вошедших в положение о снабжении судов, издания 1897 года». СПб., 1903. С. 50-51

адмирала, кабинет и приёмную командира, кают-компанию офицеров, кают-компанию старших боцманов и кондукторов, а также в лазарет²³.

Для судовых образов использовались лампы особой конструкции. Они предназначались для расположения перед местными, праздничными иконами и для Горнего места. Так, лампа перед местными образами изготавливалась из посеребрённой бронзы, в середину ввинчивалась металлическая свеча, в неё вставлялась металлическая

лампадка или трубка с пружиной, куда помещалась горящая восковая свеча. По окружности располагались три места для крупных и шести мелких свечей. Во избежание падения свечей во время качки к подсвечнику приделывалась особая розетка с отверстиями — через них свечи вставлялись в места размещений. Для устранения раскачивания всей лампы к середине киота был привёрнут бронзовый посеребрённый кронштейн, в котором фиксировалась нижняя часть лампы²⁴. Конструкция

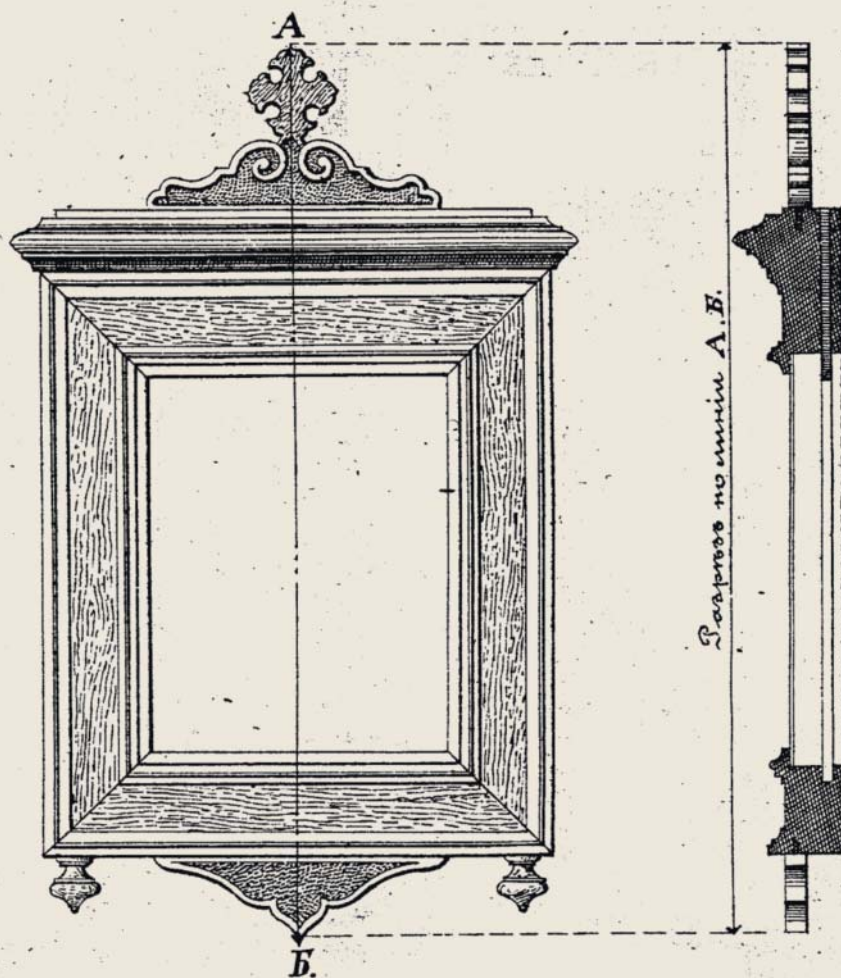
всех лампад была примерно одинаковой, в ней предусматривались самые простые меры против возгорания.

Прохождение каждого предмета богослужения для судовой церкви (от его создания до принятия на снабжение) было следующим. Комиссия по установлению образцов, состоявшая при Главном управлении кораблестроения, разрабатывала рисунки и чертежи, подробно их описывала. Затем все рисунки, чертежи с описанием образцов утверждались в Адмиралтейств-совете Морского министерства, а также цензором Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета. Иконостасы для походных церквей изготавливались непосредственно на российских судостроительных заводах в соответствии с подробными чертежами, которые находились в альбоме дельных вещей. В начале каждого года по приказанию управляющего Морским министерством Отдел заготовлений объявлял открытый конкурс на поставку необходимых вещей для нужд флота, в том числе и предметов для судовой церкви. В газетах размещались объявления о конкурсе. Также информация рассылалась в различные фирмы, компании и на заводы, которые занимались изготовлением необходимых для совершения богослужения предметов.

Всем желавшим принять участие в конкурсе предлагалось ознакомиться с рисунками и чертежами, которые находились в общей чертёжной Нового адмиралтейства (Санкт-Петербург). Контракты на закупку церковной утвари, облачения и икон заключались с февраля по апрель по выгодным для Морского министерства ценам.

Церковные книги для походной судовой церкви издавались в Синодальной типографии, а приобретались за наличный расчёт в Синодальной книжной лавке или специализированном книжном магазине книготорговца И.Л. Тузова.

Киот для образа.

Киот в приемную и столовую адмирала, в кабинет и приемную командира, кают-компанию офицеров, в кают-компанию старших боцманов и кондукторов, а также в лазарет

Литография А. Иконникова. Из приложения к «Описанию предметов, вошедших в положение о снабжении судов, издания 1897 года». СПб., 1903. С. 49

Серебряная церковная утварь заказывалась, как правило, в фирмах «Братя Щёлкины» и «Фраже», торговых домах Морозова и Павла Сидякова. Медные и мельхиоровые изделия приобретались у купца С.И. Растряева. Церковное облачение производили для нужд флота купцы В.Е. Сытов и В.А. Естифеев. Иконы писали в иконописных мастерских известные художники, имевшие академическое образование. Над судовыми образами трудились А.Н. Резцов, С.С. Судьбинский, Л.Д. Блинов, а также иконописцы товарищества «Сидорский и Ко»²⁵.

В 1904 году в Военно-морском музее приступили к созданию отделения, в котором должен был располагаться «магазин образцов снабжения судов флота», чтобы посетители музея смогли не только увидеть историю флота, но и прочувствовать всю жизненную обстановку военного судна, все потребности флота. В 1907 году отделение заняло достойное место в музее. Бесспорно, экспозиция, посвящённая судовой церкви, занимала одно из центральных мест. К сожалению, на сегодняшний день судьба её остаётся неизвестной²⁶.

После утверждения Морским министерством в 1914 году последнего в истории Российского Императорского флота «Положения о снабжении судов постоянными предметами, запасами и материалами по части шкипера» в него в соответствии с новой судостроительной программой были внесены некоторые незначительные изменения в части обустройства судовых церквей. Это коснулось уточнённого перечня Святых икон, список был значительно дополнен. В документе указано, что на суда I и II рангов, не имевшие походных церквей, а также на некоторые суда III ранга по особому требованию командира отпускать только те вещи, которые упомянуты особым образом в «Положении о снабжении...». На минные суда и на суда III и IV рангов полагались: образ

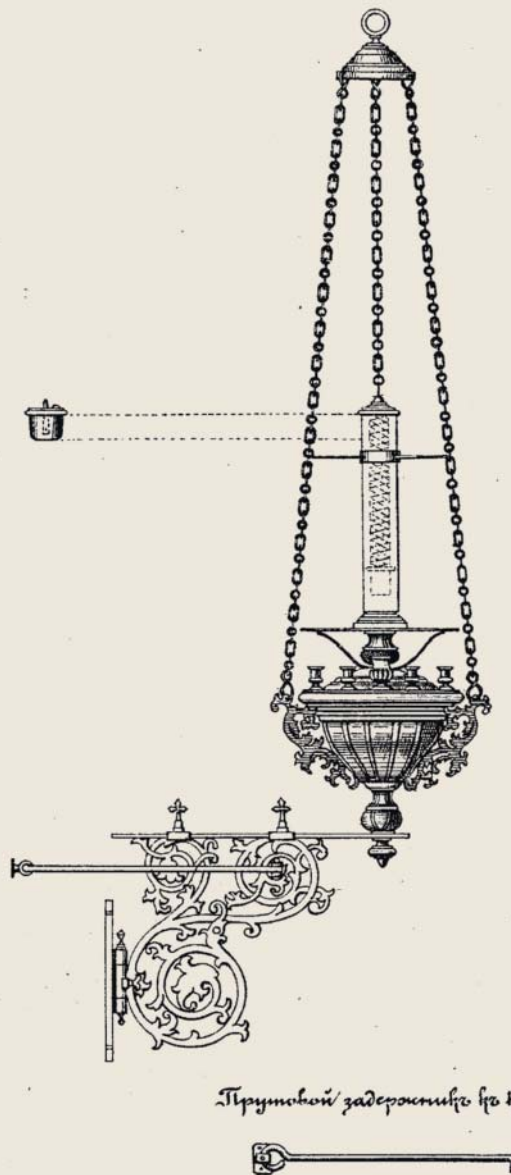
Христа Спасителя, Молитвослов, Псалтырь и Часослов. На действующих судах, находившихся в вооружённом резерве и на паровом отоплении, судовые церковные вещи и облачения всегда хранились на корабле, а с остальных судов сдавались в экипажные магазины²⁷.

Отметим, что в российском флоте уважительно относились и к верующим других конфессий, например к мусульманам и иудеям. По уставу иноверцам

разрешалось служить общественные молебны по правилам своей веры. Для этого командир выделял специальное место на корабле. При заходах в порты, а также в главные мусульманские или иудейские праздники командир корабля освобождал иноверцев от службы и увольнял на берег для посещения храмов и совершения религиозных обрядов²⁸.

За время почти векового перерыва опыт по обустрой-

Лампада перед местными иконами.

Лампада перед местными иконами

Литография А. Иконникова. Из приложения к «Описанию предметов, вошедших в положение о снабжении судов, издания 1897 года». СПб., 1903. С. 226

ству судовых (корабельных) церквей, их проектированию, строительству и эксплуатации был утрачен. Сегодня, к сожалению, отсутствует отвечаю-

щий современным требованиям подход к формированию походных церквей на кораблях Военно-морского флота. Предстоит немало сделать для того,

чтобы они были удобными и безопасными в эксплуатации, выразительными по архитектуре и соответствовали православному канонам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коршунов Ю.Л., Прасников В.Б., Антонова Н.В., Добрякова М.А. Исторические и правовые аспекты православной церкви на флоте. СПб.: 1 ЦНИИ МО РФ, 2003. С. 6.

² Там же.

³ Устав Морской. О всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море. СПб.: тип. Морского шляхетского корпуса, 1763. С. 178—180.

⁴ Антонова Н.В. О Морском уставе, походной церкви и богослужении на корабле. Материалы научно-практической конференции «Константиновские чтения». СПб.: ОРЕОС, 2007. С. 84.

⁵ Головин А.В. Записки для немногих. СПб.: Нестор, 2004. С. 122.

⁶ Там же.

⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 283. Оп. 2. Т. 2. Д. 5688. Л. 1—18.

⁸ Житков К.Г. Светлой памяти великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала Русского Флота // Морской сборник. 1912. № 1—2. С. 22, 23.

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 678. Оп. 1. Д. 771. Л. 211, 211 об.

¹⁰ Обзор работ Комитета, учрежденного в 1850 году для составления Морского Устава. СПб.: тип. Морского министерства, 1853. С. 75, 88.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 238. Оп. 2. Т. 2. Д. 5893.

¹² Описания образцов дельных вещей, отпускаемых на суда флота, с приложением, к некоторым описаниям, руководств для выделки и правил их употребления. СПб.: тип. Морского министерства, 1876. С. 37—41.

¹³ Рисунки и чертежи, следующие к «Описанию образцов дельных вещей, отпускаемых на суда флота». СПб.: тип. Морского министерства, 1876. Рис. 247—274.

¹⁴ Положение о снабжении судов постоянными предметами, запасами и материалами по части шкипера, для руководства при составлении штата. Снабжения каждого корабля, в отдельности. СПб.: тип. Морского министерства, 1897. С. 352—362.

¹⁵ Там же. С. 351.

¹⁶ Там же. С. 352.

¹⁷ Описание предметов, вошедших в Положение о снабжении судов издания 1897 года. Составлено Комиссией по установлению образцов, состоящей при Главном управлении кораблестроения и снабжения. СПб.: тип. Морского министерства, 1903. С. 217—235.

¹⁸ Коршунов Ю.Л., Прасников В.Б., Антонова Н.В., Добрякова М.А. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Более подробно см.: Чижевский И.Л. Церковное хозяйство или Правила и постановления касательно благоустройства храмов и церковного имущества,

извлеченные из свода законов и указов Святейшего Правительствующего синода. Харьков: тип. окружного штаба, 1875. С. 1—11, 50—58, 330—336.

²⁰ Коршунов Ю.Л., Прасников В.Б., Антонова Н.В., Добрякова М.А. Указ. соч. С. 15, 16.

²¹ Там же.

²² Буров В.Н., Юхнин В.Е. Крейсер «Аврора». Памятник истории отечественного кораблестроения. Л.: Лениздат, 1987. С. 30, 31.

²³ Положение о снабжении судов постоянными предметами... С. 62, 63.

²⁴ Описание предметов, вошедших в Положение о снабжении судов издания 1897 года... С. 223.

²⁵ Более подробно см.: Отчеты Главного управления кораблестроения и снабжения по отделу заготовлений за 1901—1910 гг. СПб.: тип. Морского министерства, 1902—1911.

²⁶ Морской музей России. Центральный военно-морской музей / Под общ. ред. Е.Н. Корчагина. СПб.: Палас, 2000. С. 70, 71.

²⁷ Положение о снабжении судов постоянными предметами, запасами и материалами по части шкипера. Пг.: тип. Морского министерства, 1915. С. 355—371.

²⁸ Коршунов Ю.Л., Прасников В.Б., Антонова Н.В., Добрякова М.А. Указ. соч. С. 12.

N.V. Antonova, D.Yu. Litinsky, I.A. Antonova

«HERE WE FIND OUR OWN FAMILY, OUR OWN LANGUAGE, OUR OWN LAWS, AND OUR OWN WORSHIP»

Arrangement of ship churches of the Russian Imperial Navy

Information about authors. Natalya Antonova — researcher at the Research Institute (shipbuilding and weapons of the Navy), Military Educational and Scientific Center of the Navy «Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov» (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-3fil@mail.ru);

Dmitry Litinsky — researcher at the Research Institute (shipbuilding and weapons of the Navy), Military Educational and Scientific Center of the Navy «Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov» (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-3fil@mail.ru);

Irina Antonova — assistant professor at the department of world politics, faculty of international relations, St. Petersburg State University, Cand. Sc. (Pol.) (St. Petersburg. E-mail: ira-antonova@mail.ru).

Summary. The paper attempts to describe an ambulatory church on a warship of the Russian Imperial Navy. The authors have considered and presented the peculiarities of the arrangement and organization of ship's churches, which were integrated into the everyday life of the navy at the beginning of the 20th century. In this connection, the history of the creation and development of ship churches was studied, beginning with the sailing fleet and ending with the armored fleet. For the first time, the guidelines of the Navy Ministry on the supply of ships of the Russian Navy with objects for worship are analyzed. An attempt is made to consider and identify some technical aspects of design, construction and safe operation on a military ship of items intended for worship and religious rites. For the first time, the authors present manufacturers and suppliers of articles for military ship churches.

Keywords: Navy Ministry; Main Directorate of Shipbuilding and Supply; military vessel; marching church; Naval Regulations; ship churches; worship; iconostasis; image (icon); ciot; A.V. Golovnin; A.N. Reztsov, S.S. Sudbinsky, L.D. Blinov; V.E. Sytov; V.A. Yestifejev.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ НАПИСАНИЯ ПОЛКОВЫХ ИСТОРИЙ

В год 70-летия окончания войны в Корею увидела свет монография «415-й истребительный авиационный: хроника полковой жизни»*. Автор — полковник А.П. Виноградов, заместитель начальника научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук. Данный труд — попытка возрождения традиции написания полковых историй русской армии, заложенной более двух столетий назад.

Объектом исследования стал 415-й истребительный авиационный полк, сформированный в августе 1941 года для защиты неба Москвы от воздушных стервятников люфтваффе. Четыре года полк героически воевал, а после завершения Великой Отечественной войны лётчики проявили себя в борьбе с новым противником — авиацией США в войне в Корею. После успешного выполнения боевых задач местом дислокации полка на 40 лет стал город с тысячелетней историей, а с 2020 года — Город трудовой доблести — Ярославль. При этом основная задача части осталась прежней — защита мирного неба над столицей.

Книга написана на основе архивных документов, находящихся на хранении в Центральном архиве Минобороны России: исторического формуляра полка, журналов боевых действий, описания и схем воздушных боёв, отчётов о сбитых самолётах, актов вручения государственных наград и т. д. В ходе исследования были выявлены четыре хронологических этапа становления авиационного полка: I этап (1941—1945 гг.) — формирование и участие в Великой Отечественной войне; II этап (1945—1952 гг.) — повседневная деятельность в послевоенный период; III этап (1952—1953 гг.) — боевое применение в ходе войны в Корею; IV этап (1953—1994 гг.) — базирование на аэродроме города Ярославля до расформирования.

Структура книги выстроена логически и соответствует этапам жизнедеятельности полка. Первая и третья главы освещают участие лётчиков в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны и войны в Корею. Вторая глава повествует о деятельности части в 1945—1952 гг. на территории Белоруссии и Калининской области (ныне Тверской). Самая объёмная — чет-

вёртая глава, включающая большое количество персоналий.

В приложениях приведены биографические справки о командирах и заместителях командиров полка, военнослужащих-женщинах и личном составе части в период Великой Отечественной войны. Всего в книге представлены более 700 персоналий, из них около 300 — участники Великой Отечественной войны.

Отдельно хотелось бы отметить, что книга стала семейным продуктом. Дизайн обложки выполнен дочерью автора, Полиной Виноградовой, студенткой Московского художественно-промышленного института (по специальности «графический дизайн»).

Не вызывает сомнения, что труд будет полезен и интересен не только ветеранам 415-го истребительного авиационного полка и специалистам по отечественной авиации, но и жителям Москвы и Ярославля разных поколений, интересующихся историей родного края.

Обложка книги

* Виноградов А.П. 415-й истребительный авиационный: хроника полковой жизни. М.: Дирижабль, 2023. 248 с.

«БУМАЖНЫЕ НАКИДКИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ СРЕДСТВОМ ЗАЩИТЫ ДЕСАНТА...»

Судьба инженер-флагмана 3 ранга Н.М. Хайта

Сведения об авторе. Близниченко Сергей Сергеевич — доцент кафедры транспортных сооружений Кубанского государственного технологического университета, кандидат технических наук (г. Краснодар. E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассказывается о судьбе одного из первых советских флотских военачальников-химиков инженер-флагмана 3 ранга Н.М. Хайта, репрессированного в 1937 году и забытого впоследствии. Показан боевой путь краскома-артиллериста на фронтах Гражданской войны, раскрывается его роль в создании химической службы Морских сил РККА в 1930—1937 гг. Описываются широкомасштабные научные эксперименты флотских учёных-химиков по защите советских кораблей и баз флота от химического воздействия предполагаемого противника, а также по разработке собственных средств химического поражения.

Ключевые слова: инженер-флагман 3 ранга Н.М. Хайт; химическая служба; противохимическая защита; средства химического поражения; отравляющие вещества; НИХИ; Морские силы РККА.

Наум Моисеевич Хайт родился 4(16) февраля 1896 года в г. Нарве Петербургской губернии¹. В его автобиографии указано: «Отец портной-кустарь, мать домашняя хозяйка. В семье было 7 чел. Из-за тяжёлого материального положения один брат 14-ти лет эмигрировал в Африку, другой брат и две сестры с детского возраста работали в мастерских. В 1909 г. после смерти матери отец порвал с семьёй и, как выяснилось через несколько лет, вторично женился и открыл мануфактурный магазин в г. Лепель Витебской губернии. Во время наступления немцев в 1917 г. город был подожжён, и имущество его сгорело...»².

Как следует из дальнейшего жизнеописания, в 1909 году юноша окончил Нарвскую гимназию. Но из-за распада семьи ему с 14 лет пришлось самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. В 1910 году он нанялся в одну из столичных аптек, где четыре года работал аптекарским учеником, а затем, выдержав испытание,

стал аптекарским помощником. Неудовлетворённый своей профессией, Наум Хайт решил продолжить образование «без отрыва от производства» и в 1915 году поступил в 5-й класс Коммерческого училища³. В феврале 1918 года, будучи в выпускном классе, он бросил это учебное заведение и, уйдя из аптеки, поступил добровольцем на 2-е Советские артиллерийские курсы комсостава в Петрограде, где 15 июня был принят в члены РКП(б). В июле в составе отряда курсантов молодой партиец принимал участие в разоружении левых эсеров в Северной столице.

После окончания учёбы 15 сентября 1918 года Наум Хайт был откомандирован на дополнительные курсы «политического руководства и военной администрации» в Москву (Лефортово), где пробыл до их окончания в конце октября 1919 года⁴. После этого он был направлен в Витебск для прохождения службы в артиллерийском дивизионе 3-й советской бригады⁵. В марте 1919 года дивизион

был передан в действующую армию, зачислен в 3-ю стрелковую дивизию и переброшен в г. Глухов Черниговской губернии. Сразу по прибытии помощнику командира 1-й батареи 1-го лёгкого артиллерийского дивизиона Н.М. Хайту довелось участвовать в подавлении восстания пехотного полка, находившегося в Глухове, и разоружении окрестных сёл, «заражённых» махновщиной.

В июне 1919 года артиллерийский дивизион был переброшен на Южный фронт, где молодой краском участвовал в бою с конной разведкой белых у ст. Купянск. В августе 1919 года он был откомандирован на Восточный фронт. После прибытия в Екатеринбург Н.М. Хайт в октябре был назначен командиром 4-й Верхнеуральской батареи 30-й стрелковой дивизии. Вместе с этим подразделением он участвовал в разгроме колчаковщины от Ишима до Красноярска, где и остался вследствие болезни.

По выздоровлении в феврале 1920 года Н.М. Хайт в

районе г. Ачинска занимался разоружением повстанцев — «ачинских партизан», а после ликвидации восстания был назначен командиром и политруком образцовой батареи 5-й армии, затем командиром и военкомом 2-го артдивизиона 1-й Сибирской стрелковой дивизии. В период Ишимского восстания Н.М. Хайт одновременно состоял в должности начальника охраны Кувартинского района Красноярского уезда.

В октябре 1921 года перспективного молодого краскома командировали в Высшую артиллерийскую школу командного состава РККА, в которой он проучился ровно год. По её окончании 15 октября 1922 года Н.М. Хайт был назначен командиром и военкомом артдивизиона 35-й Сибирской стрелковой дивизии, дислоцированной в Иркутске. В августе 1923 года он был переведён на аналогичную должность в Красноярскую школу комсостава. Через два года его откомандировали в Военно-техническую академию РККА имени Ф.Э. Дзержинского и после вступительных испытаний зачислили слушателем химического факультета. После окончания обучения в феврале 1930 года Н.М. Хайт был назначен в Научно-техническую лабораторию (НТЛ) Научно-технического комитета (НТК) Морских сил (МС) РККА⁶, которая проводила научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по военно-химическому делу в интересах флота.

Флотскими учёными-химиками НТЛ был организован ряд учений на Балтике. Так, в ходе летней кампании 1929 года на эсминце «Калинин» и линейном корабле «Парижская коммуна» Морских сил Балтийского моря проводились испытания морских противогазов новой конструкции. Для этого был выделен 1521 противо-

Н.М. Хайт
1935 г.

газ четырёх основных типов. Из них 153 противогазов трёх типов были направлены на эсинец «Калинин». Судя по описанию, данному в приказе Реввоенсовета Морских сил Балтийского моря, основную их массу составляли модели «с коробкой за спиной», т.е. ранцевого типа. Другая модель была представлена вариантом противогазов «с коробком на голове». Небольшие партии имели отличия в системе клапанов и ряде других деталей. В течение девяти недель проводился комплекс испытаний, включавший три этапа: испытания на полном ходу корабля с проведением боевой тревоги; на якоре с имитацией применения отравляющих веществ; в ходе учебно-боевых стрельб. Тем же летом в ходе ремонтных работ на эсминце «Ленин» установили дымовую аппаратуру (комплект № 2)⁷. Это было только началом широкомасштабных научных экспериментов флотских учёных-химиков по защите советских кораблей и баз флота от химического воздействия предполагаемого противника, а также по раз-

работке собственных средств химического поражения.

Дальнейшие исследования протекали уже при непосредственном участии Н.М. Хайта. 11 февраля 1930 года он возглавил Научно-техническую лабораторию Научно-технического комитета Морских сил РККА. В его личной аттестации за 1930 год, подписанной председателем НТК П.Ю. Орасом, говорилось как о личных качествах («инициативен, дисциплинирован, аккуратен, сообразителен. Энергии и решительности ещё мало. Тактичен. Здоровье удовлетворительное. Отношение к работе серьёзное»), так и о служебных характеристиках Н.М. Хайта («техническая и теоретическая подготовка достаточная. Совершенно отсутствует морской опыт. Практическая подготовка удовлетворительная... Должности соответствует»). Однако на этом положительном фоне в аттестации присутствовала формулировка: «Повышению сейчас не подлежит»⁸. Сказывалось сугубо «сухопутное» прошлое лихого краскома времён Гражданской войны.

Н.М. Хайт на новом посту сразу развернул бурную деятельность по реорганизации подведомственного ему учреждения. Благодаря его усилиям через два года была образована новая научная организация — Научно-исследовательский химический институт (НИХИ) МС РККА. Он же и возглавил эту структуру. По штату 1932 года НИХИ состоял из отдела порохов, отдела взрывчатых веществ, отдела отравляющих и дымообразующих веществ, химической лаборатории и хозяйственной части. Новому начальнику пришлось много и плодотворно сотрудничать с заказчиками — руководителями Управления вооружения МС РККА. В то же время в самом управлении происходили структурные изменения, касавшиеся

Учения по химзащите на линкоре «Парижская коммуна»
1932 г.

Крейсер «Червона Украина». Постановка дымовой завесы
1930 г.

Постановка дымовой завесы эсминцем ЧФ
1933 г.

вопросов химслужбы. В 1932 году в его штате был образован 8-й (химический) сектор под руководством выпускника первого набора химических классов Специальных курсов командного состава МС РККА С.А. Мурыронка. Благодаря его усилиям в 1933 году в составе главных военных портов вместо должностей главных химиков были созданы химические отделы из 3 военнослужащих и 3—5 вольнонаёмных сотрудников.

При методической помощи НИХИ МС РККА и под непосредственным руководством Н.М. Хайта в 1933 году согласно приказу наркомвоенмора К.Е. Ворошилова в Крымском и Кронштадтском укрепленных районах состоялись крупные флотские химические учения с фактическим применением отравляющих веществ и использованием химических миномётов и химфугасов. В Кронштадте в целях проверки боевой организации противохимической защиты была произведена проливка с самолёта форта «Ф» ипритом. В целом эти учения показали перспективность применения химоружия, и в следующем году их было решено повторить.

В конце 1933 года Н.М. Хайт успешно прошёл очередную партийную «чистку», результаты которой были отражены в выписке из протокола № 1 заседания ячейковой комиссии от 23 ноября 1933 года («ПОСТАНОВИЛИ — Считать проверенным»)⁹. Однако в выписке из протокола № 2 заседания комиссии по чистке парторганизации НИХИ МС РККА от 25 ноября 1933 года был отмечен ряд недостатков Хайта. В частности, указывалось на имевшееся взыскание — «выговор за то, что не поставил в известность парторганизацию о том, что отец торговал в Советское время. (Кончил торговать в 1927 г.)... Торговлю имел мелкую (ларёк), патент 3 разряда». В пре-

ниях прозвучали и другие критические нотки:

«РАВДЕЛЬ ч/п (член партии. — Прим. авт.) — Не доводится до конца дело с командирской учёбой, нет проверки усвоения знаний...

РАЗИН комс. — Слабое внимание к посылке сотрудников на конференции. Сотрудники должны ездить на заводы, с этим у нас дело обстоит плохо, в результате чего есть инженеры по взр. веществам, которые не видели заводов. Слабо у нас и с поощрением инициативы работников. Начальник ин-та мало беседует с сотрудниками последнее время»¹⁰.

В аттестации на Н.М. Хайта за 1933 год также не обошлось без замечаний вышестоящего командования: «Допустил крупнейшую, имевшую большое политическое значение [ошибку], не сумел быстро мобилизовать личный состав на ликвидацию. Допустил склоку между подчинёнными и не сумел быстро её пресечь. Требуется

сам руководства. Необходимо т. ХАЙТ более тесно связаться с ВОХИМу, прислушиваться к их указаниям и не отрываться и не замыкаться, а также не создавать отчуждённости».

Наряду с этим в аттестации указывалось, что Н.М. Хайт «с работой, порученной ему, справляется вполне. План Института за 1932 год выполнен полностью. Является опытным инженером, инициативным руководителем, умеет передавать свой опыт и знания. Инициативен и решителен». Поэтому был вынесен положительный вердикт: «Оставить в занимаемой должности»¹¹.

В 1934 году на четырёх морских театрах (на Балтике, Чёрном море, Тихом и Ледовитом океанах) были проведены 1296 учений по заражению и дегазации оружия, участков палубы и местности, в т.ч. пять больших опытных учений в частях береговой обороны и на двух эсминцах с проливом их ипритом с воздуха и заражением из БХМ

(боевые химические машины) и НПЗ (носимые приборы заражения). Эксперименты с серьёзным применением боевых отравляющих веществ (ОВ) проводились на воинских частях и особенно часто на Чёрном море — у Очакова, на острове Березань. К примеру, согласно выписке из ориентировочного плана опытных учений Военно-морских сил РККА на 1934 год в этом месте планировалась учебная десантная операция с применением средств химнападения, а также «преодолением заражённой ипритом полосы десантниками в бумажных накидках»¹².

Отрабатывая применение отравляющих веществ для поддержки десанта, моряки-черноморцы решали сложную и опасную учебно-боевую задачу. Ведь в случае войны реальный химдесант должен был высаживаться в Румынии.

Читая в наши дни сухие строки отчётов об учениях в районе Лагерной косы близ

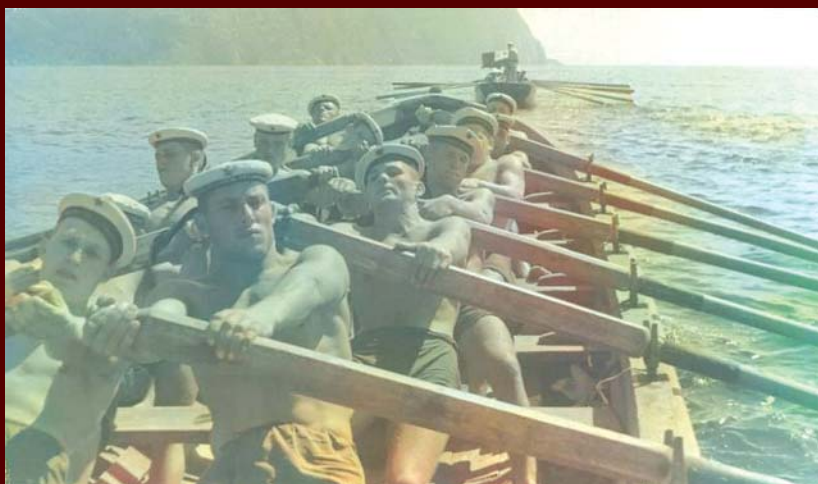
Линейный корабль «Парижская коммуна»

Испытания морских противогазов новой конструкции на линкоре «Парижская коммуна» 1929 г.

Моряки Черноморского флота 1930-е гг.

Моряки торпедного катера Северного флота ставят дымовую завесу

Очакова 2 августа 1934 года, невольно представляешь себе сотни бойцов в противогасах, с винтовками и... в бумажных «защитных накидках», преодолевающих полосу, заражённую вполне реальным ипритом. На тех манёврах военные моряки отрабатывали двойную задачу: нанесение удара с моря боевыми ОВ по укрепрайону противника с последующей высадкой морского десанта. Таким вот варварским способом исследователи из НИХИ МС РККА и командование Морских сил установили, что «защитные бумажные накидки не являются средством защиты десанта»¹³.

По архивным данным, август 1934 года был богат на морские эксперименты с боевыми отравляющими веществами. Так, например, 30 августа на Балтике, в районе Кронштадта, провели «опытовое химическое учение № 4 по поливке миноносца “Карл Маркс” на переходе ипритом с самолёта»¹⁴. Согласно уточнённому плану в нём приняли участие «Миноносец “Карл Маркс”, укомплектованный по штатам военного времени <...> 2 самолёта 62 ОАО / 1-С-62-бис с 2-мя ВАПами, снаряжённый 200 кг. технического иприта. 1 МР-6 с 2-мя ДАПами, снаряжённый смесью С-IV/...». Целью учения была проверка «организации ПХО миноносца на переходе в условиях отражения воздушной атаки», а также «отработка вопросов пребывания бойцов на заражённой СОВ палубе без защитной одежды»¹⁵.

Задача и сценарий флотского эксперимента с отравляющими веществами были сформулированы предельно чётко: «Выявление действия паров ОВ на кожные покровы бойца. Для биологического контроля над концентрацией паров иприта на верхней палубе корабля и выявления степени их действия на кож-

ные покровы бойцов из л/с корабля в добровольном порядке выделяются 4 бойца, обладающие нормальным телосложением, хорошим здоровьем и имеющие чистую, ровную кожу, без царапин.

Пропущенные накануне учения через медицинский осмотр и тщательно проинструктированные, бойцы к моменту сигнала “БТ” (боевая тревога. — **Прим. авт.**) должны находиться под прикрытием у входа в кают-компанию и быть одеты в <...> противооприятные костюмы с вырезанными в них отверстиями площадью 8 x 8 см в районе левого локтевого сгиба и левого подколенного сустава <...>. Незащищённые участки кожи изолируются от остальной части кожных покровов бойца путём наложения поверх костюма эластических резиновых бинтов, вблизи локтя и на ноге.

<...> Через 3 минуты после прохода самолётов, одновременно с выходом химразвед-

ки, флагманский врач Бригады ЭМ выводит указанных бойцов на заражённые участки, расставляя их следующим образом:

а/ Боец № 1 — с подветренного борта в районе 1 торпедного аппарата. Экспозиция 20 минут.

б/ Боец № 1а — с наветренного борта в районе 1 торпедного аппарата. Экспозиция 25 минут.

в/ Боец № 2 — с подветренного борта у светового люка правой машины. Экспозиция — 15 минут.

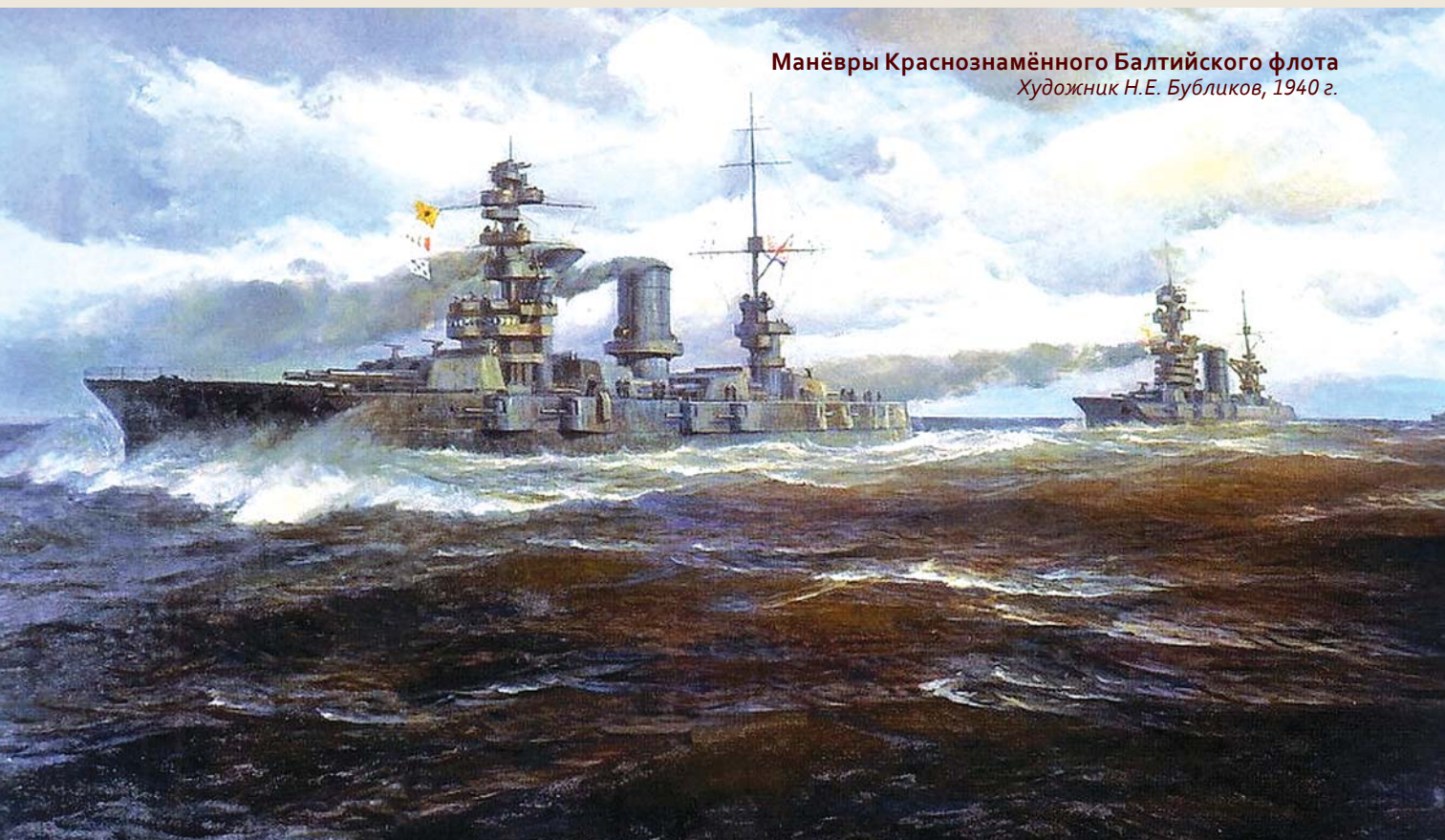
г/ Боец № 2а — с подветренного борта в районе 5-го орудия. Экспозиция — 20 минут. <...> Указанные бойцы направляются в Кронштадтский Морской Госпиталь в специально отведённую палату под наблюдение соответствующих специалистов <...>¹⁶.

После проведения учения согласно ещё одному архивному документу «отправлены в Кронморгоспиталь под

наблюдение врачей 8 подопытных к/фл. согласно плана ОУ-4 <...>¹⁷. Следующая запись раскрывает детали этого плана: «Подопытные краснофлотцы были выставлены на палубу из-под прикрытия в 13 час. 10 м: спустя 2 минуты после атаки первым самолётом <...>¹⁸. Из того же архивного документа известны и имена тех «подопытных» военных моряков: П.В. Тарабашин, Н.В. Гжибовский, Н.А. Зайцев, Г.М. Русаков, И.А. Калевин, И.П. Прокошин, Седов, Калинин¹⁹.

В 1934 году научными сотрудниками НИХИ МС РККА под руководством Н.М. Хайта при участии военнослужащих 8-го (химического) сектора Управления вооружения МС РККА были разработаны принципиально новые для того времени организационно-методические руководящие документы: «Наставление по Химической службе ВМС РККА», «Руководство по дегазации кораблей и берего-

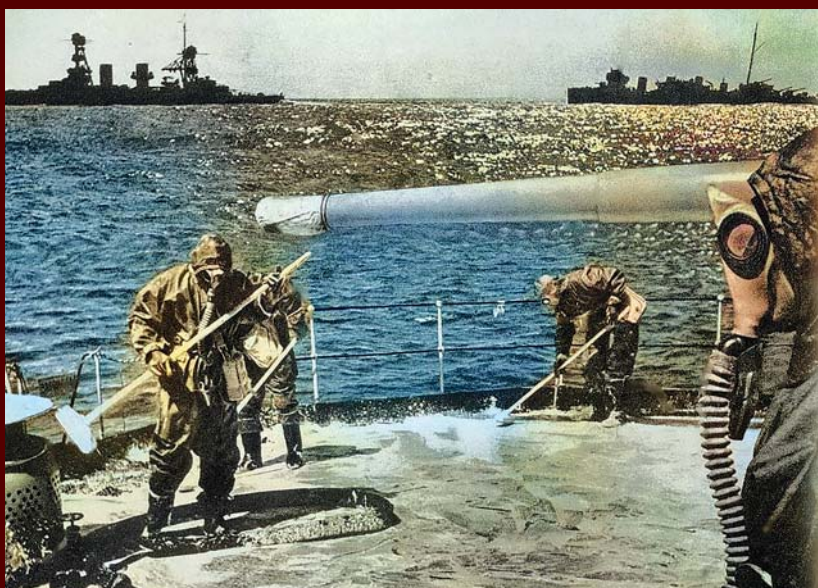
Манёвры Краснознамённого Балтийского флота
Художник Н.Е. Бубликов, 1940 г.

Панорама о. Березань

Флотские учения по противохимической защите

Экипаж боевого корабля в индивидуальных средствах противохимической защиты

вых объектов РККА», «Правила химической службы по организации дегазационных работ», «Правила химической службы по постановке дымзавес» и др. Положительно оценивая итоги работы НИХИ за отчётный период, НКО СССР приказом № 2484 от 26 ноября 1935 года присвоил Н.М. Хайту воинское звание инженер-флагмана 3 ранга²⁰.

В конце 1936 года Наум Моисеевич был переведён в Севастополь и назначен начальником отдела химического оружия Главного военного порта Черноморского флота (ГВП ЧФ). Весь 1937 год в Севастополе шли аресты флотских начальников. 5 октября в Москве арестовали бывшего командующего Черноморским флотом флагмана флота 2 ранга И.К. Кожанова. Вслед за ним были брошены в тюрьму многие его сослуживцы. Инженер-флагмана 3 ранга Н.М. Хайта задержали 1 декабря, а формальный ордер на арест был представлен через две недели, 15 декабря 1937 года²¹. В приказе наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова № 01164 от 3 декабря 1937 года говорилось: «Начальник отдела химического оружия Главного военного порта Черноморского флота инженер-флагман 3 ранга Хайт Наум Моисеевич увольняется вовсе со службы в РККА со снятием с учёта по статье 44 пункт “в” Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА». Указанный пункт означал, что военнослужащий увольняется «в связи с арестом органами НКВД».

Уже после задержания Н.М. Хайта, 7 декабря 1937 года, на него была представлена служебная характеристика, подписанная его непосредственным начальником — помощником командующего ЧФ по материально-техническому

обеспечению дивинтендантом К.И. Гурьевым. В ней, в частности, говорилось: «...В первые месяцы своего пребывания в должности Начальника 4-го Отдела ГВП ЧФ тов. ХАЙТ Н.М. работал медленно, не активно, мало посещал подведомственные ему объекты». Однако «в последние месяцы, после соответствующих указаний тов. ХАЙТУ и объявления ему выговора в приказе /пр. № 0028 1937 года/ тов. ХАЙТ стал работать удовлетворительно и часть отстающих работ, в особенности по мобилизационной части и неп. запасу подтянул, проявив должную инициативу и работу в этой части, хотя ещё и не полностью выполнил, но видна уже соответствующая налаженность». По-видимому, помощник командующего Черноморским флотом был ещё не в курсе приказа наркома обороны СССР от

3 декабря и через неделю после задержания Н.М. Хайта сделал следующий вывод: «Считаю, что тов. ХАЙТ Н.М. может работать, как специалист работу свою знает, только тов. ХАЙТУ в начатую им плодотворную работу необходимо вложить больше инициативы и с ещё большим усилием и вдумчивостью работать и руководить»²². Между тем вслед за задержанием Н.М. Хайт был исключён из партии. Согласно выписке из протокола № 27 заседания парткомиссии при политотделе ГВП ЧФ от 10 декабря 1937 года он привлекался к ответственности «за непроявление должной большевистской настойчивости, политическую недооценку сигналов о вредительстве, отсутствие должной инициативы в первое время работы в ГВП ЧФ, скрывание соцположения родителей, связь с родным

братом, находящимся за границей». В постановляющей части документа говорилось: «За явно преступную работу, граничащую с вредительством в период службы Хайта Начальником Института НИХИМС, а также в период его службы Начальником 4 Отдела ГВП ЧФ, скрывание социального положения родителей и своей связи с родным братом, находящимся за границей /Эстония/, — ХАЙТА Наума Моисеевича из рядов ВКП(б) исключить»²³.

С первого же дня следствие по делу Н.М. Хайта велось с грубыми нарушениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Его избивали, запугивали, долгое время держали на «конвейере». Как было установлено впоследствии, 19 мая 1938 года Наум Моисеевич покончил с собой в тюремных стенах. Реабилитировали его 14 июля 1955 года²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-397. Оп. 13. Д. 2746. Л. 1 об.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 1 об.

⁷ Лихачёв П.В. Эскадренные миноносцы типа «Новик» в ВМФ СССР. 1920—1955 гг. СПб.: Издатель Р.Р. Муниров, 2005. С. 45.

⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-397. Оп. 13. Д. 2746. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 7—8.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Российский государственный военный архив. Ф. 31. Оп. 7. Д. 33. Л. 176.

¹³ Там же. Л. 375.

¹⁴ Там же. Л. 253.

¹⁵ Там же. Л. 265.

¹⁶ Там же. Л. 274—276, 278.

¹⁷ Там же. Л. 302.

¹⁸ Там же. Л. 314—315.

¹⁹ Там же.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-397. Оп. 13. Д. 2746. Л. 11.

²¹ Горохов В.В., Мильбах В.С., Саберов Ф.К., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937—1938 гг. Черноморский флот. СПб.: Гангут, 2017. С. 252.

²² РГА ВМФ. Ф. Р-397. Оп. 13. Д. 2746. Л. 12.

²³ Там же. Ф. Р-363. Оп. 8. Д. 17. Л. 9.

²⁴ Горохов В.В., Мильбах В.С., Саберов Ф.К., Чураков Д.Р. Указ. соч. С. 252.

S.S. Bliznichenko

«PAPER CAPES ARE NOT A MEANS OF DEFENDING TROOPS...»

The fate of the engineer flagship 3rd rank N.M. Khayt

Information about author. Sergey Bliznichenko — assistant professor at the Department of transport structures, Kuban State Technological University, Cand. Sc. (Tech.) (city of Krasnodar. E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru).

Summary. The paper, based on archival documents, tells about the fate of one of the first Soviet naval commanders, chemical engineer flagship 3rd rank Nikolay Mikhaylovich Khayt. He was repressed in 1937 and later forgotten. The author follows the fighting path of this artillery commander of the Red Army on the fronts of the Civil War. He reveals his role in the creation of the Chemical Service of the Red Army Navy in 1930 and 1931. The paper also describes the large-scale scientific experiments conducted by the fleet's scientists-chemists to protect Soviet ships and naval bases from the chemical effects of a supposed enemy. These experiments included the development of their own chemical weapons.

Keywords: engineer-flagman 3rd class N.M. Khayt; chemical service; antichemical defense; chemical defense; toxic substances; Chemical Research Institute; Naval Forces of the Red Army.

«ДОСТАВИТЬ ЭТОМУ ОТДАЛЕННОМУ КРАЮ ПРОСВЕЩЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ»

Роль П.К. Эссена и П.П. Сухтелена в становлении Оренбургского Неплюевского военного училища
(1825—1834 гг.)

Сведения об авторах. Гордеев Юрий Михайлович — начальник Кемеровского президентского кадетского училища, кандидат педагогических наук, доцент (г. Кемерово. E-mail: ketpku_2@mail.ru);

Карпинец Алексей Юрьевич — научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, доцент кафедры истории России Кемеровского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Кемерово. E-mail: naukarpinets@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена характеристике ключевых моментов деятельности Оренбургского Неплюевского военного училища за 10-летний срок со дня его открытия 2 января 1825 года до конца 1834 года. Авторы стремились выявить динамику развития учреждения в первый десятилетний период его существования и определить эффективность его деятельности; сравнить Неплюевское училище с аналогичными военно-учебными заведениями страны; оценить нововведения начальника учреждения военного губернатора П.П. Сухтелена. В целом, по их мнению, первое 10-летие деятельности учебного заведения следует признать вполне успешным: были скомплектованы полноценные учебные классы, сформирован штат чиновников и учителей; учебно-воспитательный процесс обрёл прочную основу для дальнейшего развития училища в системе военно-учебных заведений империи. Уже в начале 1830-х годов Оренбургское училище заняло в ней достойное место, что положило начало процессу интеграции военно-образовательных учреждений европейской и азиатской частей России.

Ключевые слова: история России XIX века; история Южного Урала; военно-учебные заведения; Оренбургское Неплюевское военное училище; П.К. Эссен; П.П. Сухтелен.

Задуманный в 1801 году шефом 1-го кадетского корпуса П.А. Зубовым и поддержанный императором проект по организации военно-подготовительного учебного заведения в Оренбурге ожидал своего практического воплощения почти четверть века¹. Процесс основания учреждения растянулся на весь срок правления Александра I (1801—1825).

Руководствуясь просьбой императора, Н.Н. Бахметев организовал сбор с местного дворянства финансовых пожертвований в пользу его основания. Г.С. Волконский продолжил эту деятельность. Наконец, П.К. Эссен, имевший уже до-

статочно крупный «училищный капитал», выступил с конкретным проектом создания Азиатского Неплюевского училища³. Таким образом, упорство и настойчивость региональных руководителей привели к ожидаемому результату: 9 февраля 1824 года импера-

последовательными усилиями оренбургских военных губернаторов Н.Н. Бахметева (1798—1803), Г.С. Волконского (1803—1817), наконец, П.К. Эссена (1817—1830) к окончанию первой четверти XIX века в Оренбурге было основано Русско-азиатское военное училище, его положение и штат были утверждены в соответствии с имперскими законодательными нормами².

тором было утверждено «По-становление о Неплюевском училище»⁴.

Из запланированных в 1801 году П.А. Зубовым 17 губернских военно-учебных заведений в период правления Александра I были учреждены три: в 1801 году — в Туле, в 1802

году — в Тамбове, наконец, в 1824/25 гг. — в Оренбурге, что следует признать очень значимым событием для восточной части империи⁵. Так было положено начало военному образованию в этом важнейшем с точки зрения безопасности юго-востока Азиатской России — Южно-Уральском регионе. Выпускники Оренбургского училища отныне будут формировать офицерский, а также гражданский, в частности учительский и чиновничий, корпуса региона.

Значение основания Неплюевского училища сложно переоценить: если Санкт-Петербург был «окном в Европу», то Оренбург являлся «воротами в Среднеазиатскую степь»⁶. Не случайно именно в Оренбурге в 1757 году были установлены Елизаветинские ворота как символические «врата в Азию». В середине 1820-х годов здесь уже назревали контуры противостояния между Российской и Британской

империями в Средней Азии, которое вскоре развернётся и будет названо Большой игрой⁷. Неплюевское училище сыграет в ней свою заметную роль, а потому его создание следует считать делом необходимым, обоснованным, своевременным и дальновидным.

Оренбургское Неплюевское военное училище было открыто 2 января 1825 года. В то время оренбургским военным губернатором являлся П.К. Эссен. В соответствии с постановлением об учебном заведении военный губернатор становился его начальником. По ходатайству губернатора император утверждал директора как непосредственного управляющего училищем. Первым директором императорским указом был утверждён талантливый учёный, организатор, «величайший знаток народов Востока» Григорий Фёдорович Генс, который занимал эту должность с 1824 по

1832 год⁸. Именно с именами П.К. Эссена и Г.Ф. Генса связан важнейший этап основания и первых лет становления учебного заведения.

В соответствии с «Постановлением о Неплюевском училище» преподавание в нём учебных дисциплин распределялось на 6 лет, причём учащиеся разделялись на 3 класса: нижний, средний и верхний, по два года каждый. Первый набор составил, соответственно, нижний класс. В 1825 году он объединил 21 ученика: 15 казённокоштных, которые обучались за счёт средств учреждения, и 6 своекоштных, воспитывавшихся на средства их родственников. Впоследствии количество тех и других неизменно возрастало и в 1834 году, т. е. на десятый год деятельности учебного заведения, составило 76 человек: 40 казённокоштных и 36 своекоштных (27 пансионеров и 9 полупансионеров)⁹.

Оренбург. Елизаветинские ворота
Почтовая открытка. 1910 г.

Увеличение контингента учащихся с 1825 по 1828 год было связано с ростом числа казённокоштных учеников. Положительная динамика 1832—1834 гг. объясняется возрастанием численности своекоштных воспитанников, в основном пансионеров. На десятый год работы заведение, таким образом, приблизилось к плановым показателям, определённым постановлением от

первый набор, 16 были из Оренбургской губернии, один — из Лифляндской, четверо — из «Киргизской степи Оренбургского ведомства». Примерно аналогичное соотношение сохранялось и в последующие годы. Конфессиональная принадлежность воспитанников была таковой: представитель от Лифляндской губернии исповедовал лютеранство, 10 учащихся — православие,

сию в том, чтобы, во-первых, «способствовать сближению азиатцев с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству»; во-вторых, «доставить этому отдалённому краю просвещённых чиновников по разным частям военной и гражданской службы»¹³.

В период второй половины 1820-х годов несколько учеников по разным обстоятельствам покинули учебное заведение, один умер от брюшного тифа. Им на смену были приняты другие. В целом же прогрессивная динамика числа учащихся сохранялась всё рассматриваемое десятилетие до тех пор, пока учреждение не вышло на определённые показатели постановлением об учебном заведении. Соответственно повышению численности учеников увеличивался штат учителей и служащих, также возрастали расходы на содержание учебного заведения.

Ежегодный процентный доход от дачи в рост училищного капитала, превысившего к началу 1830-х годов сумму в 300 тыс. руб., тратился на обеспечение образовательного процесса. Остатки, образовывавшиеся от разницы между доходами и расходами училища, ежегодно присовокуплялись к нему. Стоит отметить, что капитал училища был одним самых значительных в сравнении с аналогичными учреждениями империи (см. табл.).

В момент открытия училища в 1825 году 21 воспитаннику преподавали 7 учителей¹⁴. К началу 1830-х годов 50 учеников обучали 10 преподавателей. Они совмещали преподавание с чиновными должностями. К примеру, учитель истории и географии занимал должность инспектора классов, учитель русского языка — делопроизводитель комитета учебного заведения, учитель европейских языков — гувернёра. В 1829 году должности казначея и библиотекаря были возложены на правителя

Таким образом, училище было интернациональным и видело свою миссию в том, чтобы, во-первых, «способствовать сближению азиатцев с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству»

9 февраля 1824 года, которым было предписано «содержать 40 воспитанников на счет доходов оному принадлежащих и столько же на счет родителей или родственников»¹⁰.

Ученики, русские и азиаты, в основном были из местных. Из 21 учащегося, составивших

10 — ислам. Из магометан: двое являлись сыновьями «киргизских»¹¹ (казахских) султанов, трое — детьми «киргизских» (казахских) старшин, трое — татар, один — башкир и один — мещеряк¹². Таким образом, училище было интернациональным и видело свою мис-

Таблица

Капиталы военно-учебных заведений 2-го класса

Место в рейтинге	Военно-учебное заведение	Капитал, тыс. руб.
1	Корпус Дворянского полка	927
2	Тульский корпус	492
3	Второй кадетский корпус	349
4	Оренбургское Неплюевское училище	304
5	Первый кадетский корпус	267
6	Царскосельский лицей	191
7	Пажеский корпус	186
8	Павловский корпус	141
9	Тамбовский корпус	103
10	Московский корпус	97
11	Александровский малолетний корпус	6

Составлена по: Отчёт о состоянии военно-учебных заведений за 1831 год. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 404. Л. 67—69.

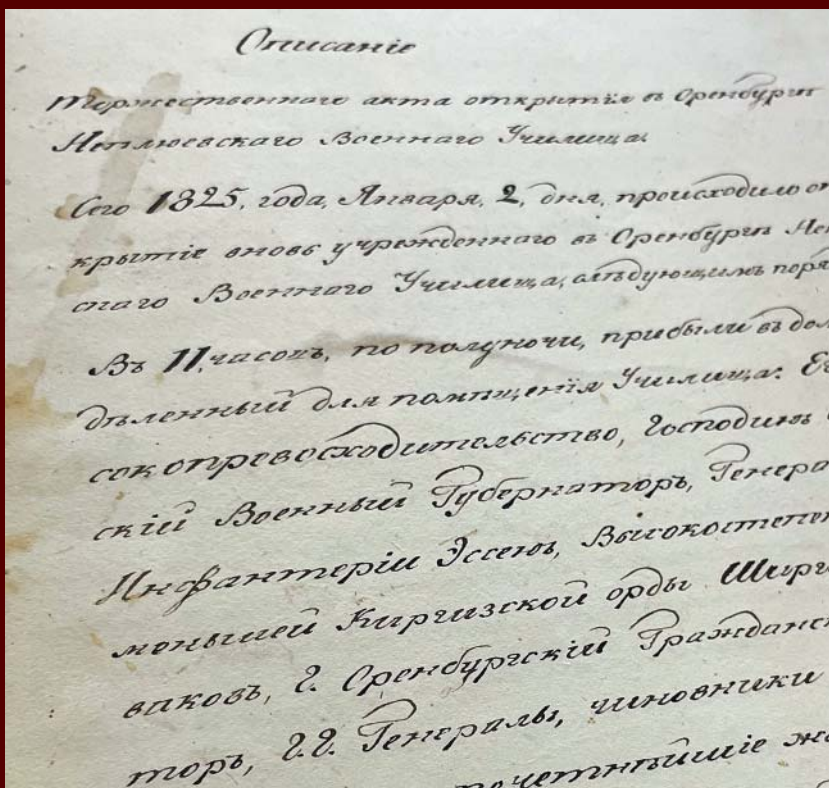
дел. Чиновникам и учителям в учебном процессе содействовали в качестве воспитателей служители из инвалидов, каковых к концу 1820-х годов в училище было 12, а также один фельдфебель¹⁵.

В качестве жалованья учителям было выдано: в 1825 году — 1720 руб. ассигнациями, в 1826 — столько же, в 1827 — 3540 руб., в 1828 — столько же, в 1829 — 5000 руб.¹⁶, в 1832 году — 6000 руб.¹⁷ Рост суммы жалованья определялся увеличением количества воспитанников, и, соответственно, возрастанием учебной нагрузки. В 1825—1826 гг. существовал только нижний 2-летний класс, в 1827 году был сформирован средний также 2-годичный класс, а в 1829 году — верхний. В начале 1831 года первые 9 выпускников покинули училище, успешно окончив его.

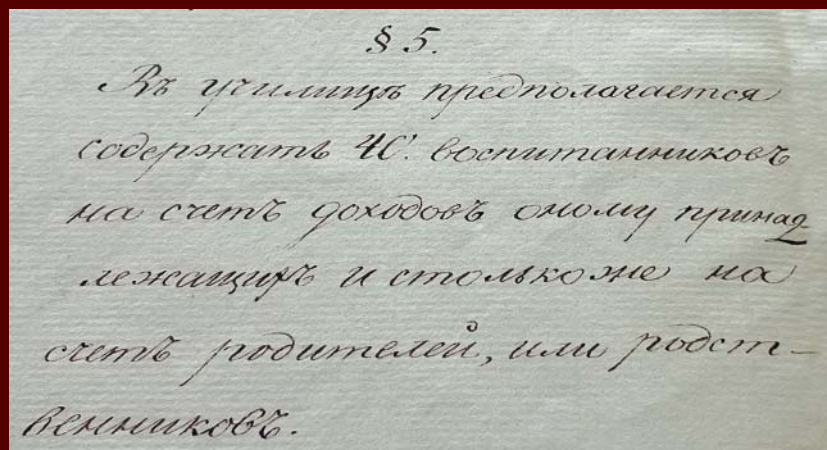
Характеризуя систему военно-учебных заведений Российской империи в период первой половины XIX века, можно выделить 2 этапа. 1-й пришёлся на правление Александра I и был связан с началом расширения географии учреждений, их основанием за пределами столиц — в Туле, Тамбове и Оренбурге. В качестве учебного заведения Сибирского казачьего войска в 1813 году было основано Омское войсковое казачье училище. Они дополнили ряд военно-учебных заведений, основанных в столицах начиная с Петра I.

2-й этап пришёлся на правление Николая I. К началу его правления в стране действовали с десятком подобного рода учреждений, не систематизированных и разрозненных. На долю Николая I, может быть, одного из самых педантичных правителей России, выпала задача приведения их в стройную централизованную систему с единообразными порядками и правилами.

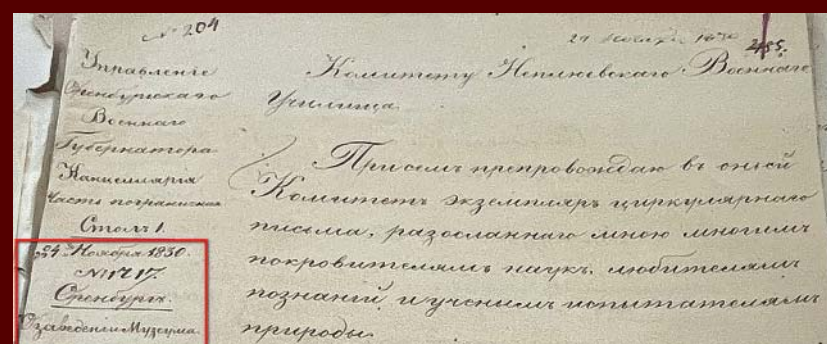
С этой целью в 1826 году был создан особый комитет во главе с помощником Николая I Карлом Ивановичем Опперманом.

Фрагмент описания торжественного акта открытия в Оренбурге Неплюевского военного училища
РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

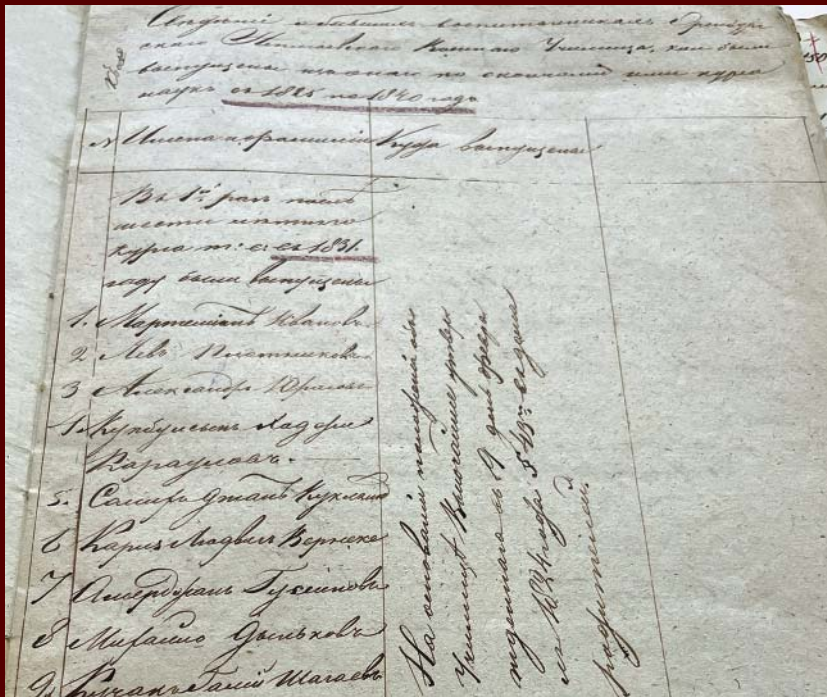

Фрагмент постановления о Неплюевском училище, утверждённого Александром I 9 февраля 1824 г.
РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 39 об.

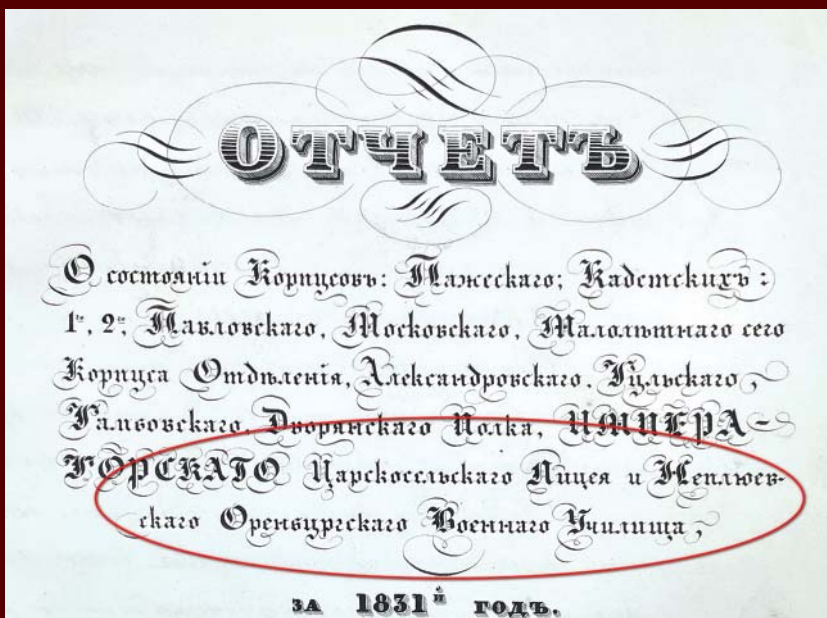

Фрагмент письма П.П. Сухтелена в Комитет училища от 24 ноября 1830 г. «О заведении музеума»
РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

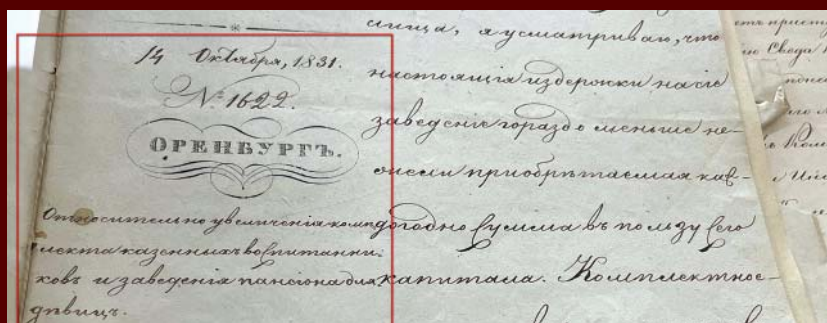

Фрагмент списка первых выпускников Неплюевского училища. 1831 г.
РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

Фрагмент титульного листа «Отчета о состоянии военно-учебных заведений Российской империи за 1831-й год»
РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 404. Л. 1.

Фрагмент письма П.П. Сухтелена в Комитет училища от 14 октября 1831 г. «О заведении пансиона для девиц»
РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

Главным достижением комитета стало утверждение в 1830 году разработанного им Устава для военно-учебных заведений 2-го класса, регламентировавшего и унифицировавшего их деятельность. К второклассным военно-учебным заведениям было отнесено и Оренбургское Неплюевское военное училище (далее — ОНВУ)¹⁸.

ОНВУ к 1830 году функционировало уже 5 лет. В начале 1830-х годов, приняв к руководству положения устава, оно фактически влилось в замечательную семью престижнейших учебных заведений России, среди которых значились следующие учреждения — кадетские корпуса: Пажеский, 1-й кадетский, 2-й кадетский, Павловский, Московский, Малолетнее отделение Московского корпуса, Александровский, Тульский, Тамбовский, корпус Дворянского полка, а также Императорский Царскосельский лицей и Оренбургское Неплюевское военное училище. Для учебных заведений, действовавших в соответствии с указанным уставом, была разработана унифицированная форма отчёта. Он ежегодно утверждался Советом о военно-учебных заведениях, созданным в 1805 году и являвшимся главным органом управления ими.

Первый такой отчёт поступил в Совет в 1832 году и содержал отчётные сведения за 1831 год. Впервые с указанного года мы имеем возможность сопоставительно-сравнительного анализа ОНВУ с перечисленными учреждениями. Отчёт формировался по ряду показателей, в частности: воспитание физическое и нравственное, воспитание умственное (обучение), хозяйственно-управленческая часть.

Одним из важнейших витальных факторов физического воспитания учащихся являлось их питание. Как указывалось в уставе, «пища должна быть проста, питательна и удобоварима, жирное и

неудобоваримое кушанье воспрещается». Во всех военно-учебных заведениях в соответствии с предписаниями устава «в обед давали три кушанья, а в ужин два».

Завтраки несколько различались. В Пажеском корпусе и Царскосельском лицее воспитанникам по утрам полагался чай с булкой. В Александровском корпусе зимой — габерсуп или тёплое молоко, летом — холодное молоко с булкой. В Тамбовском и Тульском корпусах, в ОНВУ — сбитень. В остальных военно-учебных заведениях воспитанники на завтрак получали ржаной хлеб с солью. В отчёте отмечалось, что везде пища была умеренная, но сытная и свежая.

Другим важнейшим фактором физического воспитания была гигиена тела. В ОНВУ имелась собственная баня, которую воспитанники посещали раз в 1–2 недели в зависимости от обстоятельств. При Пажеском корпусе и при Дворянском полку в 1831 году собственной бани не было. Для пажей заказывалась общественная платная баня в дни, свободные от посетителей. «Дворяне» пользовались баней 2-го кадетского корпуса.

Следующим значимым фактором воспитания и обучения являлись помещения классов и спален. Прежде всего они должны были быть просторны. Данному критерию вполне соответствовали лишь два учебных заведения: Царскосельский лицей и ОНВУ. Первое — благодаря размерам здания, второе — в силу недокомплекта воспитанников. Здание ОНВУ было рассчитано на 80 воспитанников, в то время как в 1831 году в нём обучались 50. Помещения всех остальных учреждений были в той или иной мере тесны. Например, в Пажеском корпусе — вследствие перекомплекта воспитанников, так же, как и в 1-м и 2-м кадетских корпусах. Классы корпуса Дворянского полка размещались в ветхом

деревянном доме и, естественно, были тесны, зимой ещё и холодны. Почти везде требовалось устранение указанного дискомфорта за счёт постройки новых, современных зданий. В корпусе Дворянского полка, Тульском и Тамбовском корпусах, а также в ОНВУ отсутствовали специально оборудованные рекреационные залы, где воспитанники проводили бы время между уроками.

эти помещения освободились и использовались в качестве пространства для отдыха и подготовки к урокам. Как и при Тульском, и Тамбовском корпусах при ОНВУ не было собственной церкви. Учащиеся посещали местные приходские церкви, а магометане ОНВУ — мечеть.

Также при Неплюевском училище в начале 1830-х годов не было ни собственного

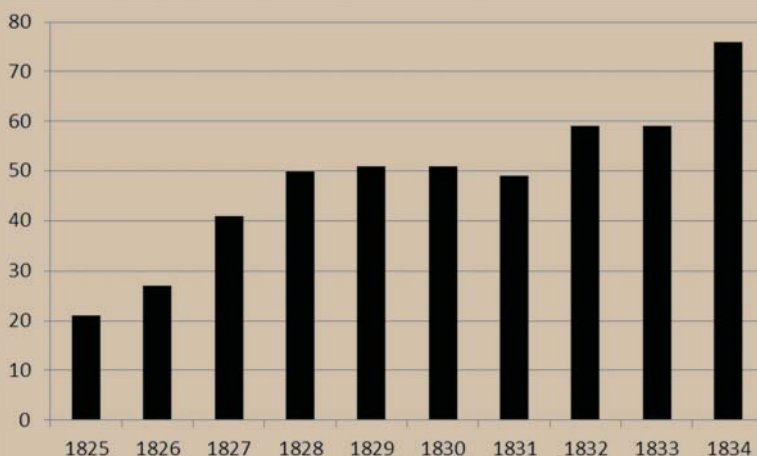
В начале 1830-х годов возникла идея создания в ОНВУ двух отделений: европейского — с изучением немецкого и французского языков и азиатского — с освоением татарского, арабского и персидского

В ОНВУ под залы рекреации, правда, были приспособлены две комнаты, первоначально предназначавшиеся для питания азиатов, которые, однако, предпочли столоваться совместно с русскими, потому

лазарета, ни изолятора, и его воспитанники пользовались услугами Оренбургского военного госпиталя. Медики приглашались в учебное заведение по мере необходимости. Для игр и прогулок учеников

Диаграмма 1

Динамика численности воспитанников Оренбургского Неплюевского военного училища за период 1825–1834 гг.

Составлена по: РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 51. Л. 5–10.

Литографический портрет
основателя Оренбурга
И.И. Неплюева

П.А. Зубов
Художник И.Б. Лампи
Третьяковская галерея

Император Александр I
Неизвестный художник
Государственный Эрмитаж

ОНВУ предназначался двор учреждения, где был заложен училищный сад. К их услугам также был сад, прилегавший к дому военного губернатора; кроме того, местом прогулок и подвижных игр служила роща, находившаяся в полуверсте от учебного заведения. Ни полноценной библиотеки, где могли бы заниматься учащиеся, ни музея, ни специального кабинета для занятий ОНВУ в 1831 году не имело.

Распорядок дня был одинаков для всех военно-учебных заведений 2-го класса с незначительными различиями в некоторых из них. В 6.00 воспитанники просыпались, умывались, одевались, молились, затем завтракали. С 7.00 до 11.00 учились в классах. С 11.00 до 13.00 занимались подвижными играми. В 13.00 был обед из трёх блюд. С 15.00 до 18.00 снова обучались в классах. С 18.00 до 20.00 повторяли уроки. В 20.00 был ужин из двух блюд, в 10-м часу вечера ложились спать.

Не во всех военно-учебных заведениях были такие специфичные, но значимые для кадет предметы, как фехтование, танцы и верховая езда. В Оренбургском училище в начале 1830-х годов из-за отсутствия учителей не было ни фехтования, ни танцев, но зато была верховая езда, которой обучали только в ОНВУ, Пажеском, 1-м и 2-м кадетских корпусах. Пажи обучались верховой езде в придворном манеже. Также в Царскосельском лицее, Тамбовском корпусе и ОНВУ отсутствовали фронтальные учения. Учащиеся почти всех военно-учебных заведений, в том числе и ОНВУ, в воскресные и праздничные дни отпускаясь домой, а оставшиеся в заведениях утром посещали церковное богослужение, в остальное же время занимались играми¹⁹.

Как и было определено Уставом для военно-учебных заведений 2-го класса, учебный процесс в ОНВУ разбивался на 3 класса: нижний, средний и

верхний по два года каждый. Это не было новшеством для учреждения, поскольку такое разделение учебного процесса было определено постановлением об училище от 9 февраля 1824 года²⁰. Таким образом, к 1831 году в ОНВУ фактически подводились первые итоги обучения, поскольку курс был 6-летним. Результаты были по ряду показателей неутешительными. Первый выпуск состоялся в начале 1831 года в количестве 9 воспитанников. Некоторые из них, например Мартиниан Иванов, Салихджан Кукляшев, Лев Плотников, продемонстрировали блестящие успехи, которые были определены скорее талантливостью учеников. В целом же итоги учебного процесса были довольно посредственными.

Причинами этого был ряд факторов. Во-первых, в ОНВУ не было подготовительного отделения, и ученики поступали с очень разным уровнем знаний: русские были готовы лучше, азиаты — хуже, но и среди русских была высока степень дифференциации по уровню первоначальной выучки. Во-вторых, русские и азиаты учились совместно. Обучались 6 языкам, на которые отводилось довольно много часов. Нижний класс являл собой нечто вроде языковой школы. В этой связи уже в начале 1830-х годов возникла идея создания в ОНВУ двух отделений: европейского — с изучением немецкого и французского языков и азиатского — с освоением татарского, арабского и персидского. Проект нового устава ОНВУ был представлен военным губернатором П.П. Сухтеленем на рассмотрение Совету военно-учебных заведений в 1832 году.

Командир отдельного Оренбургского корпуса, непосредственный участник многочисленных войн периода 1805—1829 гг. генерал-лейтенант Павел Петрович Сухтелен являлся оренбургским военным губернатором, а по должности и начальником

ОНВУ с 21 апреля 1830 года. 20 марта 1833 года в возрасте 44 лет он скоропостижно скончался в Оренбурге²¹. Период его губернаторства был непродолжительным, но ярким и насыщенным неординарными событиями в становлении ОНВУ. Именно на это короткое время пришёлся целый ряд эпизодов, определивших всё последующее развитие не только учебного заведения, но и всего Оренбуржья. К примеру, в ноябре 1830 года в циркулярном письме П.П. Сухтелен обратился ко всем заинтересованным лицам с проектом создания «музеума» Неплюевского училища.

Одно из таких писем, датированное 24 ноября 1830 года и адресованное комитету учебного заведения, объясняло «желание [Сухтелена] при Училище устроить Музеум для сосредоточения всяких предметов, служить могущих к развитию юношества и к общей пользе распространения наук»²². Современный Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей ведёт своё начало именно с этой даты²³.

П.П. Сухтелен мыслил распределение в нём предметов по двум главным отделениям: 1) естественная история; 2) искусство и промышленность. Кроме того, он полагал концентрировать в «музеуме» «всякие древние и иностранные монеты, книги, особенно рукописные, картины, карты, предметы поучительные, любопытные и полезные»²⁴. Размещая «музеум» в училище, он тем не менее надеялся, что тот будет не узковедомственным, но общегражданским универсальным учреждением²⁵.

Денежные средства на организацию музея были выделены из бюджета канцелярии военного губернатора. Для размещения экспонатов была отведена одна из училищных зал. Первоначально «устроителем и смотрителем» музея был назначен чиновник коллегии иностранных дел, помощник

П.П. Сухтелена Шангион Гартинг²⁶, но он не был специалистом, поэтому 25 января 1831 года Сухтеленом «устроителем музеума при Неплюевском военном училище» был определён увлечённый просвещением политический ссыльный Томаш Зан. С этого времени предметы стали поступать в музей регулярно, и Зан со свойственными ему трудолюбием и скрупулёзностью принялся за работу.

Другой инициативой энергичного начальника стала идея основания при Неплюевском военном училище девичьего отделения. В письме комитету училища, датированному 14 октября 1831 года, Сухтелен рассуждал «относительно заведения [в Оренбурге] пансиона для девиц». Он доказывал значимость основания «при Неплюевском училище пансиона для воспитания и обучения девиц, дочерей военнослужителей и бедных чиновников наукам и рукоделию, приняв в основание существующие положения о подобных заведениях в столицах».

Потребность учреждения девичьего учебного заведения он обосновывал следующим образом: «Женский пол в Оренбургской губернии лишен способов к приобретению познания в науках и рукоделии, отчего многих недостаточных семейств нижнего класса девицы принужденными находятся приобретать пропитание средствами постыдными и соделываются бесполезными как для общественной, так и для семейной жизни, между тем как в рукоделиях всякого рода ощутительный недостаток». Таким образом Оренбургский военный губернатор, содействуя своему соратнику и коллеге Оренбургскому гражданскому губернатору, намеревался предотвратить негативные социальные явления, такие как бедность и проституция, и одновременно частично решить вопросы экономического развития вверенной ему губернии.

Г.С. Волконский
Художник В.Л. Боровиковский
Псковский музей-заповедник

П.К. Эссен
Художник Дж. Доу
Военная галерея Зимнего дворца
в Государственном Эрмитаже

Николай I Павлович
Художник Е.И. Ботман
Государственный Эрмитаж

П.П. Сухтелен, кроме того, в указанном письме предлагал директору училища Г.Ф. Генсу рассмотреть возможность увеличения численности учащихся Неплюевского училища, пребывавших на казённом содержании. Павел Петрович как будто очень спешил, рекомендовав комитету училища свои соображения «по сему предмету донести немедленно». Более месяца спустя, 20 ноября, по всей видимости, после долгих раздумий коми-

отметив: «Увеличить число воспитанников на казенном содержании в таком случае, увы, невозможно, ибо на все сие не будет достаточной суммы». Рапорт был подписан директором ОНВУ Г.Ф. Генсом. Таким образом, директор, по сути дела, ставил Сухтелена перед выбором: либо развивать существовавшее военно-учебное заведение, либо вкладываться в совершенно новое за пределами столиц учреждение, не до конца понятное, тем

недвусмысленно он намекнул об этом губернатору в своём рапорте, однако не таков был участник войн с Францией, Швецией, Турцией и Персией, чтобы отступить от намеченной цели и не выйти победителем. 28 ноября 1831 года П.П. Сухтелен представил всеподданнейший доклад об увольнении Генса с должности директора ОНВУ, который был императором удовлетворён.

Г.Ф. Генс не был обижен, будучи назначенным попечителем учебного заведения с оставлением ему ежегодного «директорского» жалования в размере 1350 руб. Новым директором был назначен капитан инженерного корпуса Константин Демьянович Артюхов. «Дабы ознакомиться с порядком и устройством находящихся там учебных заведений», он был командирован Сухтеленом в Москву²⁷.

Дело с созданием на базе ОНВУ девичьего отделения решилось удивительно быстро. Если с момента возникновения идеи учреждения Неплюевского училища в 1801 году до её практической реализации в 1824 году минула почти четверть века, то в случае с его девичьим филиалом — считанные месяцы. 14 октября 1831 года Сухтелен высказал эту идею, а 25 апреля 1832 года «Постановление об особенном Отделении для воспитания детей женского пола при Неплюевском военном училище» было утверждено Николаем I²⁸. 6 декабря того же года Оренбургское девичье училище было торжественно открыто²⁹.

Скорому решению вопроса вполне может быть способствовало образование в 1828 году IV отделения Собственной ЕИВ канцелярии, в ведомство которого перешли учреждения, созданные и покровительствованные матерью Николая I Марией Фёдоровной³⁰. Среди ряда социальных и благотворительных, учебных заведений в нём преобладали женские. Все они с 6 декабря 1828 года пе-

25 апреля 1832 года «Постановление об особенном Отделении для воспитания детей женского пола при Неплюевском военном училище» было утверждено Николаем I

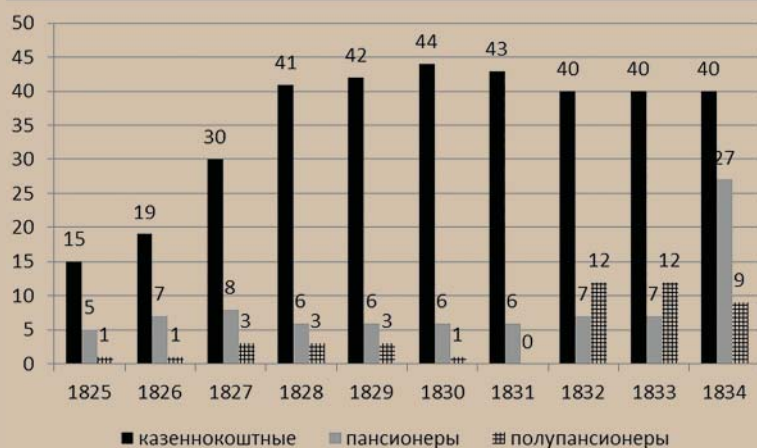
тет рапортовал губернатору о возможности «отделить на содержание сего пансиона [девичьего] в год от 3000 до 5000 рублей», одновременно

более никак не свойственное военному ведомству.

Можно только догадываться о том, как настороженно отнёсся Г.Ф. Генс к этой идее и как

Диаграмма 2

Динамика численности категорий воспитанников
Оренбургского Неплюевского военного училища за период
1825—1834 гг.

Составлена по: РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 51. Л. 5—10.

решили в ведение императрицы Александры Фёдоровны, супруги Николая I³¹.

В 1831 году император распорядился «чтобы по всем предметам, касающимся управления частями нравственной и учебной, докладывалось предварительно Государыне Императрице, а по части хозяйственной — непосредственно Его императорскому величеству»³². Соответствующее разделение обязанностей, по всей видимости, и способствовало ускорению утверждения инициатив по развитию дополнительного, в том числе женского, образования. Сухтелен, безусловно, был осведомлён об этом и не упустил открывшихся возможностей.

В заключение следует сказать, что период деятельности Оренбургского Неплюевского военного училища с 1825 по 1834 год крайне важен. Оно открылось 2 января 1825 года, когда его начальником был военный губернатор П.К. Эссен; в 1831 году состоялся первый выпуск из учреждения, а в 1834 году, на 10-й год после основания, оно вышло на плановые показатели набора воспитанников.

В те годы был укомплектован полный набор классов (нижний, средний и верхний), сформирован штат чиновников, учителей и нижних чинов. Стабильность финансового обеспечения учреждения способствовала его развитию. В начале 1830-х годов Неплюевское училище было

отнесено к военно-учебным заведениям Российской империи 2-го класса, оказавшись в одной категории с 1-м и 2-м, Пажеским, другими кадетскими корпусами страны. Таким образом, было обеспечено начало процесса интеграции южноуральского военно-учебного заведения в систему кадетских корпусов Российской империи.

С самого начала военные губернаторы, бывшие по должности начальниками учреждения, занимали самую активную позицию в отношении его основания, становления и развития. Не стал исключением и П.П. Сухтелен, бывший начальник училища непродолжи-

тельный период 1830—1833 гг. Он дальновидно приступил к реализации целого ряда стратегических инициатив, способствуя преобразованию учебного заведения из специализированного военного училища в образовательный и культурный центр Оренбуржья как форпоста продвижения и закрепления Российской империи в Среднеазиатском регионе.

Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ угля и углехимии Сибирского отделения РАН (проект АААА-А21-121011590011-2 0286-2024-0023).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зубов П.А. Проект о военных училищах // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 9—35. Делопроизводственные письма: Александр I — П.А. Зубову. 15 августа 1801 года. Александр I — И.М. Бегичеву. 15 августа 1801 года // Там же. Л. 36—39 об.

² Севастьянов С.Н. Князь Г.С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву — кадетского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса // Труды Оренбургской учёной

архивной комиссии (ОУАК). Вып. III. Оренбург: Типолитография губернского правления, 1897. С. 1—56; Матвиевская Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. М.: Издательский дом Академии естествознания, 2016. С. 7—11. Семенов В.Г., Семенова В.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2017. С. 18—25.

³ Рескрипт Александра I на имя Оренбургского военного губер-

натора Бахметева об открытии в Оренбурге дворянского военного училища // Архив бывшего оренбургского генерал-губернаторского управления. Вып. I. Оренбург, 1889. Прил. С. XXVII—XXIX. РГВИА. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 179, 179 об.; Всеподданнейший рапорт гражданского губернатора Оренбургской губернии А.А. Врасского от 4 марта 1802 года. Там же. Л. 105, 105 об.; Всеподданнейший рапорт И.М. Бегичева от 30 июня 1802 года // Там же. Л. 134 об., 211—229; Список особам,

сделавшим пожертвование на заведение в Оренбурге училища для всех казаков, башкирцев и прочих азиатцев // Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 25. Л. 13; Рапорт Волконского Константину Павловичу от 23 октября 1806 года // Там же. Л. 2, 3; Совет о военных училищах князю Волконскому от 10 февраля 1807 года // Там же. Л. 19, 20; Волконский графу Петру Васильевичу // Там же. Л. 26—29 об.

⁴ Указ его императорского величества «Об учреждении в Оренбурге Неплюевского военного училища» // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 26; Постановление о Неплюевском училище // Там же. Л. 39; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание I. Т. 39. 1824. Закон 29770. СПб., 1830. С. 50.

⁵ Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700—1910. М., 1910. С. 10.

⁶ Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. Ташкент, 1985. С. 13, 14.

⁷ Южаков С.Н. Англо-русская распря: небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб., 1885. С. 88—99.

⁸ Указ его императорского величества о назначении Г.Ф. Генса директором Неплюевского училища // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 20. Севастьянов С.Н. Григорий Фёдорович Генс // Труды ОУАК. Выпуск XIX. Оренбург, 1907. С. 161.

⁹ РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 51. Л. 5—10.

¹⁰ Постановление о Неплюевском училище. 9 февраля 1824 г. // Там же. Д. 1. Л. 39 об.

¹¹ Термином «киргизы» в то время называли не только собственно киргизов, но и казахов (Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. II. СПб.: типография Карла Крайя, 1832. С. 1—2). Здесь и далее в статье речь идёт именно о казахах. Мы, сохраняя историческую терминологию, акцентируем внимание на том, что повествование ведётся о казахах.

¹² РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

¹³ Митурич В.П. Записка о главных изменениях, которым подвергались Оренбургское Неплюевское военное училище и Оренбургский Неплюевский кадетский корпус от основания до 1 сентября 1866 года // Там же. Ф. 725. Оп. 53. Д. 3989. Л. 82.

¹⁴ Письмо комитета Оренбургского Неплюевского военного училища в канцелярию Совета о военных училищах от 29 марта 1826 года // Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 167. Л. 1; Переписка П. Эссена и Г. Генса по кадровым вопросам. 4 ноября 1824 — 16 ноября 1826 годов // Там же. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—43; Формулярные списки служащих Оренбургского военного училища за 1825—1829 годы // Там же. Д. 5. Л. 1—29.

¹⁵ Там же. Д. 19. Л. 1—11.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Д. 10. Л. 8.

¹⁸ Отчёт о состоянии военно-учебных заведений за 1831 год // Там же. Ф. 725. Оп. 56. Д. 404. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 1—25.

²⁰ Постановление о Неплюевском училище. 9 февраля 1824 г. // Там же. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 44, 45.

²¹ Управление Оренбургского военного губернатора (Канцелярия)

Комитету Неплюевского военного училища 21 марта 1833 года // Там же. Д. 9. Л. 14.

²² Управление Оренбургского военного губернатора (Канцелярия) Комитету Неплюевского военного училища 24 ноября 1830 года // Там же. Д. 15. Л. 1.

²³ История Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея // <http://ogikm.ru/istoriya-muzeya> (дата обращения: 09.12.2023).

²⁴ Проспект предметам, должествующим войти в состав коллекции Музеума при Неплюевском училище // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

²⁵ Управление Оренбургского военного губернатора (Канцелярия) Комитету Неплюевского военного училища 24 ноября 1830 года // Там же. Л. 1.

²⁶ Управление Оренбургского военного губернатора (Канцелярия) Комитету Неплюевского военного училища 29 декабря 1830 года // Там же. Л. 6.

²⁷ Там же. Д. 21. Л. 1—6.

²⁸ ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VII. 1832. Закон 5304. СПб., 1833. С. 210—213.

²⁹ Рапорт П.П. Сухтелена императрице Анне Фёдоровне. 7 ноября 1832 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1832. Л. 4.

³⁰ ПСЗ РИ. Собрание II. Т. III. 1828. Закон 2381. СПб., 1830. С. 949.

³¹ Там же. Закон 2490. С. 1089.

³² Селезнев И. Пятидесятилетие IV отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1887. С. 48.

Yu.M. Gordeev, A.Yu. Karpinets

«DELIVERY TO THIS REMOTE COUNTRY ENLIGHTENED OFFICIALS»

The role of P.K. Essen and P.P. Sukhtelen in the formation of the Orenburg Nephlyuev Military School (1825—1834)

Information about authors. Yuri Gordeev — the head of the Kemerovo Presidential Cadet School, Cand. Sc. (Ped.), associate professor (city of Kemerovo. E-mail: kempku_2@mail.ru);

Aleksey Karpinets — researcher at the Laboratory of History of Southern Siberia at the Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, associate professor at the Department of History of Russia at the Kemerovo State University, Cand. Sc. (Hist.), associate professor (city of Kemerovo. E-mail: naukarpinets@mail.ru).

Summary. The article is devoted to characterizing the key moments of the activities of the Orenburg Nephlyuev Military School for a ten-year period from the date of its opening on January 2, 1825 to the end of 1834. The authors sought to identify the dynamics of the development of the institution in the first ten-year period of its existence and determine the effectiveness of its activities; compare the Nephlyuev School with similar military educational institutions in the country; evaluate the innovations of the head of the institution, military governor P.P. Sukhtelen. In general, in their opinion, the first 10 years of activity of the educational institution should be considered quite successful: full-fledged classrooms were completed, a staff of officials and teachers was formed. The educational process acquired a solid basis for the further development of the school in the system of military educational institutions of the empire. Already in the early 1830s, the Orenburg School took its rightful place in it, which marked the beginning of the process of integration of military educational institutions in the European and Asian parts of Russia.

Keywords: history of Russia in the 19th century; history of the Southern Urals; military educational institutions; Orenburg Nephlyuev Military School; P.K. Essen; P.P. Sukhtelen.

«ДОЛГ НАШИХ ИСТОРИКОВ — СВОИМИ РАБОТАМИ ВОСПИТЫВАТЬ... ГЛУБОКОЕ УВАЖЕНИЕ... К НАШИМ СЛАВНЫМ ПРЕДКАМ, ЗАЩИЩАВШИМ РОДНУЮ ЗЕМЛЮ»

В 2022 году исполнилось 80 лет с начала деятельности Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (АН СССР). Сотрудники этого учреждения внесли существенный вклад в дело выявления и сохранения историко-культурного наследия военных лет. Однако до последнего времени история самого филиала не привлекала внимания исследователей.

В последние годы история Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. стала объектом общественно-политических и научных дискуссий, часто ориентированных на пересмотр и переоценку фактов, процессов, результатов этой трагедии. Актуальными становятся изучение формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне, анализ механизмов сохранения историко-культурного наследия военных лет. Особенное значение имеют исследования практик периода Великой Отечественной войны, характеризующих начальный этап деятельности отечественных историков, направленной на обеспечение научной базы истории военного времени.

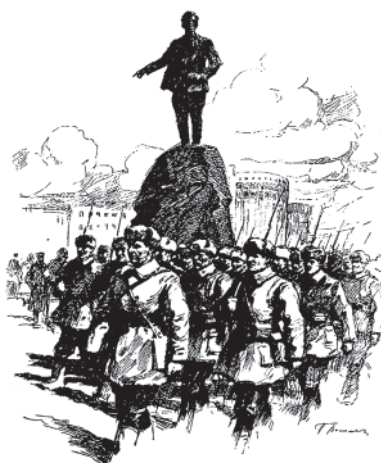
Необходимость сохранения исторической памяти о героизме советского народа была осознана в среде партийно-политического руководства СССР уже в первый период войны. В декабре 1941 года по инициативе члена-корреспондента АН СССР И.И. Минца (1896—1991) была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны (декабрь 1941 — декабрь 1945 г.) в составе АН СССР. Цель деятельности Комиссии заключалась в сохранении исторической памяти о военном времени. Председателем этой структуры был начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров (1908—1961), заместителем и фактическим организатором работы — И.И. Минц.

Нужно отметить, что после начала войны историко-патриотический компонент стал играть важную роль в советской пропаганде при поддержке на самом высоком уровне. Историческую обусловленность победы над гитлеровской

Германией отметил И.В. Сталин в радиовыступлении 3 июля 1941 года, а на параде 7 ноября 1941 года он назвал русских полководцев прошлого примерами героического сопротивления внешним врагам.

На общем собрании АН СССР в Свердловске (3—8 мая 1942 г.) Г.Ф. Александров в программном докладе «Отечественная война советского народа и задачи общественных наук» (4 мая) указал, что к приоритетным направлениям исследований советских историков относятся выявление и публикация материалов по истории Великой Отечественной войны. По его словам, «долг наших историков — своими работами воспитывать чувство советского патриотизма, глубокое уважение к героическому прошлому народов СССР, к нашим славным предкам, за-

УРАЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ КОМИССИИ
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР: АРХИВНЫЙ ФОНД,
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДОКУМЕНТЫ

Обложка книги

щищавшим родную землю от иноземных работников» (с. 7).

В 1942 году Комиссия инициировала открытие структурных подразделений в нескольких союзных республиках и ряде областей РСФСР. Одним из первых был открыт Уральский филиал Комиссии в Свердловске. До последнего времени в историографии о нём имелись лишь краткие сведения.

Целью презентуемой нашим читателям книги* стало представление истории создания и деятельности Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Она подготовлена к изданию авторским коллективом в составе: А.В. Шаманаев, В.В. Каплюков, Е.И. Яркова, А.С. Мохов и К.Р. Капсалькова. Как отмечают её авторы, И.И. Минц изначально ориентировал работу комиссии на выявление и сохранение тех источников, которые обычно не откладываются в государственных архивах, — материалы личного происхождения рядовых участников исторических событий, интервью, воспоминания и др. (с. 9, 10).

Уральский филиал Комиссии по истории Великой Отечественной войны стал центром деятельности по сохранению историко-культурного наследия военного времени в Уральском регионе. Его сотрудники вели работу по выявлению и сохранению исторических источников, уделяя особое внимание материалам личного происхождения, публицистике, фольклору военного времени, разработке методических рекомендаций по выявлению и сохранению историко-культурного наследия Великой Отечественной войны. Им удалось привлечь к работе представителей различных учреждений и организаций тыла, военнослужащих Красной армии, участников краеведческого движения. Деятельность филиала оказала влияние на музейно-исследовательские представления и практики формирования коллекций материалов периода Великой Отечественной войны.

Сотрудники Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны принимали активное участие в общественно-политической и культурной жизни военного времени. Так, 23 апреля 1942 года в актовом зале Уральского индустриального института состоялся торжественный вечер в память 700-летия разгрома немецких захватчиков на Чудском озере. Со вступительным словом к собравшимся обратился академик В.П. Волгин, с докладами выступили В.В. Данилевский («1242—1942

гг.») и А.А. Введенский («Александр Невский и его эпоха»). В военные годы В.В. Данилевский опубликовал серию работ с выраженным агитационно-пропагандистским содержанием (газетные публикации, историко-биографические очерки, историко-публицистические эссе). Их объединяют идеологическая направленность, историко-патриотические идеи, широкое привлечение исторических источников. В своих работах учёный высказывал уверенность в неизбежности разгрома агрессора, подтверждённую «всем предшествующим ходом истории», воплощением которого на том этапе являлась героическая борьба советского народа (с. 11).

Особое внимание в представляемой работе уделено обзору источников, отложившихся в Фонде № 520 Центра документации общественных организаций Свердловской области (г. Екатеринбург). Среди них — делопроизводственные документы (служебные записки, сметы, штаты, планы работы, отчёты и др.); инструкции по выявлению и сохранению исторического наследия Великой Отечественной войны; интервью, воспоминания, художественные тексты и т. д. участников боевых действий и тружеников тыла.

Отдельная глава книги посвящена вкладу Уральского филиала Комиссии в сохранение исторической памяти об эвакуации, размещении и работе в Свердловске учреждений культуры на примере Полтавского литературно-мемориального музея В.Г. Короленко.

Значительная часть данной монографии — документы, характеризующие деятельность Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР. Среди них — стенограммы совещаний, организованных филиалом или при его участии; инструктивно-методические материалы по выявлению и сохранению исторического наследия военного времени; отчёты учреждений; интервью и мемуары современников.

Документы впервые вводятся в научный оборот.

Издание адресовано историкам, архивистам, всем интересующимся историей Великой Отечественной войны. Предпринятый авторами предварительный анализ документов, отложившихся в фонде Уральского комиссии по истории Великой Отечественной войны, позволяет рассматривать их как важный источник изучения военной истории и истории науки не только на Урале, но и в стране в целом.

Несомненно, публикуемые в книге многочисленные инструкции и программы по выявлению и сбору исторических материалов (для краеведов, на предприятиях, в организациях и учреждениях, в вузах, школах и даже на детских площадках) актуальны для учёта в работе по организации обобщения исторического опыта Специальной военной операции.

* Уральский филиал Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: архивный фонд, деятельность, документы: монография / науч. ред. А.С. Мохов, А.В. Шаманаев; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. у-нт. Екатеринбург: Изд-во Урал-ун-та, 2024. 292 с.

ИЮЛЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

5 июля 1944 года, 80 лет назад, войска 2-го Белорусского фронта начали Белостокскую наступательную операцию. В ходе операции (завершена 27 июля) уничтожены 4 дивизии противника, освобождена территория площадью около 30 тыс. кв. км.

7 июля – День воинской славы России. День победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении (1770 г.).

10 июля – День воинской славы России. День победы русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении (1709 г.).

13 июля 1944 года, 80 лет назад, началась Львовско-Сандомирская наступательная операция войск 1-го и части сил 4-го Украинских фронтов.

17 июля 1944 года, 80 лет назад, через Москву в лагерь для военнопленных были проконвоированы 19 генералов, более 600 офицеров и 57,6 тыс. солдат и унтер-офицеров вермахта. Шествие по Ленинградскому шоссе, улице Горького и Садовому кольцу продолжалось более трёх часов.

19 июля 1944 года, 80 лет назад, от нацистской оккупации была полностью освобождена Калининская (Тверская) область.

23 июля 1944 года, 80 лет назад, от нацистской оккупации был освобождён г. Псков. 27 августа 2021 года Псковский областной суд признал геноцидом зверства нацистов во время Великой Отечественной войны: с июля 1941 по август 1944 года на территориях Псковской и Великолукской областей были преднамеренно уничтожены более 75 тыс. мирных советских граждан, более 377 тыс. военнопленных, насильственно угнаны на принудительные работы более 192 тыс. граждан СССР.

23 июля 1944 года, 80 лет назад, советские войска первыми подошли к нацистскому лагерю Майданек, расположенному возле польского города Люблин. Захваченные врасплох таким быстрым наступлением, гитлеровцы попытались скрыть свидетельства массовых убийств, уничтожив лагерь. Персонал лагеря поджёг огромный крематорий, использовавшийся для сжигания тел убитых узников, однако из-за поспешной эвакуации газовые камеры остались нетронутыми. Майданек считался одним из наиболее ужасных и одновременно прибыльных концлагерей СС. Здесь массово убивали газом «Циклон Б», эксплуатировали и доводили до смерти советских военнопленных, угнанных в рабство граждан различных стран. Всего в лагере смерти фашистами были уничтожены свыше 360 тыс. человек.

24 июля 1904 года, 120 лет назад, родился Н.Г. Кузнецов, Адмирал Флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1945). В ВМФ – с 1919 года. Участник Гражданской войны. С 1934

Н.Г. Кузнецов

года – командир крейсера. В 1936–1937 гг. – военно-морской атташе и главный военно-морской советник в Испании, затем командовал Тихоокеанским флотом. В 1939–1946 гг. – нарком ВМФ СССР, главнокомандующий ВМФ. Впоследствии на различных командных должностях, в том числе 1-й заместитель министра обороны СССР – главнокомандующий ВМФ. В ходе Великой Отечественной войны успешно руководил боевыми действиями флотов и флотилий. Внёс большой вклад в развитие и строительство ВМФ. Умер 6 декабря 1974 года.

25 июля 1904 года, 120 лет назад, в России была впервые использована система привязных аэростатов для воздушной разведки. В ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. при обороне Ляояна с 9 по 30 августа 1904 года воздушная разведка обнаружила большое количество

вражеских батарей, не видимых с земли. На фронте 3-й Маньчжурской армии разведчики с высоты 650 м заметили укрепления японцев на удалении 10 км от места наблюдения.

25 июля 1984 года, 40 лет назад, лётчик-космонавт С.Е. Савицкая первой среди женщин совершила выход в открытый космос с борта станции «Салют-7».

28 июля 1944 года, 80 лет назад, войска 1-го Белорусского фронта освободили г. Брест.

28 июля (последнее воскресенье июля) – День Военно-морского флота.

30 июля 1959 года, 65 лет назад, с полигона Тюратам в 9.00 (мск) произведён успешный запуск межконтинентальной баллистической ракеты Р-7, разработанной ОКБ-1 С.П. Королёва. Это был первый успешный пуск ракеты серийного производства.

31 июля 1944 года, 80 лет назад, был захвачена территория нацистского лагеря смерти Трехблинка (в 80 км к северо-востоку от Варшавы). При приближении советских войск охранники лагеря расстреляли оставшихся заключённых и ликвидировали лагерь. С июля 1942 по ноябрь 1943 года немцы и их пособники уничтожили в Трехблинке от 870 до 925 тыс. граждан СССР, США, Великобритании, Польши, Франции, Чехословакии, Болгарии и других стран.

31 июля 1919 года, 105 лет назад, приказом РВСР путём слияния Волжской и Астраханско-Каспийской флотилий была образована Волжско-Каспийская военная флотилия. 5 июля 1920 года переименована в Каспийскую флотилию, с середины июля – Морские силы Каспийского моря.

Публикация А.Л. Курсовой

ARMY 2024

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ФОРУМ

12–18 АВГУСТА 2024

КВЦ «ПАТРИОТ», МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. КУБИНКА

ОРГАНИЗАТОР

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЫСТАВОЧНЫЙ ОПЕРАТОР

МКВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КОНГРЕССЫ И ВЫСТАВКИ

RUSARMYEXPO.RU